

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. П. ОГАРЕВА

СТАТЬЯ «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ?». ПУБЛИКАЦИЯ С. ПЕРЕСЕЛЕНКОВА. — II. ЗАПИСКА О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА. — III. СТАТЬЯ «НУЖДЫ НАРОДНЫЕ». ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА. — IV. ПРОЕКТ АДРЕСА ЦАРЮ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА. — V. СТАТЬЯ О РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. ПУБЛИКАЦИЯ С. ПЕРЕСЕЛЕНКОВА. — VI. О «ПИСЬМАХ К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ» А. И. ГЕРЦЕНА. КОММЕНТАРИЙ Я. ЭЛЬСБЕРГА. — VII. ЗАПИСИ СНОВ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА. — VIII. ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ. ПУБЛИКАЦИЯ Б. КОЗЬМИНА.

Вступительная статья Б. Козьмина

В настоящем номере «Литературного Наследства» читатели найдут ряд впервые публикуемых публицистических статей и заметок Огарева, а также ряд его не переиздававшихся до сих пор прокламаций. Все эти статьи и прокламации относятся ко времени с середины 50-х до начала 70-х годов, т. е. к годам пребывания Огарева в эмиграции.

Началом публицистической деятельности Огарева надо считать 1856 г., тот год, когда он, покинув пределы родины, решил осуществить свою давнишнюю мечту — навсегда расстаться с «тюрьмой народов», какой в то время была Россия, и, присоединившись к своему другу Герцену, перейти на положение эмигранта. Если до своей эмиграции он и выступал изредка в русской легальной прессе с заметками публицистического характера; то это было сравнительно редким явлением. При этом, в силу цензурных условий, в которых находилась тогда русская печать, публицистические выступления Огарева не могли иметь такого значения, какое принадлежит его публицистической деятельности в годы эмиграции.

В настоящей статье мы имеем в виду познакомить читателей с деятельностью Огарева как публициста и проследить эволюцию его политических взглядов в годы эмиграции.

Что нужно осуществить, для того чтобы обеспечить русскому крестьянину безбедное существование и избавить его от притеснений, испытываемых им со стороны помещиков и чиновников? — этот вопрос являлся центральным в публицистике Огарева. В статьях, печатаемых в «Колоколе» и в других зарубежных изданиях, а также в своих прокламациях, Огарев касался самых разнообразных проблем, выдвигаемых развитием русской общественно-политической жизни того времени. Он писал и о судебной реформе, и о введении земства, и о финансовом положении России, и о преследовании правительством старообрядцев и сектантов и т. д. и т. д. Однако, какую бы проблему ему ни приходилось обсуждать, основным для него всегда оставался вопрос о крестьянстве. К самым разнообразным явлениям тогдашней политической жизни Огарев подходил с точки зрения интересов крестьянской массы; оценивая эти явления, он прежде всего задавался вопросом о их соответствии с интересами населения русской деревни. Поэтому можно сказать, что все многочисленные публицистические статьи Огарева объединяются единством темы и цели. Тема их — жизнь русского крестьянства во всех ее проявлениях, а цель — защита интересов мужика. Все, что не было связано с жизнью деревни, все, что стояло вне круга интересов и нужд русского крестьянства, — все это не привлекало к себе внимания Огарева и как бы не существовало для него.

Огарев был горячим и убежденным противником крепостничества. По его собственному выражению, он вырос на чувстве «ненависти крепостного человека к барству»¹. Болезненно воспринимая наблюдаемые с детских лет проявления дворянского самоуправства и самодурства, сын крупного феодала-аристократа, Огарев, под влиянием этих наблюдений превращался в кающегося дворянина, сознающего всю возмутительность крепостного права. Мысль о необходимости освобождения крепостных руководила всей деятельностью Огарева как в России, так и в эмиграции. И тогда, когда в студенческие годы он вместе со своими друзьями мечтал о революции, в целях ограничения власти царя, для него на первом плане стоял вопрос

крестьянский. И тогда, когда он увлекался идеями утопического социализма, и тогда, когда он погружался в недра германской метафизики, стремясь выработать себе философское мгносозерцание, могущее служить прочной основой практической деятельности, и тогда, когда он стремился построить свою собственную жизнь «адекватно истине», — он не упускал из вида основной и важнейшей для него задачи — устройства на правильных и справедливых началах жизни своих крепостных. Интересы крестьянства двигали им и тогда, когда он отпускал на волю крепостных своего богатейшего имения Белоомут, и тогда, когда отдавался «индустрии», пытаясь наладить в своих имениях фабрики, основанные на применении вольнонаемного труда, и тогда, когда он вырабатывал проект устройства политехнический школы, приуроченной к потребностям и бытовым условиям крестьян. Уже в одной из первых своих публицистических статей Огарев доказывал необходимость установления «нормального, правильного отношения работника к собственнику, в котором обеспечивалась бы непринужденность найма и ограждались работник и его труд от излишних притязаний»². (Читатели, привыкшие к языку тогдашней сдавленной цензурой легальной прессы, понимали, что Огарев имеет в виду отмену крепостного права.) Об отмене крепостного права Огарев заговорил и тогда, когда эмиграция дала ему возможность свободно излагать на бумаге свои мысли. В ряде статей Огарев разрабатывал принципы, долженствующие, по его мнению, лечь в основу этой необходимейшей для России реформы. В ряде статей он подробно разбирает правительственные и дворянские проекты «освобождения» крестьян, вскрывая, как далеко расходятся они с правильно понятыми интересами крестьянства. Истинный смысл реформы 19 февраля 1861 г. не скрылся от Огарева. Вскоре после опубликования столь превозносимых тогдашними либералами «положений о крестьянах», вышедших из крепостной зависимости», Огарев на страницах «Колокола» дал подробный разбор их, констатируя — кратко, но выразительно, — что «старое крепостное право заменено новым», что «народ царем обманут»³. Естественно, что при такой оценке реформы 19 февраля вопрос о судьбах русского крестьянства продолжал и после проведения этой реформы в жизнь оставаться для Огарева важнейшим и наиболее неотложным среди всех многочисленных проблем, выдвигаемых русской жизнью. В том же 1861 г., отвечая на вопрос: «что нужно народу?» — Огарев в следующих словах сформулировал самую суть своей социально-политической программы: «Очень просто, народу нужна земля да воля»⁴. И в последующих своих статьях Огарев неустанно твердил о том, насколько нуждается народ в «земле», и доказывал, что русский крестьянин не может существовать без «воли». До конца своей литературной деятельности Огарев боролся за интересы русского крестьянства, отстаивая необходимость реального, а не фиктивного освобождения его из-под власти не только помещиков, но и чиновников.

Это придавало известную односторонность всей публицистической деятельности Огарева. Он очень мало интересовался тем, что происходило на Западе. Крайне редко он отклонялся в своих статьях на политические события западной жизни и если и ссылаясь на них, то приводя их лишь в качестве примеров того, что надо избегать России. В этом отношении он далеко уступал своему другу Герцену, который не только всегда находился *au courant* политической жизни Запада, но и жил столько же, если не больше, его интересами, как и России.

Да и в самой России Огарев не видел ничего, о чем стоило бы серьезно разговаривать, кроме крестьянства, с одной стороны, и его угнетателей в лице дворянства и правительства — с другой. В этом мы убедимся, когда познакомимся ниже с отношением Огарева к русскому купечеству и мещанству и с его взглядом на роль городов в исторической жизни России.

Огарев приехал в Лондон, когда политический путь, избранный Александром II, незадолго до того вступившим на трон, далеко еще не определился. Пойдет ли он по стопам своего «незабвенного» родителя, или же необходимость заставит его решиться на реформы, диктуемые насущными потребностями экономического развития страны, — весной 1856 г., когда Огарев уезжал из России, оставалось еще неясным. Для людей осведомленных не было тайной, что при жизни своего отца Александр II выступал как решительный противник отмены крепостного права, видя в нем надежнейший оплот монархической власти. С другой стороны, кое-какие шаги нового правительства, вроде облегчения доступа в университеты, некоторого ослабления цензурных тисков и т. п., давали основание предполагать, что печальный урок Крымской войны не прошел бесследно и что мысль о необходимости реформ не вполне чужда правящим кругам. Как ни робки и нерешительны были эти шаги по пути к обновлению строя русской жизни, они внушали либеральной части тогдашнего общества надежду на близкое осуществление ее политических мечтаний. Огарев в это время вполне разделял такую надежду. Это совершенно очевидно из первой же статьи, напечатанной им за границей; мы имеем в виду статью «Русские вопросы», появившуюся во второй книжке «Полярной Звезды». Огарев говорил в ней о неотложности отмены крепостного права. При этом он указывал на невозможность освобождения крестьян без земельного обеспечения их и на необходимость сохранения крестьянской общины. «Мы уверены, — писал он, — что император Александр

освободит крепостных людей в России. Их нельзя не освободить, не подвергнув государство финансовому разорению, или дикой пугачевщине, или и тому и другому разом». «Русский народ, — продолжал Огарев, — не может отделить себя от земли, землю от общины. Община убеждена, что известное количество земли принадлежит ей... Эта нераздельность человека и земли, общины и почвы — факт... В понятии русского народа иное устройство невозможно». К этому Огарев добавлял, что освобождение крестьян без земли явилось бы в сущности «введением в России пролетариата, который до сих пор у нас неизвестен, тогда как легко можно избежать его и всех его последствий».

Н. П. ОГАРЕВ

Литография, 1850-е гг.

Уже из этих слов Огарева совершенно ясно, насколько пугала его мысль, что русская общественная жизнь может развиваться в том же направлении, в котором она развивалась на Западе. «О, моя Россия! — восклицал Огарев. — Дорого бы я дал, чтобы ты была избавлена от всех страданий западного развития, бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства, пролетариата, формально законных и человечески несправедливых судов, притеснений, позорного мещанского тиранства, лицемерия, и развивалась бы ты мирно, путем вечно юной реформы».

Хотя Огарев, как видно из приведенных выше его слов, и высказывал уверенность, что Александр II понимает потребности народа и потому освободит крепостных, многое смущало его в поведении правительства и заставляло восклицать: «Страшно мне за тебя, моя Россия!» Он думал, что если новый царь еще не заявил о своем намерении отменить крепостное право, то в этом виноваты окружающие его люди, которые привыкли смешивать личные выгоды с интересами государства. Необходимо, чтобы царь нашел себе новых советников и помощников, способных

отрешиться от своекорыстных поползновений. «Для нового вина, — писал он, — надо мехи новые; страшная истина! Горе, если император Александр не поймет ее. Что же мешает ему понять эту истину и окружить себя «людьми с свежим умом и чистыми намерениями»? Только одно — это табель о рангах. «Чин, — писал Огарев, — эта немецко-китайская язва в России, может помешать ее будущему развитию и всякому благому намерению молодого государя»⁵.

В статье «Русские вопросы» Огарев кратко набросал почти все те основные мысли, которые он развивал впоследствии в своих статьях, написанных до реформы 19 февраля 1861 г., а отчасти и в позднейших: западный путь развития губелен для России; освобождение крестьян с землею и с сохранением общины открывает возможность избежать эту опасность; путь мирных реформ предпочтительнее пути, связанного с «кровопролитием»; царь понимает истинные нужды России, но своекорыстное чиновничество мешает ему в его благих преднамерениях; на «образованных» людях лежит обязанность помочь царю осуществить необходимые для России преобразования.

Как видим, Огарев в это время еще вполне разделял многие либеральные иллюзии и был очень далек от мысли, что революция — единственное средство разрешить большие вопросы русской жизни в интересах крестьянской массы. Но это еще не значит, что Огарев был либералом. Его отношение к крестьянству проводило резкую грань между его воззрениями и буржуазным либерализмом.

Огарев исходил из признания того, что историческое развитие России шло совершенно иными путями, чем развитие западноевропейских государств. В основе истории последних лежит факт завоевания, порабощения одного племени другим; история же русского народа шла путем мирного заселения ниже не занятых земельных пространств. На Западе завоеватели разрушали существовавший до их прихода общинный строй, отбирали землю у покоренных племен и обращали их в рабов. «Факт завоевания» породил на Западе «право земельной собственности»; на этом был основан весь его экономический быт. Развивая принцип собственности, Запад дошел «до права участия собственников в общественных делах и, следовательно, до представительного правления», получившего свое высшее развитие в Англии. Таким образом, в основу всего западного развития лег факт юридический — право личной собственности.

Иначе развивалась, по мнению Огарева, русская жизнь. «Русское начало, — писал Огарев, — совершенно не юридическое, русское начало — экономическое, начало земельной собственности общественной и права каждого на пользование землей. От этого Россия была равнодушна к форме правления, и в то время, когда Европа выработала себе выборные начала для представительства в законодательных собраниях, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, тоже ограниченных учреждением присяжных, — русский народ в своем обычае сохранил выборную администрацию и мирской суд, не подумав об остальном отношении к центральной власти». Западные европейские понятия собственности и политические порядки Запада остались совершенно чуждыми русскому народу. «Народ, бессознательно участвуя в образовании сильной державы, подчинился управительству, но не подчинился ни внешней форме образа жизни, ни европейскому содержанию, т. е. европейскому пониманию права собственности. Прикрепленный к земле, ... он стал молча отстаивать свое общинное право землевладения и право каждого на пользование участком в артельной земле... Народ сохранил свой взгляд вопреки всем вторжениям управительственного начала и с вида подчиняясь ему. В этом безмолвном, но упорном сохранении своего понимания заключалась вся внутренняя народная жизнь от реформы Петра I»⁶.

Начало личной собственности является основной причиной всех бедствий, переживаемых Западом. «Мне странно, — говорит Огарев, — что серьезные люди не хотят обратить внимания на то, что Европа гибнет не от революций и не от Наполеонов, а от частного землевладения»⁷. Западный мир «дошел до такой формы земельной собственности, из которой он, задыхаясь, не может выпутаться»⁸.

Личная земельная собственность губительна независимо от того, сосредоточивается ли она в руках немногих, как в Англии, или дробится между многочисленными мелкими собственниками, как во Франции. Политическая свобода, которой славится Англия, не прельщает Огарева; он понимает, что эта свобода не для всего народа, а лишь для материально обеспеченного меньшинства. Для людей же, лишенных собственности, она сводится к «полной свободе... умереть с голоду»⁹. Положение народа в Англии настолько невыносимо, что рано или поздно это государство, «если не исправится путем реформы, то... лопнет как кратер». Не менее тяжело положение и французского народа. Именно в этом и лежит причина судорожно повторяющихся во Франции бесплодных кровавых революций, приносящих «вместо гражданской свободы, позорный деспотизм»¹⁰. Тупик, в который зашла Европа, создается лучшими представителями ее общественной мысли. «Западная наука..., — говорит Огарев, — так поняла невозможность дальнейшего экономического развития Европы, невозможность выйти из заколдованного круга юридических понятий о собственности, что с ужасом бросила камень в собственную цивилизацию»¹¹. Однако, если Европа додумалась до

социализма, то осуществить его у нее, как показал опыт 1848 г., нехватает сил: «история слишком истощила ее почву, зерно нейдет в рост и все живое каменеет в известной форме собственности»¹².

Исходя из только что изложенного, Огарев делает два вывода применительно к России, а именно: слепое подражание Западу было бы для нее губительно, — это, во-первых, а во-вторых, социализм имеет больше шансов на осуществление в России, чем на Западе.

«Общая задача наша, — пишет Огарев, — поставлена: сохраняя все то общечеловеческое образование, взятое с Запада, которое действительно привилось к нам и, следовательно, должно идти нам в рост, — удалить все то, что не привилось, что составило нарост ложных учреждений и ложных юридических понятий и следственно освободить народное начало общественного права собственности и самоуправления так, чтоб оно могло развиваться без препятствия на свободе». Одним же из таких болезненных наростов, долженствующих «отвалиться», является правительственная система, принявшая в России чуждую народу и несоответствующую экономическому началу русской народной жизни «латино-германскую форму»¹³.

Таким образом, все усилия должны быть приложены к тому, чтобы экономическое начало, лежащее в основе русской жизни, было сохранено и получило возможность свободного развития. Принадлежность земли народу и общинное пользование ею должны стать краеугольным камнем будущности русского народа.

Огарев — горячий панегирист общинного землевладения. Он приводит в пользу сохранения его почти все те аргументы, какими впоследствии пользовались народники-семидесятники.

Характерно, что в 40-е годы, когда Огареву в его хозяйственной деятельности приходилось вступать в непосредственное соприкосновение с крестьянской общиной, его отношение к ней отличалось гораздо более реалистическим характером, чем в эмигрантский период его жизни. Тогда он умел разглядеть в общинных порядках наличие ряда темных сторон и подметил, что то равенство, которое существует в общинном быту, — равенство только формальное. «Я не знаю, — писал он в то время, — как иначе назвать равенство подати при неравенстве сил, равенство земель при неравенстве трудов и капиталов. Наша община есть равенство рабства»¹⁴. Тогда, в 40-х годах, он находил возможным говорить об «упорном неразумии общины, которое оскорбляет на каждом шагу»¹⁵. Тогда он умел подмечать факты, решительно расходящиеся с идеальной мирской справедливостью, которой, по его позднейшим воззрениям, проникнуты взаимные отношения членов общины¹⁶.

За границей, под влиянием, с одной стороны, впечатлений от английской жизни с ее обнаженными классовыми противоречиями, а с другой — идеей Герцена, давно уже выступавшего поклонником общинного строя русской деревни, отношение Огарева к общине совершенно изменяется. Он начинает признавать, что в ней заключены зачатки справедливейшего строя общественной жизни. Общинные порядки, по мнению Огарева, гарантируют право каждого на пользование землею. Община обеспечивает всем своим членам источники существования¹⁷. При общинном владении землею немыслимо возникновение пролетариата¹⁸. Сохранение общины дает возможность мирного преобразования общественных отношений на началах справедливости и равенства. Артельное устройство всей экономической жизни страны является прямым выводом из существования общинного владения землею¹⁹.

Исходя из этого, Огарев дает решительный отпор противникам общинного землевладения, доказывая, что их аргументы против него совершенно неосновательны.

Ненавистники общины утверждают, что экономическая отсталость России является следствием общинного землевладения и связанной с ним неуверенности в сохранении за хозяином обрабатываемого им участка при земельных переделах. Это неверно, отвечает Огарев: «дурное земледелие» — результат не общинного устройства, а недостаточности сбыта, крепостного права и притеснений администрации. Говорят, что общинное устройство подавляет личную свободу. Это тоже неверно, отвечает Огарев: «Личность подавлена, помимо общины, помещиком, администрацией, бессудием»²⁰.

Защита Огаревым крестьянской общины не означала того, что он считал ее реально существующую форму за образец наилучшего общественного устройства. «Нисколько не видя в русском общинном быте идеала общественной жизни, — писал он, — мы не можем не видеть в нем зародыша ее более спокойного, рационального и гуманного развития»²¹.

Огарев сознавал, что «идеал общественности, к которому стремится Европа, совсем не то, что общинное землевладение у наших крестьян». Но он высоко ценил заложенную, по его мнению, в русской общине возможность дальнейшего ее развития. «Гораздо легче, — писал он, — идеал общинности развить из формы общинного землевладения, чем из форм собственности совершенно противоположных. На основании противоположных форм землевладения стремление к общинности может идти только посредством насильственных кризисов, потому что надо ломать существующее, между тем как при общинности землевладения надо только оставить это

начало свободно, беспрепятственно и естественно развиваться без всяких общественных потрясений»²².

Другими словами, Огарев верил в то, что общинное землевладение русских крестьян открывает им возможность скорейшего и более легкого перехода к социалистическому строю, чем частное землевладение, господствующее на Западе. «В форме общинного землевладения, — писал Огарев, — социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна».

Естественно, что при таком взгляде на общинное землевладение Огарев должен был решительно высказаться против всяких попыток безземельного освобождения крестьян. Освобождение без земли приведет к тому, что Россия пойдет путем западноевропейского развития или, другими словами, что в ней интересы деревни будут принесены в жертву буржуазии.

«Если крестьян отпустят без земли, — писал Огарев еще в 1856 г., — дворянство, вместо роли образованного класса в государстве, разыграет роль западного мещанства, разовьет право собственности до варварства, как в Англии, разовьет угнетение и нищенство крестьян и даст повод к смутам, которых жестокость будет страшная!.. Если крестьян отпустят без земли, эти свободно-бездомные люди станут напимать землю. Кто же установит цену этих паймов? Буржуа-помещик. Из-за чего трудиться изменять крепостное состояние русского на крепостное состояние западное, может быть, еще более тяжелое? Из чего трудиться, чтобы перейти из рабства к рабству? А ведь можно перейти от рабства к действительной свободе». Для этого, по мнению Огарева, достаточно предоставить крестьянам ту землю, которой они уже пользуются²³. Он верит, что тогда «Россия оживет и разбогатеет»²⁴.

Если в идеале Огарев мечтал о переходе всей земли во владение крестьянских общин, если он признавал, что «лучше устроить так, чтобы не было ни единого человека в России, который бы не имел своего земельного участка в общине»²⁵, — то на практике, считаясь с противодействием, которое такой план неизбежно должен был вызвать со стороны дворянства, Огарев, не желая осложнять дело отмены крепостного права, соглашался на оставление за помещиками той части принадлежащих им земель, которая не находится в непосредственном пользовании крестьян и на которой помещики ведут свое собственное хозяйство²⁶.

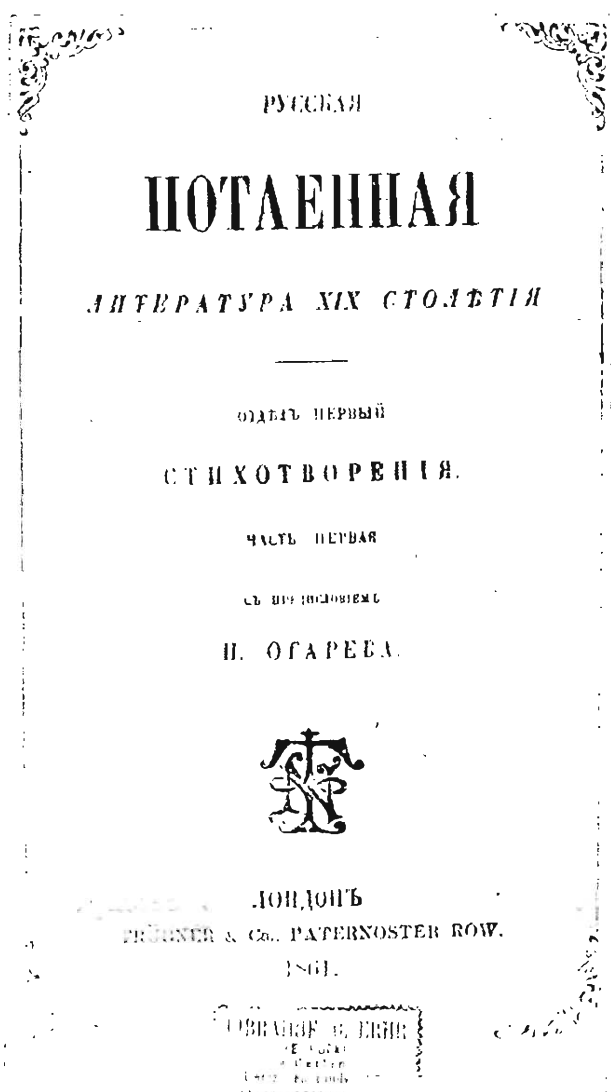
Тем же стремлением облегчить и ускорить освобождение крестьян объяснялось согласие Огарева на выкуп земли, долженствующей отойти от помещиков к крестьянам. Он признает, что никаких юридических оснований для этого выкупа нет и что по справедливости помещики должны были бы бесплатно отдать крестьянам земли, находящиеся в пользовании последних. Но на этом настаивать он не решается, «потому что дворянства не вычеркнешь; оно также представляет известную силу в государстве, известную функцию в развившейся формуле». «При борьбе двух условий, — говорит Огарев, — выкуп за землю обойдется крестьянам дешевле, чем бунтовать»²⁷.

Таким образом, не какие-нибудь принципиальные мотивы, а только соображения целесообразности заставляли Огарева высказываться за выкуп земли. Сообразно с этим он решительно отстаивал право государственных крестьян на бесплатное получение земельных наделов от казны. В данном случае не было оснований опасаться возникновения взаимной борьбы двух общественных классов, избежать которую всячески стремился, как мы убедимся в этом ниже, Огарев в годы подготовки крестьянской реформы.

Допуская выкуп помещичьей земли, Огарев неоднократно подчеркивал, что этот выкуп должен быть обязательным как для помещиков, так и для крестьян. «Только при обязательном выкупе правительство может установить общий метод, общую финансовую меру выкупа и явиться порукою за крестьян ради успокоения помещичьей стороны»²⁸. На возможность полюбовных сделок между крестьянами и помещиками Огарев не рассчитывал. Исходя из этого, он еще в 1858 г. составил детальный проект выкупа крестьян через посредство Опекунского совета и послал его великому князю Константину Николаевичу, слывшему сторонником отмены крепостного права²⁹.

Неоднократно Огарев высказывался и за то, что все крестьяне должны получить свободу одновременно и немедленно, без всяких «переходных положений». Правда, вначале он допускал, что отмена крепостного права должна быть проведена с «некоторой постепенностью для предотвращения потрясений, никому не полезных»³⁰. Однако очень скоро он убедился, что «потрясениями» грозит не немедленность освобождения, а его постепенность, и начал доказывать несовместимость общего выкупа с постепенностью³¹ и отвергать «странную мысль», что крестьянин не способен вдруг начать жить свободно, а должен [по первоначальному правительственному проекту реформы. — Б. К.] двенадцать лет постепенно отвыкать от барщины»³². Огарев доказывал, что отказ от срочно-обязанного положения крестьян устранил много «смут, судебных и не судебных распри и даже несчастий». «Переходное положение, — пишет Огарев, — поставит крестьян на ножи. Крестьянин думал, что он будет вольный, а на деле увидит, что нет... Играть народным терпением опасно»³³.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ «РУССКАЯ
ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТО-
ЛЕТΙΑ»

Огарев не только старался запугать правительство и дворянство угрозой мужицкой революции, он сам в это время боялся ее и желал во что бы то ни стало ее предупредить. В период, предшествовавший реформе 19 февраля, Огарев выступает в роли мирного реформатора и убежденного противника насильственных методов борьбы.

В этом, прежде всего, сказалось влияние западноевропейского опыта и, в частности, неудачного исхода революции 1830 и 1848 гг.

В «Письме к издателю», помещенном в № 1 «Колокола», Огарев, обращаясь к Герцену, писал: «Из ваших сочинений можно заключить, ... что вы не кровавый революционер, а что последние годы вас выучили не верить революциям, по крайней мере, политическим революциям, которые ставят короля-банкира на место короля-барина, императора-плута на место короля-банкира; но что в сущности эти революции не составляют реформы, перемены, что перемена лежит в экономических данных государства, какое бы правительство ни было, и что вы готовы ужиться со всяким правительством, лишь бы оно стояло на высоте экономических изменений в государстве. Дело не в перемене правительства, а в перемене, которая улучшила бы положение людей. Вот, в чем ваш, так называемый, социализм, с которым всякое разумное правительство, которое не хочет погибнуть, должно быть заодно»³⁴.

«Мы не друзья крутых, кровавых переворотов, — писал Огарев в другом месте; — они не достигают цели, если смысл их еще не ясен в сознании народном; а если смысл переворота ясен в сознании народном, то и самый переворот может осуществиться без потрясений и кровопролитий»³⁵.

Отрицая насильственную революцию, Огарев должен был с недоверием относиться к заговорщической деятельности тайных обществ. Их деятельность, указывает он, никогда не достигает прямой цели. Значение тайных обществ, по мнению Огарева, заключается в совершенно другом, — в их нравственном влиянии на людей, в том, что они воспитывают общественное мнение в известном направлении³⁶. В этом отношении чрезвычайно характерна записка о тайном обществе, публикуемая в настоящем номере «Литературного Наследства». Она была составлена Огаревым, по-

видимому, в 1860 г. Вся деятельность проектируемого Огаревым тайного общества рассчитана не на подготовку восстания, а на мирную пропаганду необходимости реформы русского социально-политического строя.

В отрицательном отношении Огарева к кровавой революции играл роль не только опыт Запада, но и опыт самой России. В Огареве в это время был жив еще дворянский страх перед крестьянским восстанием, перед «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным». Таким именно бунтом представлялась ему возможная в России крестьянская революция. По мнению Огарева, из восстания крестьян не может выйти ничего, кроме «дикого кровопролития», опасного, в первую очередь, для немногочисленных кадров русской интеллигенции. Огарев высказывал уверенность в том, что «элементов европейской революции в России нет». Однако вместе с этим он допускал, что правительство, в том случае, если оно не решится пойти на удовлетворение народных нужд, «может наткнуться на иную революцию, совсем не европейскую, а дикую революцию, враждебную образованности»³⁷.

Из страха перед этой революцией Огарев прилагал все старания, чтобы убедить правительство в необходимости отмены крепостного права и доказать дворянству, что крепостные отношения не только невыгодны для него самого, но даже прямо-таки убыточны и ведут дворянство к неизбежному разорению. Огарев знал, как быстро растет задолженность помещичьих имений, и понимал, что причина этого роста вовсе не в мотовстве дворян, как полагали многие близорукие люди того времени. «Ложное положение отношений помещиков и крестьян, — писал Огарев, — более вероятная, коренная причина упадка дворянских имений. А упадок страшный! Опекунские советы не знают, что делать с огромным количеством имений, поступающих к описи, и отсрочивают платежи, не имея возможности продать с публичного торга просроченные имения»³⁸.

По мнению Огарева, «не расчет, не боязнь потери и разорения заставляет дворянство упорно держаться за крепостное право, — а привычка». Чтобы преодолеть эту привычку, Огарев указывает дворянству на блестящее экономическое будущее, которое становится доступным для него после падения крепостничества. «С уничтожением крепостного состояния, — пишет он, — дворянство ринется в промышленность, в этот естественный путь, на котором оно найдет себе исход. Если теперь дворянство не хочет понять своей естественной сферы деятельности, то необходимость скоро заставит его понять ее и свое великое назначение — быть средою, которая оживит все богатые производительные силы России»³⁹.

Если же дворянство не поймет этого и будет продолжать упорствовать в защите крепостного права, то России не избежать кровавой смуты. «Слишком много желчи накопилось в крестьянских душах от долговременного помещичьего насилия, слишком громко поставлен на ноги вопрос об освобождении, чтобы спокойствие сохранилось, если помещики станут упорствовать»⁴⁰.

Мы уже указывали, что под влиянием либеральных иллюзий Огарев искренне считал Александра II человеком, преданным народному освобождению и заботящимся о наиболее выгодном для крестьян устройстве их будущего. Не раз заявлял он свое убеждение, что царь необходимо должен стать во главе общественного развития. Только своекорыстие чиновников и тупоумие дворянства задерживают, по мнению Огарева, нормальный ход реформаторской деятельности правительства.

Не найдя в манифесте, изданном по случаю окончания Крымской войны, ни слова об освобождении крестьян, Огарев объясняет это не нежеланием Александра II, который, «говорят, ...человек благонамеренный и добрый», а интригами высшей бюрократии. «Александра, — пишет он, — еще окружают николаевские люди, люди раболепия и неправды, люди корыстные, люди, скрывающие под видом важности ограниченность и невежество, фельдфебели в чине государственных сановников, люди, которым кажется преступлением все, что честно, благородно и разумно». «Государь! — пишет Огарев обращаясь к царю, — освободите сами себя и освободите Россию»⁴¹.

Мысль о том, что и чиновничество, и правительство, и сам царь — не что иное как агента господствующего помещичьего класса, была совершенно чужда Огареву. В его глазах дворянство — стена, отделяющая народ от царя. Оно враждебно тому и другому. «Дворянство, — писал Огарев, — естественный антагонист и правительства и народа, ибо *arriere-pensée* и цель всякого дворянства невольно есть олигархия»⁴². Что же касается крестьянского вопроса, то в нем дворянство, вследствие его своекорыстия и неразумия, играет роль тормоза и «мешает правительству действовать разумно и благородно». Под влиянием такого взгляда на роль дворянства, Огарев был готов видеть борьбу между министерством внутренних дел и дворянством там, где в действительности происходило столкновение различных групп внутри самого дворянства, и признавал, что «министерство внутренних дел играет в этом случае благородную роль»⁴³.

В течение ряда лет, употребленных правительством на подготовку реформы 19 февраля, Огарев внимательно следил за всем происходящим в правительственных сферах и отмечал все колебания в курсе правительственной политики, радостно

приветствуя все заявления правительства, свидетельствующие об его решении отменить крепостное право, и впадая в отчаяние при каждой вести, обнаруживавшей, что интересы дворянства правительству ближе, чем интересы многомиллионной массы крепостного крестьянства.

Известно, с какой горячностью приветствовал Герцен ноябрьские рескрипты 1857 г., которыми Александр II впервые заявил публично о своем решении принять меры к улучшению быта помещичьих крестьян. С неменьшей горячностью отозвался на них и Огарев. Отмечая издание этих рескриптов, как «великое событие», Огарев писал: «Мы начинаем 1858 г. приветствием Александру II за начало освобождения крепостного состояния. Мы убеждены, что он равнодушно примет это горячее приветствие людей, которые для себя лично от него ничего не ждут и ничего не просят, приветствие свободных русских людей — царю, уничтожающему рабство»⁴⁴.

Таким образом, в деле отмены крепостного права, Огарев рассчитывал отнюдь не на активность самого крестьянства, а на благие намерения царя и правительства. Крестьяне, по мнению Огарева, вследствие своей неразвитости, заботности, привычки к повиновению и страха перед всем, что им кажется силою, неспособны отстаивать свои интересы и сознательно добиваться улучшения своей участи. Крестьяне понимают необходимость отмены крепостного права, но не сознают, какими средствами можно и должно добиться осуществления этой реформы. «Народ, — писал Огарев, — плохо может высказать понятие, находящееся у него скорее в степени инстинкта, чутья, а не ясной мысли»⁴⁵.

На кого же в таком случае может правительство опереться в своей реформаторской деятельности? Кто поможет ему выработать и провести в жизнь такое сложное и многотрудное дело, как отмена крепостного права, являвшегося одним из основных устоев существующего политического и общественного порядка?

В начале Огарев возлагал все свои надежды на содействие правительству среднего дворянства, обладающего высшим образованием и, в то же время, благодаря своей жизни в деревнях, знакомого с нуждами и потребностями народа. «Эти люди, — писал в 1856 г. Огарев, — остались самобытны и независимы, следственно добросовестны. В этих людях в настоящую эпоху выражается высшее развитие русской мысли; они могут быть советниками и помощниками»⁴⁶.

Однако работа дворянских комитетов по крестьянскому делу убедила Огарева в том, что среднее дворянство далеко не так бескорыстно и добросовестно, как он думал. Под влиянием этого Огарев начинает говорить уже не об этой группе дворянства, а об «образованном меньшинстве» вообще. «Наше образованное меньшинство, — писал он в 1858 г., — не принадлежит исключительно дворянству. Оно состоит из тех немногих, — из какого бы сословия они ни происходили, — которые учившись, приняли науку и нераздельное с ней понятие справедливости к сердцу. Только эти немногие составляют передовой отряд русского движения, с которым народ может всегда сочувствовать и на который правительство может положиться во всех случаях, когда оно хочет сделать шаг вперед для общего блага. — Большинство же помещиков может только мешать народному развитию»⁴⁷. Таким образом, ход крестьянского дела открывал Огареву глаза на многое, чего раньше он не замечал, и, в конце концов, он должен был признать, что «несостоятельность дворянства», так ярко обнаружившаяся при обсуждении крестьянской реформы в губернских комитетах, «заставляет умы в иной сфере искать элементов для живого русского развития»⁴⁸. Ниже мы увидим, где он нашел эти элементы, но он нашел их только после обнаружения реформы. Теперь же он продолжал строить свои расчеты на образованном меньшинстве дворянства. Особенно ярко это проявилось в 1860 г., когда Огарев выдвинул и развил явно утопический план освобождения крестьян помимо правительства и независимо от него.

Согласно этому плану, образованное меньшинство должно само договориться с крестьянами о выкупе земли и открыть для этой цели подписку для организации специального, независимого от правительства, выкупного банка. Огарев был убежден, что крестьяне охотно пойдут на такой выкуп по соглашению; они поймут, что он «обойдется обеим сторонам дешевле, чем распри и настоящий бой». Но где гарантия, что крестьяне будут исправно выполнять принятые ими на себя обязательства? «Крестьяне станут платить, — отвечает на этот вопрос Огарев. — Они поверят вашему честному слову; вы поверите их слову. Обмана не будет, и характер народный очистится».

Если меньшинство дворянства энергично примется за это дело, то и большинство его, по мнению Огарева, будет вынуждено примкнуть к нему, потому что «иначе народ его перевешает». Дворянство должно же понять, наконец, что спасение его «в союзе с народом», иначе оно «будет задушено или народом, или управлением». Таким образом, если прежде Огарев возлагал надежды на правительство в целях преодоления косности, своекорыстия и неразумия дворянства, то теперь он начинает ориентироваться на дворянство, в целях борьбы с правительством, не понимая истинных интересов страны. Эти колебания и переломы в расчетах крайне характерны для Огарева и показывают, как медленно и с каким трудом преодолевал он свои иллюзии.

Однако возникает вопрос: признает ли правительство проектируемый Огаревым выкупный банк. Пусть не признает, отвечает Огарев: «Никто не может мешать вашим векселям за поручительством служить законным документом и пользоваться кредитом по мере того доверия, которое вы вызовете вашей круговой порукой, вашим умением, вашей деятельностью и личным благородством».

Огарев сознается, что его проект можно упрекать в утопичности, но это не смущает его. «Вся история, — говорит он, — идет этим путем: человечество живет утопией, стремится к мечтательному общественному устройству, а по дороге достигает существенных преобразований».

«Да попробуйте же, прежде чем говорить, что невозможно!» — заявляет Огарев своим предполагаемым оппонентам⁴⁹.

Огарев придавал громадное значение проекту создания независимого от правительства общественного банка, видя в нем не только путь к ликвидации крепостного права, но и средство для борьбы с чиновничеством, которое в глазах Огарева, являлось наряду с крепостничеством, главной причиной всех бедствий, переживаемых Россией. Бесправие населения и произвол администрации в России гнетущим образом действовали на Огарева. Его до глубины души возмущала «паглотность обращения всякого мало-мальски высшего с низшим».

«Ни единый человек, выше тебя поставленный, — писал он, — не постыдится оскорбительно и нахально переступить порог твоего дома, особенно, если этот дом — изба. Понятие чести замерло перед этим нахальством. Личность не выработалась для самостоятельности и несмотря на нашу храбрость в бою, гражданская трусость сделалась нашим отличительным свойством. Всякая защита своего права и правды у нас считается бунтом; а подлость, если не доблестью, то, по крайней мере, делом естественного порядка вещей. Крепостное право и чиновничество стерли неприкосновенность собственности. Судят и осуждают людей втихомолку, основываясь на подкупе, лицепрятни и притеснении. Мнению высказаться вслух нельзя, и на устах русского лежит печать молчания. Какие постановления делает администрация, какие распоряжения, куда девают все суммы, не мытьем, так катаньем собираемые с народа, — никому неизвестно, как будто никто этим не заинтересован, как будто России дела нет до того, что с нею делают. Даже само правительство по большей части не знает, что делает администрация, и не имеет никакой путеводной нити для проверки отчетов, потому что действительная проверка и гласность нераздельны. Наша наука отстала, наша промышленность и особенно наше земледелие в совершенном младенчестве»⁵⁰.

Эта печальная картина доказывает необходимость срочно принять меры к обузданию произвола и алчности чиновничества и прекратить тот грабеж народа, которым занимается вся администрация, начиная с земской полиции и кончая губернаторами. Мы видели уже выше, что Огарев считал неотложным обновление состава администрации и привлечение в ее ряды «свежих» людей, преданных интересам народа. Только тогда, когда в ряды чиновничества вольются новые люди, оно оздоровится и перестанет «отгораживать» народ от правительства и «заслонять» их друг от друга⁵¹.

«Во имя народа и образованного меньшинства, — писал Огарев, — мы невольно побуждены сказать правительству: берите людей новых; с вашими старыми управителями губерний вы ни до чего не дойдете, кроме смут, которые и вам, и нам, и всякому здравомыслящему и честному русскому хотелось бы отворотить от отечества»⁵².

Но привлечение свежих людей в ряды администрации затрудняется существованием иерархической системы, которую представляло собою русское чиновничество. «Правительству надо уничтожить чин, чтоб иметь возможность окружить себя порядочными людьми». Табель о рангах, по словам Огарева, стоит преградой между правительством и честными, даровитыми и образованными людьми, привлечение которых на административную службу представляется насущной необходимостью⁵³.

Однако очень скоро Огарев убедился, что одним обновлением состава чиновничества делу помочь нельзя и что необходимы иные меры, которые приблизили бы администрацию к народу. Главной из этих мер он считал выборность администрации населением. По его мнению, необходимо предоставить селам, волостям и городам свободно выбирать подотчетных населению и сменяемых по его указанию начальников. Однако в это время Огарев еще не настаивал на полном уничтожении администрации, назначаемой правительством. На ряду с выборными властями продолжают существовать и коронные чиновники. В каждую губернию правительство назначает губернатора, прокурора, казначея и следователя (судьи избираются населением). Что касается губернатора, то на обязанности его лежит объявлять населению распоряжения правительства и требовать их исполнения. При этом, если население находит то или иное правительственное распоряжение неправильным, нецелесообразным и нуждающимся в «улучшении», оно входит с представлением об этом через губернатора к царю, от которого зависит окончательное решение дела⁵⁴. Таким образом, неограниченная власть царя остается в неприкосновенности. Подобно славянофилам,

Огарев предоставляет народу только «свободу мнения», не покушаясь на прерогативы монарха.

Однако и на такой точке зрения Огарев удержался недолго. Мы видели уже, как ход крестьянской реформы освобождал его постепенно от либеральных иллюзий и как он начал понимать безнадежность расчетов, которые он раньше связывал с благими намерениями правительства и царя.

Если раньше он призывал «образованных людей» идти на государственную службу, чтобы помогать правительству в его реформаторской деятельности, то теперь

ГЕРЦЕН

Портрет итальянским карандашом А. Морозова, 1904 г., с утраченной фотографии 1850-х гг.

Литературный музей, Москва

он обращается с призывом ко всем «честным людям» действовать помимо правительства, не считаясь с ним и даже бойкотируя его.

«Что правительство будет против нас, я в этом уверен,— писал Огарев в 1860 г., развивая известный уже нам проект выкупа помещичьей земли помимо правительства; — бессмыслие людское велико... А потому образованное меньшинство должно оставлять гражданскую службу; польза, которую оно приносит на этом поприще — вред... Уж если нужна служба, то лучше служить в военной службе, по крайней мере, в войске прибавится масса образованных офицеров, которые не допустят солдат ни стрелять по народу, ни устраиваться Польше как знает».

Свой проект общественного выкупа земли и учреждения выкупного банка Огарев рассматривает как начало создания общественной организации, которая при

благоприятных обстоятельствах может заменить правительственный аппарат. В осуществлении этого проекта он видит учреждение «*de tacto*, на деле, помимо правительства, того общественного устройства, которое со временем заменит настоящее положение».

Крайне характерно, что в связи с этим у Огарева впервые появляется мысль о непосредственном обращении к народу.

«Надо, — пишет он, — готовить учителей, проповедников науки для крестьян, странствующих учителей, которые из конца в конец России могли бы разносить полезные и прилагаемые знания. Общественный кредит может подготовить их и пустить в ход»⁵⁵.

Таким образом, выясняется, что задачи проектируемого Огаревым общественного банка не ограничиваются содействием выкупу крестьянами земли от помещиков, а приобретают более широкое значение, сводящееся к коренному изменению всего политического строя страны. Другими словами, чем более приближался момент обнародования крестьянской реформы, тем меньше у Огарева оставалось надежд на правительство Александра II.

Изменившиеся к концу 1860 г. политические настроения Огарева нашли себе чрезвычайно яркое выражение в его статье «На новый год», опубликованной в номере «Колокола», датированном 1 января 1861 г. В этой статье Огарев ставит вопрос о том, какие последствия повлечет за собою подготавливаемое правительством освобождение крестьян.

«Какое бы оно ни было, — пишет Огарев, — в первый день оно примется с восторгом. Не один шкалик откупного вина разопьется в честь свободы... Но день пройдет, все оглянутся и увидят, что и вино поддельное, и свобода поддельная. Наступит пора страшного молчания, от которого много лиц побледнеет; а потом люди очнутся, жизнь взойдет в свои права и станет искать себе выхода».

И крестьяне, и помещики, и чиновники, и купцы, и мещане, и ремесленники, и духовенство, — словом все население Российской империи будет, по мнению Огарева, недовольно реформой и придумавшим ее «немецким правительством», которое «сосредоточено из всего бездарного, невежественного, своекорыстного и непонимающего ни русской жизни, ни русских потребностей».

Таким образом, правительство окажется в положении полной изолированности, против него будет стоять «всё... вся Русь». «Очевидно всё, т. е. Россия, должны перетянуть официальный мир». Но, может быть, правительство соединится со «всеми» и признает необходимым удовлетворить потребности народа? «Это было бы дело великое, — пишет Огарев, — но оно не соединится ни с кем, потому что оно не только иностранно, но оно бездарно». Самое большое, оно сделает кое-какие уступки. «Их нужно принять, ими необходимо воспользоваться, но цели из виду не терять».

Если правительство не сможет понять потребностей страны, «тактика остается одна: отстраняться от официального мира, выходить из чиновничества, оставлять в нем одну бездарность и недобросовестность; и усиливать число людей для образования банков, число людей в промышленности, число людей в литературе и, наконец, число образованных русских офицеров, так чтобы правительственная бездарность не могла бы опираться на штыки и рассчитывать на пушки».

Предстоящая борьба с правительством принимается Огаревым как печальная необходимость, помимо которой не остается никаких иных средств для спасения страны. «Поневоле и со скорбью, — пишет он, — общество придет к заключению: «От правительства ждать нечего; станемте на свои ноги». И общество будет «вынуждено отделиться от правительства и не допускать, чтобы оно мешало развитию тех общественных данных, которые существуют, сознаются и вошли в движение. Общество будет вынуждено работать не вместе с правительством и покорить его власть власти общественной. Общество вынуждено составлять свои центры действия... Образуются ли эти центры понемногу и тихо, или быстро и явно, — это зависит от силы обстоятельств, от силы людей, от силы их сближения и согласия. Как бы они ни образовались, но они по необходимости должны образоваться: иначе нельзя идти вперед, а остановиться невозможно».

Говоря об общественных «центрах действия», Огарев не имел в виду создание тайных обществ в обычном смысле этого слова. Несмотря на уроки жизни, он еще не утратил надежды на возможность мирного исхода. Если он раньше рассчитывал на то, что правительство поймет нужды страны и сознает свою обязанность удовлетворить их, то теперь он надеется, главным образом, на то, что правительство поймет свою изолированность и под воздействием общественного мнения вынуждено будет капитулировать. План действий, предлагаемый Огаревым, был в его глазах «единственным средством избежать кровопролития, сделать помещиков сговорчивыми, дать возможность начать рациональное экономическое преобразование и сберечь силы на остальное». «Все должно быть употреблено для мирного и прочного развития жизни», — говорит Огарев⁵⁶.

Организацию «центров действия» Огарев пропагандировал не только в печати, но и в переписке со своими знакомыми. В письме к П. В. Анненкову от 24 августа 1860 г. он писал: «Без групп и клубов общественное мнение не образуется;

а группы составляются явно или тайно, смотря по внешним обстоятельствам; главное, чтоб были группы с известной задачей и с известной дисциплиной в работе, а беда не велика, если при официальной группе к делу прибавится и немного болтовни... Метода совершенно зависит от внешней обстановки, — только группы необходимы» («Звенья», кн. III — IV, стр. 413). Из этого письма ясно, что основная задача проектируемых Огаревым «центров» или «групп» — организация общественного мнения. Вопросу о том, будут ли это тайные или легально существующие объединения, Огарев не придавал особой важности. Форма объединения определится внешними условиями. Однако Огарев не мог не понимать, что русские политические условия не дают простора для легальной оппозиции и что поэтому проектируемые им «центры» поневоле должны будут принять характер тайных обществ.

Статья «На новый год» показывает, что к 1861 г. у Огарева не оставалось уже надежд, что правительство сможет разрешить крестьянский вопрос в благоприятном для крестьян смысле.

Изучение опубликованных правительством «положений» об отмене крепостного права окончательно убедило Огарева в том, что объявленная «свобода» не имеет ничего общего с той «волей», которую ожидало русское крестьянство, что не только экономическая, но даже юридическая зависимость крестьян от помещиков не уничтожена, что поэтому реформа не удовлетворит крестьянства и не принесет успокоения в деревню, что, наконец, правительственные «положения» являются не чем иным, как «уставом нового рабства».

«Старое крепостное право, заменено новым, — писал Огарев. — Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут»⁵⁷.

Особенно сильное впечатление, отразившееся на всех последующих выступлениях Огарева, произвели на него сведения о жестоком подавлении крестьянских волнений, вспыхнувших в России, и о расстрелах безоружных крестьян. «Неужели в минуты уединения и раздумия он никогда не подумал, что он убийца и палач?» — писал про Александра II Огарев, добавляя, что царю нужно «просить у народа прощения»⁵⁸.

Под впечатлением разочарования, доставленного ему реформой, Огарев заявляет, что в нем вера в правительство «рушилась окончательно» и что «разрыв с этим правительством для всякого честного человека становится обязательным». Огарев не теряет веры в то, что освобождение крестьян не ограничится реформой 19 февраля; он верит, что оно будет развиваться и пойдет «помимо правительства»⁵⁹.

Урок 1861 г. имел громадное значение для Огарева: он заставил его внимательно пересмотреть свое отношение к основным вопросам русской политической жизни. Пути предстоящего развития России стали теперь представляться ему иначе, чем прежде. Если компромиссная реформа 19 февраля дала, как известно, могучий толчок развитию революционного настроения в стране, то и на Огарева она отразилась революционизирующим образом. Однако и теперь он не мог еще вполне отделаться от «наследия прошлого»; оно висело над ним, и это, как мы увидим, сказалось на многих политических проектах и начинаниях Огарева, относящихся к эпохе, о которой нам придется теперь говорить.

Надо сказать, что от основных своих взглядов на русскую жизнь Огарев не отказался и после 1861 г. Наоборот, теперь он подробнее изложил свой идеал общественного устройства России и даже пытался дать ему теоретическое обоснование. Обоснование это показывает, как далек был Огарев от тех достижений, к которым в его время пришла передовая общественная политическая мысль Западной Европы.

Характерно, что Огарев категорически отрицал трудовую теорию ценности и в этом отношении делал шаг назад даже по сравнению с передовыми буржуазными экономистами его времени. По Огареву «ценность равна труду и вещи». «Приписать ценность тому или другому порошью, — утверждает Огарев, — невозможно... Труд без материала не только не имеет ценности, но не имеет существования. Истинная ценность лежит в соединении труда и материала». Отсюда Огарев делал вывод, что то и другое, т. е. материал и труд, должны находиться в одних руках. В частности это относится к земле, ибо «в материале основа основ почва»⁶⁰. Социализм может быть достигнут только при условии «общественного, народного владения почвой», т. е. при том условии, которое отсутствует на Западе и, по мнению Огарева, имеется в наличности в России.

В этом — основа всех особенностей русской истории; в этом — залог неизбежности и близости лучшего будущего для России. В этом же — и причина слабости социализма на Западе.

«Если мы на европейском Западе, — писал Огарев, — встречаемся с специальными теориями, которые разрастаются в книге и не вырастают в жизни, то мы не можем не обратить внимания на то, что они и не находят себе корня в жизни, положительного общего принципа и являются как отрицание, как противоречие существующему злу, а не как развитие положительно существующего начала. Россия, напротив того, дает социализму положительное начало, самый общий принцип — заменю de facto (на две трети протяжения) личного наследственного права

на недвижимую собственность — правом пользования из общественной собственности»⁶¹.

Таким образом, только в России вопрос об осуществимости социализма поставлен «не теоретически, а исторически». «Если Россия не достигла до мысли об общинном труде над общинным владением, то это... потому, что обстоятельства правительственно так устроились, что мешают ей, — естественно же она не может не прийти к этому результату... Из общинного владения легче дойти до общинного труда, чем наоборот, потому что основа реальнее»⁶².

Ликвидация частной земельной собственности необходимо является, по Огареву, началом социального преобразования, а земледельческая артель — его отправной точкой. Для ликвидации же земельной собственности необходимо прежде всего позаботиться об организации народного поземельного кредита в целях выкупа частной и казенной земли в общественную собственность⁶³. Последовательность в развитии общественных преобразований представляется Огареву в следующем виде:

«Для нас ожидание на первом плане — это учреждение народного кредита. Что же касается до ожиданий в дальнейшем времени, это —

- 1) организация земледельческой артели (общинного земледелия),
- 2) организация на ее основании ремесленной общины (промышленной артели),
- 3) на основании обеих — организация торговой артели»⁶⁴.

Итак, вся земля должна быть обращена в собственность общественную, земскую.

Отсюда необходимо вытекает ликвидация помещичьего землевладения. «Мы должны помнить, что в России один настоящий помещик-землевладелец — это сельский мир, и других помещиков нам не надо»⁶⁵. Дворяне должны поступиться всей своей землей в пользу общую, а сами, наравне с крестьянами, получить в общинах земельный пай⁶⁶.

Однако Огарев предвидит все трудности такого решения вопроса и, вследствие этого, изъявляет готовность идти на компромисс. Вот что он писал в статье «Ход судеб»:

«Вот самый тяжелый вопрос в земле. Трудно им [дворянам-помещикам] землей поступиться; привыкли жить по-белому. Тут по самой правде следовало бы все земли к селам прирезать и выдать дворянам тягловый пай; но до сущей правды дойти мудрено; если — грех пополам — на мировую пойти, то пусть оставят крестьянам всю землю, какой они теперь владеют, а если где помещик по корысти мало давал, по общему соседскому присуду из помещичьей земли к крестьянской прирезать; а за то, что земля за ними считаться не будет, пусть казна из податей выдаст им по сколько они с казною условятся... А покамест они приписываются к селам и волостям и несут земскую повинность по раскладке. Иные из них и пораспродадут земли то селам в мир, то другим крестьянам или купцам, так что, если не мы, то дети наши промеж себя так перемешаются, что и не узнаешь, кто из дворян, кто из крестьян, кто из разночинцев. Только что иной будет побогаче, другой победнее, а все же единый народ русский; его мужское дело смотреть за тем, чтоб богатство бедности не заедало и у каждого человека была бы земля и пристанище»⁶⁷.

Однако осуществление такого плана ценой полной самоликвидации дворянского землевладения грозило затянуться на неопределенно долгое время; это и побудило Огарева выдвинуть мысль об организации народного кредита в целях безболезненного и безобидного для помещиков выкупа их земель.

С вопросом о ликвидации частной поземельной собственности для Огарева был неразрывно связан и вопрос об уничтожении сословий. «Коренное деление людей на сословия, — писал Огарев, — при существовании земской поземельной собственности стирается невозможностью отдельным лицам скупить землю и отнять у небогатого ту почву, на которой он ставит свой дом и свою усадьбу, и то поле, с которого он снимает жатву для своего прокормления»⁶⁸.

Ликвидация сословий, по мнению Огарева, облегчается в России тем, что принцип сословности чужд русскому народу. В отличие от Запада, в России сословия возникли не самостоятельно, в силу определенных исторических условий, а были созданы искусственно, «по наказу» государственной властью⁶⁹.

Большим преимуществом России по сравнению с Западом, по мнению Огарева, является отсутствие в ней буржуазии в западноевропейском смысле этого слова. «Наше среднее сословие, — писал Огарев, — само не знает, насколько оно относится к высшему сословию, насколько оно народ. Все, что оно знает, что оно не имеет и не может иметь никакой самостоятельности. Его маленькое меньшинство, обогатившееся в торговле, стремится слиться с высшим сословием; даже новейшие реформы скорее усилили, чем ослабили это направление. Его большое большинство — бедное торгующее мещанство и крестьянство — нисколько не отделилось от народа. Поверить в самостоятельное гражданское состояние нашего среднего сословия — или дело предположения, натягивающего нашу жизнь по европейскому образцу, или просто забава воображения»⁷⁰.

При слабости русской буржуазии, дворянство и чиновничество являются единственными силами, могущими задержать те преобразования, которые Огарев

считал необходимыми для России. При этом характерно, что Огарев, раньше противопоставлявший дворян чиновничеству, теперь приходит к мысли, что в сущности это — одно и то же. Русское дворянство, по его мнению, значительно отличается от западноевропейского. Последнее возникло как особое сословие, естественным путем, независимо от государства; в России же дворянство было искусственно создано государственной властью. В России значение дворянства расценивается не по старине рода и не по особенности прав, а по чину и по месту, занимаемому на государственной службе. Неслужащее родовое дворянство и родовое дворянство в маленьких чинах по своей роли в жизни государства ничем не отличается от мелкого чиновничества и разночинства. «Русское дворянство, — говорит Огарев, — не более как сословие чиновничества». Оно выражает не какой-либо самостоятельный интерес, а только «интерес казенной службы»⁷¹.

ПОЖАР АПРАКСИНА РЫНКА В ПЕТЕРБУРГЕ В МАЕ 1862 г.

Цветная литография

Публичная библиотека, Ленинград

Огарев не рассчитывает на то, что ликвидация дворянства произойдет быстро и путем какой-либо единовременной меры. Эта ликвидация представляется ему более или менее медленным, постепенным процессом рассасывания дворянства в народе. Огарев полагал, что реформа 19 февраля, даже в том виде как она была проведена правительством, наносит смертельный удар дворянскому землевладению, ибо она создаст в деревне «ряд таких сбивчивых отношений, что ни помещики, ни крестьяне не будут в состоянии ни одной минуты жить спокойно». «Кроме запутанной определенности, вводимой в хозяйства и тех и других — никому нет ни малейшей выгоды», — писал Огарев⁷². Огарев не понимал того, что отмеченная им запутанность отношений — на руку помещикам, всегда встречающим в администрации опору своим интересам. Не понимал он и того, насколько прав был Александр II, заявивший при обсуждении крестьянской реформы в Государственном Совете, что правительство, разрабатывая эту реформу, сделало «все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков»⁷³. Он думал, что при дороговизне вольного труда помещикам не удастся наладить свое хозяйство и оно неминуемо придет в упадок⁷⁴. «При огромных долгах, лежащих на дворянских имениях, — писал Огарев, — только небольшое меньшинство дворянства выдержит на-

стоящее положение». Большинство же будет вынуждено продавать свои имения⁷⁵. При таких условиях дворянству, по мнению Огарева, выгодно теперь же отказаться от земли в пользу народа, получив за нее известное вознаграждение⁷⁶.

Огарев указывает, что из среды дворянства уже выделились люди, понявшие, что «пора перестать управляться чиновниками». «Народ мало-помалу опознает, что это его люди, сердцем искренние и мыслью праведные». Такие люди сознательно идут на отказ от своих привилегий в целях сближения с народом. Их Огарев называет «помещиками, переходящими в крестьянство», в народ, в земство. Число их еще не велико, но постепенно оно должно увеличиваться. С течением времени к ним примкнет и большинство дворянства, состоящее из «междоумков, не знающих как им быть и куда пристать». При упадке помещичьего хозяйства «поневоле придется и междоумкам пристать к людям искренним и просто стать наравне и заодно с народом»⁷⁷.

Таким образом, дворянство постепенно растворится в народе и сольется с ним, перестав существовать как обособленное сословие с интересами, противоположными крестьянским.

Как же представлял себе Огарев политический строй будущей народной, земской России?

Огарев — убежденный противник правительственной централизации. По его мнению, централизация — «это постоянная классификация географическая, юридическая, административная, с исключительной точки зрения управления, стремление привести все народное содержание в графы, по которым можно было бы управлять. Очевидно, графы выйдут искусственные... Как живая природа совокупностью своих многообразных признаков не взойдет в рамку классификации по одному отдельному признаку, — так и живой народ с совокупностью своих многогранных потребностей не подойдет под распорядок единственно ради управления»⁷⁸.

Вред централизации ярко обнаружился, по мнению Огарева, во Франции. Несмотря на ряд кровавых революций, Франция не сумела добиться ничего иного, кроме замены одного деспотизма другим. Причина этого печального явления кроется в нежелании отказаться от принципа централизации⁷⁹.

Административной централизации Огарев противопоставляет народное самоуправление. В его представлении идеальное государство должно быть не «отвлеченной целостью, подчиняющей себе части», а «живым соединением самобытных сельских миров». Россия имеет все данные для того, чтобы сделаться таким идеальным государством, — «государством без пугала отвлеченной целости и верховного средоточия, какое бы это средоточие ни было — царь или сословие, словом к образованию союза самобытных сел»⁸⁰.

Как мы говорили уже выше, в период, предшествовавший опубликованию крестьянской реформы, Огарев готов был оставить в неприкосновенности верховную центральную власть и соглашался на сохранение известной доли местного управления в руках коренной администрации. Теперь он начинает настаивать на том, чтобы начало выборности всех властей народом было проведено, начиная с низов и кончая самыми верхами правительственного аппарата. «Европа, — писал он, — очень хорошо чувствует все зло, гнетущее ее потому, что выборное начало, даже с *suffrage universel*, падает только на депутатов в парламенте, о которых масса населения не имеет понятия и выбирает их равнодушно или при подкупе, выбирает не зная для чего, с неопределенною целью, — между тем, как администрация и суды зависят от правительства и наблюдают не интересы общественные, а интересы правительства. Пора сознать, что выбор хорош только местный, потому что тут всякий знает, кого и зачем выбирает. Община знает своего старосту; город знает, кого выбрать для смотра за порядком и чистотой; выборные от общины, волостей и сословий, сходясь на областные выборы, будут знать, кто способен наблюдать за порядком в области, кто способен рассудить уголовное дело, кто способен распоряжаться общественными работами. Но далее размера областей, управление ускользает от непосредственного выбора; ни личность, ни круг действия избираемого неизвестны массам. Для масс доступен выбор только местного управления. Выбор центрального управления возможен только через посредство выборных областных»⁸¹.

Так представлял себе Огарев организацию выборной администрации в 1861 г. Позднее он внес некоторые поправки в этот план. Во-первых, став на точку зрения необходимости уничтожения всех сословных различий, он устранил всякое участие в управлении общественными делами выборных от сословий, ограничившись выборными от территориальных единиц. Во-вторых, он признал возможным установить прямые выборы не только для местных властей, но и для центральной — в лице общегосударственной земской думы или земского собора, как он начал именовать это учреждение⁸².

Чрезвычайно большое значение Огарев придает правильному разделению государства на области и широкому самоуправлению областей.

«Соединение в области, — писал он в 1861 г., — становится необходимой задачей, без разрешения которой управление, ускользая от выборности и ответственности, всегда будет уродливым, всегда впадет в ложное соединение разнородных ча-

стей и, создавая ненужное соединение огромного пространства под одну власть, жертвует этому огромному призраку свободой и благосостоянием народонаселения».

Деление на области должно производиться на основании географических и промышленных условий, а также по этнографическому признаку⁸³. Европейскую Россию Огарев предполагал разделить на 8 или 10 областей: 1) Беломорская, 2) Прибалтийская, 3) Белорусская, 4) Литва, 5) Средняя или Кровная Великороссия, 6) Уральское Заволжье, 7) Прикаспийская, 8—10) Донское казачество, Малороссия и Новороссия — одна или три Черноморские области. Что касается Сибири, то она «громоздится в свои области». Польшу Огарев оставляет в стороне, так как признает ее право на полное самоопределение. «Устроив областные самоуправления, — пишет Огарев, — все увидят необходимость пожать друг другу руку на общие интересы и соединиться в федерацию, в общий союз славяно-русских областей, в котором области управлялись бы каждая сама собою, на основании выборного самоуправления, наделения землею всех и каждого, с своим областным банком, а для общих дел союза каждая область присылала бы своих выборных для соглашений в устройстве путей сообщений, общих расходов и, наконец, для составления общего банка союза, управляемого выборными от всех областных банков»⁸⁴.

Образовавшаяся путем соединения областей федерация возглавляется, по проекту Огарева, общесоюзной думой, которая занимается «рассмотрением и утверждением междубластных потребностей и расходов». Управление же делами союза лежит на правительстве; последнее не может привести в исполнение ни одного закона, не утвержденного государственной союзной думой, и не в праве вступать с иностранными державами ни в какие секретные переговоры. «Дипломатические отношения, — говорит Огарев, — подлежат той же гласности, как и внутреннее управление»⁸⁵.

Как же образуется это правительство? И кто возглавляет его? Огарев не был безусловным сторонником республики. Политические формы, сами по себе взятые, мало интересовали его, так как он не придавал им серьезного значения⁸⁶. Поэтому он соглашался на то, чтобы глава будущей России носил попрежнему название царя. Александра II он отвергал не как царя вообще, а как царя «петербургского, немецкого, дворянского, чиновничьего, — а не русского, не земского царя». Земским царем является только царь, свободно избранный народом. «Никогда не сможет быть земским царем, — писал Огарев, — царь, народом не выбранный, народных условий не принимавший, а поставленный корыстно выдуманным законом о престолонаследии и царствующий по одному произволу, а не по совету выборных от земства. Таким образом, наследственность царской власти Огарев отрицает. Права этой власти он суживал до управления государством под контролем земского собора. Обязанность царя — исполнять «то, что земской собор обсудил и решил»⁸⁷.

Как видно из этого, в политических построениях Огарева царь является не более, как выборным старшиною, возглавляющим земский союз и несущим за свои действия ответственность перед высшим правительственным органом этого союза — земским собором.

Какими же путями рассчитывал Огарев добиться осуществления своих политических планов и преобразовать Россию из дворянско-чиновничьего государства в «земский союз»? Прежде, чем мы ответим на этот вопрос, нам необходимо ознакомиться с тем, как после 1861 г. Огарев относится к революционным методам борьбы.

Мы уже знаем, что в период, предшествовавший крестьянской реформе, Огарев был готов отрицать революцию на том основании, что насильственные перевороты не достигают цели, если народное сознание не уяснило необходимости реформ, а если оно уяснило это, то можно добиться желаемого мирным путем.

Теперь, после 1861 г., Огарев решительно оспаривает этот взгляд, как бы забывая, что он сам придерживался его ранее. В письме к видному деятелю тайного общества «Земля и воля» А. А. Слепцову Огарев в 1863 г. писал:

«Вглядываясь в историю, вы находите, что кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не созрела; а если мысль созрела, то не нужно было кровавых переворотов. Вглядитесь еще побольше в смысл этих слов и вы увидите, что и это — абстрактный силлогизм, о котором история не спрашивает, и что вы в истории его оправдания не получите. Вы найдете, что английская революция кровавая увенчалась успехом, французская *idem* привела к централизации. Гораздо труднее уже отыскать реформу мирную с созревшей мыслью. Где? когда? и как? Дело сводится на механику: нестерпиме пришлось с одной стороны, упорство — с другой; вот и столкновение, не обращающее внимания на зрелость или незрелость мысли»⁸⁸.

Таким образом, элемент сознательности утрачивает в глазах Огарева то значение, которое он ему прежде придавал. Революция становится делом не столько сознания, сколько аффекта, независимого от зрелости мысли.

Значит ли это, что Огарев сделался безусловным сторонником революции? Значит ли это, что он понял, что русское крестьянство мирным путем не может добиться осуществления своих чаяний и обеспечения своих нужд?

Свое понимание революции и отношение к ней Огарев развил в статье «Революция и реорганизация», напечатанной в 1864 г. в «Колоколе». Как видно уже из названия статьи, Огарев противопоставляет революции понятие реорганизации.

Революцией (или переворотом), по его пониманию, является «всякая резкая перемена правительственных лиц или формы правительства, откуда бы ни взялась эта перемена, какая бы ни была ее цель, даже если бы эта перемена была совсем бесцельна».

Реорганизация же (или пересоздание) состоит в «новой постановке отношений между теми данными, теми элементами, которые существуют в самой народной жизни». Таким образом, переворот может быть произведен из-за отвлеченной мысли или даже из-за каприза одного сильного человека; а пересоздание есть обновление живой жизни и выражает рост самого народа. Переворот может быть произведен и сверху⁸⁹; пересоздание вырастает снизу и поэтому охватывает весь экономический и социальный строй народа.

Как революция, так и реорганизация, по мнению Огарева, могут осуществиться двумя путями: или при помощи бунта (восстания), или же мирным путем. «Это, — пишет Огарев, — совершенно зависит от обстоятельств и не составляет сущности дела. Обычно понятие революции смешивают с понятием восстания. Перевороты редко обходились без крови... Но чтоб переворот непременно совершался путем кровавым — это вовсе не необходимое условие. Реорганизация точно так же мало исключает возможность восстания, как и революция, и еще меньше ставит его необходимым условием своего осуществления. Дело не в восстании, а в реорганизации. Тут все зависит от дальнейшего хода обстоятельств. Упорство казенщины может привести к восстанию; быстрое ослабление ее, уступчивость и согласие на созыв земского собора — могут дать реорганизации мирный исход»⁹⁰.

Зная, какое малое значение придавал Огарев форме правления, мы заранее можем догадаться, что отношение его к тому, что он называл революцией, было резко отрицательным. Но этого мало — он считал, что в России речь может идти только о реорганизации, а не о революции.

«Революция ради революции, — писал он, — т. е. бунт только для того, чтобы бунтовать — в России невозможен. Русская революция может быть только реорганизацией, т. е. мирным путем или бунтом пойдет Россия, но она не успокоится пока не будут восстановлены все те элементы народного землевладения, суда и самоуправления, которые существуют, несмотря ни на какое задушение их, и способы к дальнейшему стройному развитию. Одна перемена правительства никого не увлечет... Наша революция — реорганизация или, по-русски сказать, наш бунт — народное самоуправство»⁹¹.

Итак, по мнению Огарева, предстоящая России «реорганизация» может мыслиться в двух формах: или в виде бунта, или же в виде мирного преобразования. Симпатии Огарева всецело принадлежат этому последнему исходу, и он готов многим пожертвовать, чтобы только спасти Россию от потрясений гражданской войны.

В 1862 г. он писал:

«Перед тем как Христос был схвачен войнами кесаревыми, он молился: «Господи! да мимо меня идет чаша сия». Молимся и мы с народом русским: да мимо идет чаша крови! А пройдет она мимо или нет, кто знает! Ход судеб вырастает из дел людских и обстоятельств. Его не остановить!»⁹²

Исходя из этого, Огарев сурово обвиняет русское правительство, которое своим упорством ведет Россию к кровавому исходу.

«Мы хотим, — писал он в 1863 г., — не беспорядочного взрыва и ненужно пролитой крови; мы хотим, чтобы народ собирался и собрался бы в крепкий и разумный строй... Но царь подымает пугачевщину. Так что ж? Дело придет к тому же концу, к которому мы стремимся, только что много ненужной и неповинной крови прольется, за которую он ответ и даст»⁹³.

Итак, по Огареву, сам царь виноват в том, что он поднимает народ на восстание, тогда как при добром его желании все могло бы обойтись мирно.

«Чего бы лучше, — мечтал Огарев в 1861 г., — если бы петербургский царь понял, что России нужно сельское и областное самоуправление, что это ее естественный склад (constitution), что для этого необходима основа народного землевладения. Если б он понял это, он отказался бы от власти уродливой и, пожалуй, сохранил бы династическое существование в союзном правлении. Но ведь он этого не поймет»⁹⁴.

Чем дальше, тем яснее становилось для Огарева, насколько лишены всякого основания надежды на реформаторскую деятельность правительства. Реакция, открыто восторжествовавшая в правительственных кругах России в 1863 г. во время восстания, вспыхнувшего в Польше и Литве, не оставляла места каким-либо сомнениям относительно действительных намерений правительства и избранного им пути.

Сильное самодержавие, — писал Огарев в июне 1863 г., — никакой освободительной реформы создать не захочет, а бессильное самодержавие никакой освободительной реформы создать не может... Оно должно отречься от своего существования или пасть под нажимом общественных сил»⁹⁵.

Если в эпоху «смуты» начала XVII в. Россию спас земский собор, избравший на престол Михаила Федоровича Романова «на конституционных условиях», то новый земский собор, в неизбежность которого Огарев твердо верил, также найдет средство спасти Россию, но, добавляет Огарев, «только уж Романова на престол не выберет»⁹⁶.

Итак, по мнению Огарева, для России остались два выхода: или пугачевщина, или предупреждающее ее самоотречение существующего правительства и созыв земского собора. Огарев предпочитал второй из них. Однако для него было ясно, что добровольно, без крайней необходимости, царское правительство на самоликвидацию не пойдет. Как же и при помощи каких средств можно принудить его «отречься от своего существования»? Отвечая на этот вопрос, Огарев намечал ряд мер, которые, по его мнению, могут привести к желанному для него результату.

В первую очередь он выделил подачу царю адресов и челобитных с изложением народных нужд и требований. Он сам лично составил два проекта всеподданнейшего адреса царю о созыве земского собора и о признании всей земли народной⁹⁷. Эти адреса были рассчитаны на «образованное меньшинство», расположенное к народу. Предполагалось собирать под ними подписи, а затем подать царю. Наряду с этим, Огарев считал нужным, чтобы крестьянство со своей стороны само заявило правительству о своих нуждах.

«Уж, конечно, не господа с чиновниками народные дела устроят, — писал Огарев в 1862 г.; — пора народу самому о себе подумать как устроиться, да просить царя, чтоб приказал все порядки учредить по-народному. Надо просить царя, чтобы было все сделано по правде, земля была бы взаправду отдана земству и люди были бы взаправду освобождены от господ и чиновников... Когда всюду народ миром заговорит и станет подавать челобитные о том, что ему нужно и как ему устроиться, тогда царь и выслушает как надо, по правде, если он народ любит»⁹⁸. В связи с этим им и был составлен тот проект адреса государственных крестьян царю, который мы печатаем в настоящем томе.

Огарев рассчитывал, что весной 1863 г., в связи с истечением срока на вступление в действие уставных грамот, определяющих отношения между крестьянами и их бывшими владельцами, в деревне, окончательно убедившейся к тому времени в неосновательности надежд на получение от правительства «настоящей воли», — «возобновятся смуты», «повторятся бездненьские дела»⁹⁹. Этот момент он считал решающим для будущих судеб России, и к этому моменту, по его плану, должна была быть приноровлена кампания подачи царю челобитных с изложением народных требований. Огарев надеялся на то, что под натиском общенародных волеизъявлений правительство будет вынуждено капитулировать. Конечно, Огарев при этом понимал, что оно капитулирует не сразу, а лишь после того как убедится, что другого выхода для него не остается. К этому надо готовиться, заранее принимая меры, чтобы правительство не могло насильственно ликвидировать движение, начавшееся в народе.

Сильнейшая опора царя заключается в войске, с помощью которого он подавил движение крестьян, вспыхнувшее весной 1861 г., под влиянием недовольства крестьянства декретированной сверху реформой. Надо подготовить войско к тому, чтобы оно в 1863 г. не сыграло той же печальной для народа роли, как в 1861 г. В статье «Что надо делать войску», написанной осенью 1861 г. Огаревым совместно с Н. Н. Обручевым и Н. А. Серно-Соловьевичем и отпечатанной не только в «Колоколе», но и в виде прокламации, предназначенной для широкого распространения по России, — в этой статье говорится о своеобразной солдатской забастовке. Надо добиться того, чтобы в решительный момент солдаты отказались стрелять в народ. Если это удастся, тогда успех мирного исхода дела обеспечен. «Если войско не пойдет против народа, воля и земля достанутся народу без резни, без капли крови, спокойно... Если солдаты, без всякого бунта, мирно и твердо скажут: «Не возьмем греха на душу, не пойдем против народа», — все будет спасено, и спокойствие России, и воля народная, и достояние народное. Ведь наказать одного солдата за пьянство — легко; а наказать сто человек за любовь к народу — мудрено, а тысячу — и того мудренее, а сто тысяч и шестьсот тысяч — и способом нет»¹⁰⁰.

Поэтому Огарев обращается к крестьянам с призывом при отправке рекрутов на военную службу брать с них присягу «никогда по народу не стрелять и лучше самому живота лишиться, чем по народу стрелять»¹⁰¹. С другой стороны, большую роль в подготовке солдат к отказу от участия в подавлении народных волнений может сыграть и интеллигенция. Она должна бросить государственную службу и идти в войска. Огарев доказывает, что соединить службу в должности государственного чиновника с оппозиционной деятельностью невозможно, что «чиновничество может быть только или правительственно, или немошно». «Пополняя ряды казенного чиновничества, — пишет Огарев, обращаясь к людям, преданным делу народа, — вы только поддерживаете учреждение, которое должно вымереть, которое чем скорее вымерет, тем лучше. Иное дело — служба в войсках. Новый свежий воздух повеет в войске с вашим приходом. Вы примкнете себя к солдату, вы примкнете войско к крестьянству, — а в этом одна из главных задач»¹⁰².

Другая задача, не менее важная для подготовки успеха дела, заключается, по Огареву, в разъяснении интеллигенции и народу общественных условий, целей и потребностей земли русской. А для этого необходимо создание общества, объединяющего в своих рядах людей, «которые, сохраняя совокупность постановки, разветвлялись бы на мыслящих и действующих, пишущих и проповедующих, военных и ходоков».

Для подготовки успеха народного дела необходима громадная подготовительная работа, как в центре, так особенно на местах, в провинции. Интеллигенция не должна преувеличивать свои силы.

«Будьте страшно искренни с самими собою, — писал Огарев, — и не представляйте себе своих сил в какую бы то ни было минуту сильнее, чем они на самом деле... Помните, что приготовительная работа — это рост в силу; рядом с ним идет соответственное принижение врага до бессилия. Следственно, на этой работе и этом росте основано возможное устранение кровавых дел и превращение восстания в стройную организацию снизу, в самоустройство, из народа растущее»¹⁰³.

Такая подготовительная работа может растянуться на долгое время. Это стало ясно Огареву после того, как весна 1863 г. не оправдала надежд, которые возлагал на нее как он сам, так и большинство тогдашних русских революционеров; известно, что вопреки их ожиданиям в 1863 г. волна крестьянского движения начала спадать и деревня обнаружила тенденцию примениться к новой социально-политической обстановке, сложившейся в России после реформы 19 февраля, и открытые выступления сменить мало заметной, но тяжелой и упорной борьбой за свои нужды на почве повседневных отношений своих к помещикам.

«Вероятнее всего, — писал в это время Огарев, — что дело земли и воли русского народа придется готовить еще не один день, что русская деятельность еще не на один день обречена на работу, терпеливую, неутомимую, которая гораздо тяжелее и требует гораздо больше преданности и труда, чем просто идти на сражение... Жить в постоянном труде приготовления строя на борьбу, никогда не теряя времени и никогда не хватая очерта головы, никогда не уставая, не унывая при неудаче, не зазнаваясь и не останавливаясь при успехе, — это задача тяжелая, а теперь это ваша задача, друзья-юноши!»¹⁰⁴

Для той большой работы, которая должна обеспечить безболезненный исход преобразования Российской империи в «Земский союз», необходимо, по мнению Огарева, сплочение всех общественных сил, настроенных враждебно по отношению к существующему правительству. Огарев понимал, что «образованное меньшинство», которое играло видную роль в его политических расчетах, не представляет собою однообразного целого. По его мнению, это меньшинство подразделяется «на чистонародное и на меньшинство с помещичьим оттенком». «Первое идет на конституцию в смысле общественного склада, т. е. на устройство сельского самоуправления и самобытности областей; второе на конституцию в обычном смысле, т. е. ограничение царской власти, с большими льготами для народа и еще с большими для помещичьего значенья». Симпатии Огарева лежали на стороне первой из этих групп, но он считал, что в интересах дела, эти группы могут действовать совместно: «Расходиться с самого начала было бы для обеих сторон бестактным поступком». При этом Огарев был уверен, что в процессе борьбы разногласия, разделяющие эти две группы, сгладятся, и помещичья интеллигенция, силою хода событий, будет приведена к необходимости признать народные интересы в той форме, в какой они представлялись Огареву¹⁰⁵.

Признавая насущной необходимостью сплочение всех оппозиционных элементов страны, Огарев горячо приветствовал факты, свидетельствующие о том, что эта необходимость начинает находить себе признание в России. Таковым фактом в его глазах было, например, появление летом 1861 г. первых печатных прокламаций («Великорусс») или приезд в Лондон представителей петербургской радикальной интеллигенции (Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева и др.) для переговоров относительно организации тайного общества. Когда Серно-Соловьевич напечатал в «Колоколе» статью, в которой доказывал, что пришло время объединить усилия всех врагов существующего правительства для борьбы с ним, Огарев сопроводил эту статью примечанием от редакции, в котором «от души приветствовал этот живой призыв на живое дело». «Мы давно думали, — писал Огарев, — о необходимости органического сосредоточения сил, но считали, что не от нас должна выйти инициатива, не из-за границы, а из самой России»¹⁰⁶.

В каких же чертах рисовалось Огареву тайное общество и какие цели он ставил перед ним?

Прежде всего необходимо отметить, что, враг всякой централизации, Огарев предпочитал, чтобы создание такого общества исходило не из столицы, а из провинции. «Меньшинство столичное, — писал Огарев, — всегда будет говорить только друг с другом; у него нет народа, с которым приходилось бы договариваться... Для того, чтобы делалось дело, надо, чтобы типографии [нелегальные] заводились по областям, потому что там меньшинство не может не говорить с народом». Тайные общества, возникшие по областям, неизбежно будут, по мнению Огарева,

стремиться к соединению, вследствие чего со временем естественным путем создастся центр, объединяющий деятельность отдельных организаций, координирующий и направляющий ее.

Организаторы областных обществ должны, по мнению Огарева, поставить свою ближайшую задачу работу среди интеллигенции, ибо именно она нуждается в сплочении; народ же и без того составляет «естественное сплошное общество». «Народ, — писал Огарев, — собирать нечего, он собран; ему надо только понять, что делать в данную минуту — и делать... Следственно, собрать остается меньшинство»¹⁰⁷.

Считаясь с наличностью в рядах «образованного меньшинства» различных течений, Огарев находил нужным, чтобы программа общества была составлена в расчете на объединение как можно более широкого круга людей, недовольных существующим в России порядком; поэтому она должна отличаться умеренностью, чтобы не отпугивать от тайного общества элементы, которые могли бы оттолкнуться от него в том случае, если бы его программа носила более крайний характер. Другими словами, программа тайного общества должна быть приемлема и для «меньшинства с помещичьим оттенком». Этим объясняется, что написанная в 1861 г. Огаревым совместно с Серно-Соловьевичем и Обручевым статья «Что нужно народу», которая рассматривалась как программа будущего тайного общества, ограничивалась требованиями передачи крестьянским общинам, за определенное вознаграждение, помещичьей земли в размерах, достаточных для пропитания членов общины, замены правительственных чиновников выборными властями, привлечения представителей народа к определению и раскладке податей и повинностей и, наконец, сокращения расходов на войско и царский двор.

Аналогичными соображениями руководствовался Огарев и тогда, когда высказывался за ведение пропаганды с осторожностью и известной постепенностью. В составленном им в 1862—1863 гг. проекте устава тайного общества, он писал: «Мы просим университетскую молодежь не проповедовать никаких абстрактных понятий о свободе и противоярризме, а только — необходимость земского собора, который бы основал поземельное народное владение, сельское, волостное и областное самоуправление, свободу веры — и (позже проповедовать) избранного земского

ГЕРЦЕН
В НАЦИОНАЛЬНОМ ШВЕЙЦАРСКОМ
КОСТЮМЕ

Обложка «Портретной Галереи»
Мюнстера, 1859 г.

царя». «Если, — добавлял к этому Огарев, — первый земский собор будет иметь силу заменить это имя [т. е. «царя» — Б. К.] другим, тем лучше, а если не будет, — беда не велика, лишь бы избрание было на ограниченное число лет»¹⁰⁸.

Наконец — и это весьма характерно для Огарева, — основная задача тайного общества должна, по его мнению, заключаться не в подготовке восстания, а в действиях, рассчитанных на предотвращение восстания. «Работа, — писал Огарев в том же проекте, — должна состоять в соединении меньшинства в общество, изучающее и уясняющее народные интересы, выставяющее народные требования, проповедующее паче всего земский собор». Такая постановка вопроса о задачах тайного общества не должна удивлять нас после того, как мы ознакомились выше с отношением Огарева к насильственным способам борьбы.

Если Огарев и считал нужным объединить все враждебные царскому престолу общественные элементы того времени, вплоть до людей «с помещичьим оттенком» то, в основном, расчеты его строились, однако, не на помещичьей, а на мелкобуржуазной интеллигенции, на так называемых «разночинцах». Огарев одним из первых заговорил в печати о том, что в России возникла эта новая интеллигенция, начинающая играть всё более заметную роль в общественной жизни страны.

«Из духоты семинарий, — писал он в 1863 г., из-под гнета духовных академий, из бездомного чиновничества, из удрученного мещанства — она вырвалась к жизни и взяла инициативу в литературе». Ошибкой Огарева была уверенность его в антибуржуазности разночинной молодежи. «Этой молодежью, — продолжал он, — Россия совершает свое отречение от буржуазии... и опять-таки приходит к понятию действительной бессословности... Отрицая дворянство и отрекаясь от буржуазии, она из города и помещичьей усадьбы уходит на село, примыкает к крестьянству, идет в народ. Она должна собрать себя в общество; она должна умножить, вырастить это общество в силу, пополняя свои ряды из, так называемого, низшего слоя — солдатами, дворовыми, мужиками. Вот где вам людей искать надо»¹⁰⁹.

В другой статье Огарев указывал, что в России «с понижением дворянства — силою, умственной силою становятся разночинцы»¹¹⁰. К числу разночинцев Огарев относит: среднее купечество, мещанство, «не попавшее в рясу духовенство и меньшинство действительного духовенства». Разночинцы всеми условиями своей жизни связаны с народом; их интересы, по мнению Огарева, влекут их в деревню. «Они не могут, — писал Огарев, — иначе выдвинуться вперед, как не по теории, а по жизни, соединясь в свои артели и опираясь не на города, а на народ, который им представляет основание своего элемента земства, всюду живущего и неискоренимого». Если у разночинцев и есть сходство с французским третьим сословием, то, по мнению Огарева, это сходство, главным образом, формальное¹¹¹.

Таким образом, если в начале своей литературной деятельности за границей Огарев не видел в России никаких общественных сил, которые могли бы взять на себя проведение преобразований в интересах народа, кроме среднего дворянства, то теперь — после политических уроков 1861—1863 гг. — он выдвигает на первый план новый общественный слой в лице разночинной интеллигенции и мечтает о том, что эта интеллигенция будет пополняться выходцами из класса, занимавшего низшую степень в тогдашней общественной иерархии, — из крестьянства. Эта новая интеллигенция, в противоположность дворянской, будет интеллигенцией народной, как по происхождению своему, так и по своим стремлениям и деятельности. Представители разночинной интеллигенции составят главные кадры того тайного общества, создание которого Огарев считал необходимым.

Вместе с этим изменилось и отношение Огарева к самому крестьянству. Волнения, которыми оно ответило в 1861 г. на правительственную реформу, убедили Огарева в том, что русское крестьянство представляет собою более активную политическую силу, нежели он предполагал ранее. Из этого Огарев сделал вывод, что русские эмигранты, располагающие вольным печатным станком, должны теперь обращаться не только к интеллигенции, но и к народу. Поэтому с 1861 г. он начинает помещать на страницах «Колокола» ряд статей («Что нужно народу», «Ход судеб» и др.), рассчитанных на читателя из низов и написанных на доступном для него языке. На ряду с напечатанием в «Колоколе», эти статьи выпускались в виде прокламаций в расчете на широкое распространение их в России. Можно догадываться, что Герцен неохотно открывал доступ таким статьям на страницы «Колокола», так как они существенно изменяли характер этого органа, рассчитанного на читателей из интеллигенции. Под влиянием этого, у Огарева появляется мысль об издании, на ряду с «Колоколом», особых прибавлений к нему, предназначенных специально для читателей из народа. Такое прибавление начало выходить в 1862 г. под названием «Общее Вече».

В предисловии «от издателей», помещенном в № 1 «Общего Веча» и написанном, несомненно, Огаревым, прямо говорилось о том, что в «Колоколе» «убеждения, так называемых, низших сословий не высказывались» и что это обстоятельство и заставило издателей начать выпуск «Общего Веча», на страницах которого могут «иметь голос все страдания, жалобы, убеждения по вере и потребности житейские самого народа». «На «Общее Вече» издатели приглашали всех: старо-

обрядцев, людей торговых и мастеровых, крестьян и мещан, дворовых людей, солдат и разночинцев». При этом издатели выражали уверенность, что между русскими неучеными людьми, людьми низших сословий, уж, конечно, не меньше, а может найдется и побольше людей даровитых, чем между самыми учеными, высшими сословиями. Цель издателей — соединить всех даровитых, честно блгу народа преданных людей всех сословий и всех толков на одно «Общее Вече»¹¹².

Таким образом, Огареву принадлежала инициатива первого русского нелегального органа, рассчитанного на читателя из крестьянства и городского мещанства. И не его вина, если по политическим условиям того времени издание этого органа не привело к тем результатам, о которых мечтал Огарев, и оказалось весьма недолговечным. В 1864 г. «Общее Вече» перестало выходить.

Реакция, восторжествовавшая в России после подавления польского восстания 1863 г., болезненно переживалась Огаревым. Хотя он и продолжал сохранять веру в конечное торжество своих идеалов, надежд на близкое осуществление их становилось все меньше. Огарев знал, что революционные организации, существовавшие в России в годы политического подъема, были теперь или ликвидированы правительством, или ликвидировались сами, убедившись в невозможности продолжать свою деятельность. Он знал, что тайное общество «Земля и Воля», на работу которого Огарев возлагал много надежд, перестало существовать. Знал он и о том, что широкие круги интеллигенции, поддерживавшие революционные организации, все более и более отходили от участия в политической жизни. Призывы Огарева бросать чиновничью службу и идти или на общественную работу, или в войска, остались не услышанными. Местные центры общественной деятельности, о создании которых, как мы знаем, мечтал Огарев, не возникали. Либеральная часть общества все более открыто начинала высказываться за поддержку правительства и за необходимость сработаться с ним, чтобы предупредить возможность повторения того широкого народного движения, которое начиналось в 1861 г., но было приостановлено жестокими мерами правительства. О степени изменения общественных настроений в России Огарев мог безошибочно судить по судьбе «Колокола». Это издание, широко распространявшееся в былые годы по России и пользовавшееся там громадным влиянием, теперь почти не находило себе доступа в пределы Российской империи. Спрос на него, как и на нелегальную литературу вообще, пал катастрофически. Под влиянием этого Герцен все чаще и чаще стал заговаривать о необходимости отказаться, хотя бы на некоторое время, от издания «Колокола». Огарев решительно противился этому намерению своего друга, но не мог не сознавать полной основательности руководивших им соображений.

Не радовали Огарева и отношения его и Герцена с остальной русской эмиграцией той поры, недоверчиво и враждебно настроенной к руководителям «Колокола».

Итак, ни связей с Россией, ни дружеской близости с товарищами по эмиграции у Огарева во второй половине 60-х годов не было. А между тем к концу этого десятилетия в России обнаружались некоторые признаки приближения к концу того политического затишья, которое сменило бурное общественное движение начала 60-х годов. Особенно симптоматическое значение имели в этом отношении студенческие волнения, вспыхнувшие в Петербурге в марте 1869 г. С глубоким интересом присматривался Огарев к событиям в России и с жадностью ловил те скудные слухи, которые доносились о них до русской эмиграции. В такие минуты он особенно остро и болезненно переживал свою оторванность от родины.

При таких условиях вполне понятно, что Огарев с восторгом встретил приехавшего весной 1869 г. в Швейцарию С. Г. Нечаева. О связях его с последним подробно говорится в помещаемой во втором выпуске настоящего тома «Литературного Наследства» статье о взаимоотношениях его и Герцена с молодой эмиграцией. Поэтому мы можем ограничиться лишь указанием, что статьи и прокламации, написанные Огаревым в связи с агитационной кампанией, организованной им вместе с Нечаевым и Бакуниным в 1869—1870 гг., показывают, что в конце 60-х годов в политических воззрениях Огарева произошли серьезные изменения. В этом отношении особенно интересна прокламация «Будущность», изданная Огаревым в 1870 г. и посвященная памяти Герцена.

Вспоминая, что со времени появления № 1 «Колокола» прошло 13 лет, Огарев констатировал, что за это время «много совершилось печального». «Перемены сверху оказались ложью; остается только делать перемены снизу», — писал Огарев. «Перемену или, лучше сказать, переворот может сделать только тот, кто его в самом деле хочет, кому он в самом деле составляет потребность, т. е. народ, большинство, масса. Иначе — это выйдет обман».

Итак, теперь, по мнению Огарева, народу нечего ждать помощи сверху. Ни царь, ни помещики, ни чиновники, ни буржуазная интеллигенция не спасут его. За устройство своей судьбы он должен взяться сам. Освобождение народа должно стать делом самого народа.

Это — первый вывод, сделанный Огаревым из политического опыта прошлых лет. Был и второй, не менее важный. К концу своей жизни Огарев приходит к заключению, что мирным путем положение крестьян улучшить нельзя. Только рево-

люция может спасти русское крестьянство. Среди неопубликованных рукописей Огарева, печатаемых в настоящем томе «Литературного Наследства», есть незаконченный отрывок, озаглавленный «От дедушки к внуку». В нем Огарев набросал свои мысли о народной революции в России. Революция эта, по мнению Огарева, должна начаться в восточной части Европейской России: население восточных губерний Огарев считал наиболее оппозиционно настроенным и наиболее легко возбудимым. С востока революционная волна будет двигаться по направлению к западу.

О том, как тщательно продумывал Огарев план будущей русской революции, свидетельствует то, что он предусматривал в нем необходимость заблаговременного принятия такой, например, меры, как разрушение железнодорожных путей (по его мнению достаточно разобрать одну колею), в целях воспрепятствования подвоза правительственных войск к местностям, охваченным восстанием. Подчеркивает Огарев и необходимость озаботиться устройством правильных рынков в местностях, захваченных повстанцами.

Все это показывает, как искренне верил Огарев в революционные планы, которые разбивал перед ним Нечаев. Тем большим ударом для Огарева был разрыв, произошедший весной 1870 г. между ним и Бакуниным, с одной стороны, и Нечаевым, с другой.

Совместная работа с Нечаевым была для Огарева последней попыткой активного политического выступления. После неудачи ее Огарев уклоняется от всякой практической революционной деятельности, даже литературной. Однако ни старость, ни болезнь не мешали ему попрежнему глубоко интересоваться всем происходящим на его горячо любимой им родине, что, между прочим, ясно видно из его переписки с П. Л. Лавровым, публикуемой в настоящем томе «Литературного Наследства».

Эмигрант В. Черкезов, познакомившийся с Огаревым незадолго до его смерти, передает, как искренно, по-детски радовался Огарев при рассказах о том, что в России в революционных организациях «дети народа — рабочие» работают рука об руку с интеллигентами. «Он говорил отрывочно, часто терял нить разговора, — пишет В. Черкезов, — но когда напал на вопрос об участии рабочих в последнем движении «в народ» [имеется в виду движение 1874 г. — Б. К.], он с горячим любопытством стал расспрашивать меня о количестве рабочих в рядах современных пропагандистов, о степени их развития и умелости. Выслушав меня внимательно, насколько это для него возможно, старик взял «Вперед» и, найдя список разыскиваемых, с особенною любовью и торжественностью прочел имена крестьян и рабочих, преследуемых русским правительством за пропаганду. Когда он кончил чтение и обратился ко мне, его доброе, кроткое лицо было оживлено улыбкой и слеза радости медленно скатилась по его осунувшейся щеке»¹¹³.

Мы видели, как сильно владели Огаревым либерально-дворянские иллюзии и как медленно и с трудом освобождался он из-под их власти. К чести Огарева следует признать, что к концу его жизни он сумел окончательно избавиться от них. В 1869 г., в одной агитационной брошюре, Огарев писал: «Все люди уважавшие народ, хотя бы сами происходили из барства и чиновничества, должны были начать с отречения от этого барства и чиновничества»¹¹⁴. Эта программа самоотречения была выполнена им самим до конца. С молодых лет Огарев сознавал лежащий на нем гнет барства и испытывал потребность освободиться от него.

Еще в 1845 г. Огарев писал Герцену:

«Друг! Чувствуешь ли ты когда-нибудь всю тяжесть наследного достояния? Был ли у тебя когда-нибудь горек кусок, который ты кладешь в рот? Был ли ты унижен перед самим собою, помогая бедным — на чужие деньги? Как глубоко чувствуешь ты, что только личный труд дает право на наслаждение?.. Друг! Уйдем в пролетарию. Иначе задохнешься»¹¹⁵.

Эта мысль — о необходимости «уйти в пролетарию» — не была у Огарева результатом минутного увлечения и быстро проходящего настроения. Эту же мысль он повторял в письме к другому своему другу, Н. Х. Кетчеру, и развивал в разговорах с приятелями¹¹⁶.

«Уйти в пролетарию» для «кающегося дворянина» Огарева значило полностью и навсегда порвать все связи, крепко соединявшие его с тем классом, к которому он принадлежал по происхождению. В России сделать это ему не удавалось. Переселение за границу означало для Огарева исполнение его мечты об уходе в «пролетарию» в том смысле, в каком он понимал это слово.

Когда Огарев в 1856 г. покинул пределы России, он был еще дворянским революционером, не сумевшим до конца освободиться из-под власти иллюзий, свойственных его классу. Но жизнь и политическая практика многому научили Огарева. Мы видим уже как с течением времени изменялось отношение его к ряду вопросов, связанных с развитием революционного движения в стране. Мы видели, как постепенно гасли в нем надежды на правительство и образованное меньшинство дворянства, как он приходил к мысли о том, что крестьянство должно быть не объектом просвещенного и благожелательного воздействия на него людей, преданных его интересам, а самостоятельной, активной политической силой, как рушились все его мечты о возможности мирным путем разрешить больные вопросы русской жизни.

Несмотря на то, что политические взгляды Огарева пережили значительную эволюцию, основной пункт его мирозерцания оставался неизменным. Этим пунктом являлась его теория «русского социализма», т. е. учение о том, что крестьянская Россия по условиям своего политического бытия представляет собою особую общественную формацию, отличную как от феодальной, так и от капиталистической, и способную развиваться по направлению к осуществлению социализма. С этим связан ярко выраженный антиурбанизм Огарева.

В России, по мнению Огарева, «село — главное основание государства, государство — это сумма сел; устройте село, и вы устройте государство»¹¹⁷.

Если на Западе города возникли и развивались естественным путем, то в России они были искусственно созданы государственной властью. Что представляют собою русские города? «У нас, — пишет Огарев, — город значит грабящее присутственное место, около которого собралось несколько купцов, старающихся нажиться»¹¹⁸. «Большая часть наших городов, — писал Огарев в другой статье, — насильственная случайность. Это не центры, последовательно выращенные развитием местной общественной жизни; это административные центры, навязанные народонаселению правительством ради своих целей управления»¹¹⁹. «Города представляют ничтожность, равно по числу народонаселения, по развитию промышленности, по образованности большинства и по сосредоточению денежных капиталов»¹²⁰.

Если на Западе города одержали победу над селами, то в России борьба между ними «решается в пользу сел, потому что наши города только правительственная фантазия, а в действительности они не имеют ни значения, ни силы». «Торговля наша, — говорит далее Огарев, — производится посредством подвижных рынков (ярмарок), которые удесятерятся с развитием железных дорог. Зачем нам города? Вся наша жизнь в селах»¹²¹. Если в России будет упразднено чиновничество, отпадет всякая надобность и в городах. «Для того, чтоб известные селения становились торговыми центрами, нет никакой надобности переводить общины на городское положение... Лишь бы правительство не мешало, торговые центры образуются естественно, вследствие местных условий и потребностей»¹²².

Итак, с точки зрения Огарева, в городах нет никакой необходимости; они должны быть упразднены или отомрут сами собою после ликвидации чиновничества. Но этого мало, — Огарев боится не только городов, но и пролетариата, живущего в них. Если Герцен под конец своей жизни, по выражению В. И. Ленина, «обратил свои взоры... к Интернационалу»¹²³, то Огарев, в отличие от него, и Интернационалом интересовался так же мало, как и, вообще, западной жизнью.

Отрицая города, Огарев боялся и городской революции. В 1866 г. он писал: «Я боюсь встретить в наших социалистах выставление вперед исключительно городского образованного пролетариата и приведение его в центр всех социальных стремлений, в особого рода сословие... И это в то время, когда в России существует историческое основание сельского строя,... к которому должен примыкать городской образованный пролетариат»¹²⁴.

Характеризуя общественно-политические взгляды Герцена, В. И. Ленин указывал на мелкобуржуазный характер его социализма. «В сущности, — писал Ленин, — это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которую облакала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия»¹²⁵. Эта характеристика вполне приложима, конечно, и к Огареву. Он сам чувствовал, что о его и Герцена социализме можно говорить только условно. Выше мы приводили уже цитату из «Письма к издателю», напечатанного Огаревым в № 1 «Колокола». Говоря, что Герцен является сторонником не перемены правительства, а «перемены, которая улучшила бы положение людей», Огарев, как мы видели, добавлял: «Вот в чем ваш, так называемый, социализм».

Как и у Герцена, у Огарева социализм был только «добрым мечтанием, облакающим революционность буржуазной крестьянской демократии» (Ленин).

С позиций этой демократии Огарев и критиковал западный капиталистический строй. Но в его критике капиталистических отношений в той форме, в какой они сложились на Западе, не было и не могло быть полного отрицания капитализма. Не так теоретик «русского социализма» важен и интересен для нас Огарев, а как непоколебимый сторонник крестьянской демократии и убежденный противник феодально-крепостнического строя. Для нас теперь совершенно ясно, что если бы политические мечтания Огарева осуществились, если бы на смену дворянской России пришла Россия крестьянская, «земская», развитие в ней капиталистических отношений не прекратилось бы, но оно совершалось бы в иных формах, чем в странах Запада. В России восторжествовал бы американский путь развития капитализма. Характерно, что Огарев неоднократно заявлял свои симпатии к Соединенным Штатам Северной Америки. Эта страна, в его глазах, на ряду с Россией, была страной будущего. Ее, как и Россию, он постоянно противопоставлял Западной Европе. По мнению Огарева, только в России и в Соединенных Штатах социальный вопрос поставлен «не теоретически, а исторически». Обе эти страны представляют собою «не начало захвата, а начало заселения. Отсюда их огромная разница от европейской цивилизации»¹²⁶.

Теория «русского социализма» Огарева складывалась и развивалась под несомненным влиянием идей Герцена. Последний, еще до приезда Огарева в Лондон и до начала его публицистической деятельности сформулировал основные догматы своей веры в русскую общину, как в исходную точку социального преобразования. Однако, это не отнимает еще у публицистической деятельности Огарева самостоятельного значения, так как доктрина «русского социализма» была гораздо подробнее изложена и обоснована им, чем его другом. В этом отношении статьи Огарева, несомненно, были существенным дополнением к произведениям Герцена. Что же касается политической позиции Огарева и его отношения к текущим вопросам русской политической жизни, то в этом Огарев безусловно представляет самостоятельный интерес: весьма часто он проявлял значительно большую политическую активность и толкал своего друга на такие шаги, на которые он без давления со стороны Огарева, быть может, и не решился бы. Характерно, что по свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, мысль об издании «Колокола» исходила от Огарева¹²⁷; он же, как мы уже знаем, был и инициатором органа, рассчитанного на низового читателя («Общее Вече»).

Уже одно это составляет громадную заслугу Огарева перед русским революционным движением. Как бы ни были слабы с теоретической стороны социально-политические взгляды Огарева, его преданность делу освобождения крестьян и его многолетняя борьба против деспотизма дают ему почетное место в рядах русских революционеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Огарев, Записки русского помещика, — «Былое», 1925 г., № 27—28, стр. 15.

² Статья эта, напечатанная Огаревым в 1847 г. в «С.-Петербургских Ведомостях», перепечатана в сборнике «Звенья», т. 2, 1933 г., стр. 358—362.

³ «Разбор нового крепостного права», — «Колокол», 1861 г., № 101, стр. 848.

⁴ «Что нужно народу?» — «Колокол», 1861 г., № 102, стр. 853.

⁵ «Полярная Звезда», 1856 г., кн. 2, стр. 268—270.

⁶ «Письма к соотечественнику», — «Колокол», 1860 г., № 77—78, стр. 641—642.

⁷ «Письмо к издателю», — «Колокол», 1857 г., № 1, стр. 5.

⁸ Письмо и ответ, — «Колокол», 1859 г., № 57—58, стр. 475.

⁹ Правительственные распоряжения, — «Колокол», 1858 г., стр. 62. Еще в самом начале своего пребывания в Лондоне Огарев следующим образом описывал в письме к Астракову свои впечатления от английской жизни: «По судам встречаются случаи, что работники убивают своих детей, нет возможности содержать разом себя и их. Приюты для бедных не принимают бедных не своего прихода, хотя бы кому пришлось провести ночь и на улице. Есть квартиры за несколько пенсов, где человек, не имеющий квартиры, находит место уснуть на один час стоя, держась за веревочку». Т. Пассек, Из дальних лет. — «Полярная Звезда», 1881 г., № 3, стр. 65.

¹⁰ Там же, стр. 60.

¹¹ «Письма к соотечественнику», — «Колокол», 1860 г., № 77—78, стр. 642.

¹² Предисловие Огарева к «Думам» Рыльева. Лондон, 1860 г., стр. X.

¹³ «Письмо соотечественнику», — «Колокол», 1860 г., № 77—88, стр. 642 и 643.

¹⁴ Приведенная цитата заимствована из написанного Огаревым плана устройства народной политехнической школы. М. О. Гершензон, История молодой России, М.—П., 1923 г., стр. 285.

¹⁵ См. его письмо к Е. Ф. Коршу от 28 июня 1847 г. Сборник «Помощь голодающим», М., 1892 г., стр. 521.

¹⁶ См. «Письмо из провинции», написанное Огаревым еще в 40-х годах, а опубликованное (под псевдонимом: Антон Постегайкин) в 1857 г. в кн. 3 «Полярной Звезды». В нем Огарев рассказывает, между прочим, историю одного крестьянина, которого его односельцы хотели сослать в Сибирь на поселение за проигранное им — без всякой вины с его стороны — общественное тяжбное дело (стр. 189—190).

¹⁷ Письмо к автору «Возражения на статью «Колокола», помещенного в 18 листе, — «Колокол», 1859 г., № 38, стр. 310.

¹⁸ «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 8, стр. 61.

¹⁹ Там же, стр. 62.

²⁰ Там же, — «Колокол», № 9, стр. 70—71, 73.

²¹ «Правительственные распоряжения», — «Колокол», 1858 г., № 7, стр. 55.

²² «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 8, стр. 64.

²³ «Русские вопросы», — «Полярная Звезда», кн. 2, стр. 270—271.

²⁴ «Еще об освобождении крестьян», — «Колокол», 1858 г., № 14, стр. 111.

²⁵ «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 9, стр. 73.

²⁶ «Примечания к главным основаниям, принятым московским комитетом по крестьянскому делу», — «Колокол», 1858 г., № 30—31, стр. 242—243; «Еще об освобождении крестьян», — там же, № 14, стр. 112.

- 27 «Письмо к автору «Возражения...», — «Колокол», 1859 г., № 38, стр. 309;
- «По поводу правил Муравьева-вешателя», — там же, 1860 г., № 80, стр. 663.
- 28 «Комиссия для составления положений о крестьянах», — «Колокол», 1859 г., № 51, стр. 416.
- 29 Проект этот изложен Огаревым в статье «Еще об освобождении крестьян», опубликованной в № 14 «Колокола» за 1858 г.
- 30 «Русские вопросы», — «Полярная Звезда», кн. 2, стр. 268.
- 31 «Еще об освобождении крестьян», — «Колокол», 1858 г., № 14, стр. 112.
- 32 «Комиссия для составления положений о крестьянах», — «Колокол», 1859 г., № 51, стр. 415.
- 33 То же, 1860 г., № 62, стр. 507, 511.
- 34 «Колокол», 1857 г., № 1, стр. 4.
- 35 Разбор книги Корфа «14 декабря 1825 г. и император Николай. По поводу книги бар. Корфа». Лондон, 1858 г., стр. 306—307.
- 36 Там же, стр. 229.
- 37 «Правительственные распоряжения», — «Колокол», 1857 г., № 3, стр. 19.
- 38 «Русские вопросы», — «Полярная Звезда», кн. 2, стр. 273.
- 39 «Правительственные распоряжения», — «Колокол», 1858 г., стр. 53.
- 40 Там же, стр. 52.
- 41 «Разбор манифеста 26 августа 1856 г.», — «Полярная Звезда» кн. 3, стр. 19.
- 42 «Еще об освобождении крестьян», — «Колокол», 1868 г., № 14, стр. 111.
- 43 «Правительственные распоряжения», — «Колокол», 1857 г., № 7, стр. 52.
- 44 Там же, стр. 51.
- 45 «Русские вопросы», — «Полярная Звезда», кн. 2, стр. 274.
- 46 Там же, стр. 274—275.
- 47 «Московский Комитет», — «Колокол», 1858 г., № 30—31, стр. 241.
- 48 «Письмо к автору «Возражения...», — «Колокол», 1859, № 38, стр. 307.
- 49 «Письма к соотечественнику», — «Колокол», 1860 г., № 77, стр. 644—646.
- 50 «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 8, стр. 62.
- 51 «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 9, стр. 72; № 12, стр. 91.
- 52 «Правительственные распоряжения», — «Колокол», 1857 г., № 7, стр. 52.
- 53 «Правительственные распоряжения», — там же, 1857 г., № 3, стр. 19.
- 54 «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 12, стр. 96—97.
- 55 «Письма к соотечественнику», — «Колокол», 1860 г., № 77—78, стр. 645—646.
- 56 «Колокол», 1861 г., № 89, стр. 745—752.
- 57 «Разбор нового крепостного права», — «Колокол», 1861 г., № 101, стр. 845—848.
- Подчеркнуто Огаревым.
- 58 То же, № 103, стр. 862.
- 59 То же, № 101, стр. 845. Подчеркнуто мною. — Б. К.
- 60 «Частные письма об общем вопросе», — «Колокол», 1866 г., № 211, стр. 1726.
- 61 «По поводу письма Искандера к государю», — «Колокол», 1865 г., № 200, стр. 1641. Подчеркнуто Огаревым.
- 62 «Частные письма об общем вопросе», — «Колокол», 1866 г., № 211, стр. 1727.
- 63 То же, — «Колокол», 1867 г., № 237, стр. 1937—1938; № 239, стр. 1951.
- 64 «Настоящее и ожидания», — «Колокол», 1867 г., № 244—245, стр. 1995.
- 65 «Второе письмо к инокю», — «Общее Вече», 1863 г., № 24, стр. 120.
- 66 «Куда и откуда», — «Колокол», 1862 г., № 134, стр. 1112.
- 67 «Ход судеб», — «Колокол», 1862 г., № 122—123, стр. 1016.
- 68 «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1862 г., № 138, стр. 1147.
- 69 «Голод и новый год», — «Прибавление к «Колоколу», 15 февраля 1869 г., стр. 246.
- 70 Там же, стр. 245.
- 71 «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1863 г., № 166, стр. 1367.
- 72 «Разбор нового крепостного права», — «Колокол», 1861 г., № 103, стр. 863.
- 73 П. П. Семенов-Тяньшанский, Эпоха освобождения крестьян в России. т. IV, П., 1916 г., стр. 389.
- 74 «Письмо к одному из многих», — «Колокол», 1864 г., № 189, стр. 1551.
- 75 «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1863 г., № 166, стр. 1367.
- 76 То же, — «Колокол», 1862 г., № 137—138, стр. 1147.
- 77 «Ход судеб», — «Колокол», 1862 г., № 122—123, стр. 1014—1015; «Куда и откуда», — там же, № 134, стр. 1110.
- 78 «По поводу проекта положения о присяжных поверенных», — «Колокол», 1861 г., № 97, стр. 815.
- 79 «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1862 г., № 137, стр. 1135—1136.
- 80 «Разбор нового крепостного права», — «Колокол», 1861 г., № 105, стр. 881.
- 81 «На новый год», — «Колокол», 1861 г., № 89, стр. 748.
- 82 «Что надо делать народу», — «Общее Вече», 1862 г., № 2, стр. 10. По проекту Огарева выборные каждого уезда намечают трех кандидатов по каждому уезду в члены центральной думы, а затем из этих трех избирается один депутат посредством прямых выборов, в которых участвует все население данного уезда.

⁸³ Огарев давно уже интересовался вопросом о правильном районировании России. Еще в 1847 г. он опубликовал статью «Опыт статистического распределения Российской империи» (перепечатана в сб. «Звенья», т. 2, стр. 49—58).

⁸⁴ «На новый год», — «Колокол», 1861 г., № 89, стр. 748—749.

⁸⁵ Там же, стр. 751.

⁸⁶ В «Ответе на ответ Великоруссу» («Колокол», 1861 г., № 108) Огарев писал: «Мы были бы совершенно равнодушны к форме правительства и династическому интересу царя, если б самодержавие не мешало народному устройству. Но оно положительно мешает, и потому на первом плане стоит необходимость его устранения».

⁸⁷ «Что-то будет?», — «Общее Вече», 1863 г., № 15, стр. 74; «Письмо к инок», — там же, № 22, стр. 103.

⁸⁸ Герцен, т. XVI, стр. 91.

⁸⁹ Как на пример революции (переворота), произведенной сверху, Огарев указывает на реформу Петра I, которая, по мнению Огарева, не была реорганизацией политического и социального строя.

⁹⁰ «Колокол», 1864 г., № 176, стр. 1446—1448.

⁹¹ «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1864 г., № 175, стр. 1441.

⁹² «Ход судеб», — «Колокол», 1862 г., № 122—123, стр. 1017.

⁹³ «Грехи и безумие», — «Общее Вече», 1863 г., № 17, стр. 82.

⁹⁴ «Ответ на ответ Великоруссу», — «Колокол», 1861 г., № 108.

⁹⁵ «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1863 г., № 166, стр. 1366.

⁹⁶ То же, № 174, стр. 1430; «Выклинанье духов», — «Общее Вече», 1863 г., № 16, стр. 78.

⁹⁷ Об этих адресах см. Герцен, т. XV, стр. 480—500; здесь опубликованы оба варианта, составленного Огаревым адреса.

⁹⁸ «Что надо делать народу?» — «Общее Вече», 1862 г., № 2, стр. 9; срав. там же, № 28, стр. 126.

⁹⁹ «Что надо делать духовенству», — «Общее Вече», 1862 г., № 2, стр. 35; «Ответ на ответ Великоруссу», «Колокол», 1861 г., № 108.

¹⁰⁰ «Колокол», 1861 г., № 111. Статья эта перепечатана полностью в т. XI сочинений А. И. Герцена, стр. 314—320.

¹⁰¹ «Тысячелетие России», — «Общее Вече», 1862 г., № 4, стр. 26. Статья эта не подписана, но принадлежность ее Огареву находится вне всяких сомнений.

¹⁰² «Надгробное слово», — «Колокол», 1863 г., № 162, стр. 1334—1335.

¹⁰³ Там же, стр. 1335—1336.

¹⁰⁴ Там же, стр. 1334.

¹⁰⁵ «Ответ на ответ Великоруссу», — «Колокол», 1861 г., № 108.

¹⁰⁶ «Ответ Великоруссу», — «Колокол», 1861 г., № 107.

¹⁰⁷ «Ответ на ответ Великоруссу», — «Колокол», 1861 г., № 108.

¹⁰⁸ Проект Огарева см. Герцен, т. XVI, стр. 93—95.

¹⁰⁹ «Надгробное слово», — «Колокол», 1863 г., № 162, стр. 1335—1336.

¹¹⁰ Письмо к «Одному из многих», — «Колокол», 1864 г., № 189, стр. 1553.

¹¹¹ То же, № 190, стр. 1561—1562; № 196, стр. 1605—1606.

¹¹² «Общее Вече», 1862 г., № 1, стр. 1. Подчеркнуто здесь и выше автором предисловия «от издателей».

¹¹³ В. Черкезов, Николай Платонович Огарев, — «Община», 1878 г., № 3—4, стр. 19.

¹¹⁴ Н. Огарев, В память людям 14 декабря 1825 г., стр. 5.

¹¹⁵ «Каторга и Ссылка», 1933 г., № 9, стр. 126.

¹¹⁶ Кетчеру Огарев писал: «Что сделает тот, кто насквозь прочувствует всю скорбь наследного достоинства, а не труда? Он пойдет в пролетарии, барон. Замотай это слово себе на память, потому что я не шучу». — П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909 г., стр. 142. И. И. Панаев в своих воспоминаниях приводит следующие слова Огарева: «Чтобы сделаться вполне человеком, я чувствую, что мне необходимо сделаться пролетарием». — И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Л., 1928 г., стр. 442.

¹¹⁷ «Русские вопросы», — «Колокол», 1858 г., № 12, стр. 95.

¹¹⁸ «Письмо к инок», — «Общее Вече», 1863 г., № 22, стр. 103.

¹¹⁹ «Письмо к «Одному из многих», — «Колокол», 1864 г., № 196, стр. 1605.

¹²⁰ «Расчистка некоторых вопросов», — «Колокол», 1863 г., № 175, стр. 1440.

¹²¹ «Комиссия для составления положения о крестьянах», — «Колокол», 1859 г., стр. 417.

¹²² «На новый год», — «Колокол», 1861 г., № 89, стр. 750.

¹²³ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.

¹²⁴ «Частные письма об общем вопросе», — «Колокол», 1866 г., № 220, стр. 1801.

¹²⁵ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.

¹²⁶ «Частные письма об общем вопросе», — «Колокол», 1866 г., № 211, стр. 1727.

¹²⁷ Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, Л., 1929 г., стр. 169—170.

НЕИЗДАННЫЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ
Н. П. ОГАРЕВА

I. СТАТЬЯ «ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ?»

Публикация С. Переселенкова

История пойдет ни по плану Боссюэта, ни по плану Гегеля. Если бы человечество развивалось по предназначенному плану — нам можно бы скрестить руки в приятной праздности: что ни делай — все пошло бы как по-писанному. Но в действительности история представляет отсутствие плана; происшествия могут случаться, могут и не случаться — смотря по тому, какие для чего есть данные; такое или иное общественное условие, явление такого-то или иного лица — меняет факты, меняет жизнь. От того именно, что вещи могут быть и не быть — всякий порядочный человек страстно принимает участие в деле общественном и по мере сил старается, чтобы вышло то, что он считает полезным, справедливым, нравственным. От этого бывает так больно, когда что идет наыворот. От этого — при известных данных, когда государство ждет какой-то новой будущности, когда люди жаждут преобразования — так мучительно хотелось бы появления человека такого, какого мы встречаем великим деятелем в прежнем веке, но при подобных же условиях — потребности и необходимости государственных перемен. Пусть условия нашего века иные, но хотелось бы, чтоб в эти новые условия опять вошла могучая личность с ясным умом и неуклонным преследованием своей цели. Хотелось бы для России опять Петра Великого.

Живо воскресает в воображении исполненное благородной силы лицо великого царя-революционера.

Застает он Россию в смутном положении, — нечто в роде христианской Азии, где московский хан, разогнавши мелких узденей, сосредоточил власть, но посредством и под влиянием холопей, называемых боярами. Они окружают царя и сводят государственные интересы на низкую степень холопских интересов, — на местничество и грабеж. Россия, разделенная на воеводства, то же что пашалыки, отдана им на разграбление. Войско не устроено. Церковь, хотя имеет власть, но несмотря на недавние нововведения патриарха Никона, ни сама она, ни раскол, возникший как противоречие ее нововведениям, — не вносит в народную жизнь никакого живого начала. Народ переходит с места на место, без всякой выгоды для себя, без настоящей промышленной деятельности, без всякого понятия правосудия, вечно бродящий и везде притесненный и ограбленный царскими пашами. Россия велика, но в ней нет порядка; власть Московского царя сосредоточена, а государство не сильно и перед другими народами не имеет ни голоса, ни значения; русская торговля ничтожна.

Однако, Петр Великий гениальным чутьем понимает, что Россия — не Азия, что формы азиатского царедворства и полу-татарские нравы не составляют ее конечной цели, что русский ум ясен и боек, что русский человек ловок и предприимчив, что надо государство поставить на иную ногу. Что же делать? Надо противопоставить азиатской косности — европейское образование, праздничеству — порядок, бессудию — правильный суд, местничеству — понятие государственной службы; надо вызвать промышленность и торговлю, надо войти в соприкосновение с другими образованными государствами, надо правильное войско, надо создать сильное государство, которое бы стало

на ряду с другими европейскими народами и имело бы с ними сношения, как сильный с сильным, равный с равным. Цель ясно понятна; он всем для нее жертвует. Долой китайский халат царя, взлелеянного холопами; он является царем-диктатором в одежде образованного человека, ищет окружить себя умными людьми, какого бы звания и происхождения они ни были, и не хочет праздных бояр и холопей; от бояр-холопей он хочет, чтобы они переоделись, пересоздались сообразно с его требованиями, чтобы они делали дело, если хотят быть чем-нибудь, или оставались бы ничем. Он гонит татарское направление, он бреет боярам бороду во имя просвещения, чтобы сбросить долой азиатское невежество, гуртовое невежество целого класса, владычествующего в народе. Это не то бритье бород, которое было в прошлое царствование и происходило из противоположного направления, из трусости перед просвещением, из трусости, подозревавшей либерализм в самой невинной бородке, из направления, которое встретить в ком-либо из современных наших правителей было бы для нас так прискорбно, что вот так бы, кажется, схватил бы его за руку и сказал бы: «Что вы делаете? Срамитесь и отрекаетесь от живой струи русского развития ради какой-то тупой привычки к капральству. Это вас недостойно». Петр Великий занят исключительно русским развитием, он не имеет династического интереса; казнь сына была, конечно, для него не наслаждением, а жертвою, принесенной великим диктатором народному развитию.

Для достижения своей цели, т. е. умственного и материального развития России, он делает все и делает неумоимо. Для этого он учится за границей и переносит в Россию все, что находит полезного в Европе. Он возбуждает дух промышленности и ради торговли и европейских сношений берет берег Балтики и строит новый город. Он заставляет народ быть оседлым, потому что без этого не было бы ни промышленности, ни государства. Он создает правильное войско. Он учреждает Сенат и правильные суды. Он учреждает Синод, т. е. подчиняет самую церковь живому началу государства. Он окончательно рушит холопское управление бояр и вводит правильную администрацию. Он учреждает Академию и полагает основание наук в России.

Россия уже не азиатское племя, а государство. Петр перестает быть ханом-царем и делается императором — в первоначальном, доблестном значении слова, т. е. вождем.

Полтора века прошло с тех пор, и Россия опять в смутном состоянии и при такой же напряженности вопросов, когда государственная перемена становится необходимостью. В продолжение этого времени движение в России было большое; но движение никогда не совершается прямо, по направлению одного толчка и одной силы; оно всегда идет по диагонали, путем, по которому толкает совокупность сил. Государство, хотя и создано, но не шло прямо по направлению, данному Петром Великим; не шло сообразно с действительным значением его мысли. Его учреждения уклонились от стези, им предполагаемой... стези развития образованности.

Что же бы он застал в России теперь и что бы он там стал делать?

Он вводил в народ оседлость и дух промышленности. Промышленность и начала развиваться, но, с другой стороны, оседлость развила до уродливости крепостное право, помещичье и государственное, которое душит промышленность. Народ задавлен или ограблен, или и то и другое разом. Правильное войско, которое должно было стать благородным оплотом государства, чтобы всякий знал, что государство сильно, — войско имеет только наружный вид силы, а в самом деле

пришло в уныние под влиянием капральства и военно-чиновничьего грабежа. Рекрутство только бесплодно истощило народ и, при жеребьевой системе, дало новый повод чиновничеству грабить его безнаказанно.

Правильные суды, под влиянием общей организации чиновничества, стали формальными присутственными местами, где продается правосудие. Сенат сделался ссыльным местом для превосходительных неспособностей и превосходительных лихоимств.

НИКОЛАЙ I ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПЕТРУ I

Карикатура П. Домье

Музей изобразительных искусств, Москва

Администрация образовалась в правильную систему грабежа, которая давит все классы народа и грозит правительству финансовым разорением.

Наука склонила голову под ярмом многочисленных ценсур, штатских и жандармских.

Всюду татарское местничество преобразилось в немецкую чиновственность.

Торговля страдает от бессудия, административной продажности и административного нахальства.

Синод и духовенство с своими консисториями преследуют мирных раскольников, то подводя их под наказания и ссылки, то отбирая у них книги, — для них священные, с тем, чтобы потом опять продавать им эти книги за невероятные цены, и воспитывают в своих семинариях то невежественных попов, которые полагают, что их мнимая ученость для того создана, чтобы дать им право увеличивать плату за церков-

ные требы до крайнего притеснения народа, то идущих умножать собою и без того многочисленное чиновничество — с целью нажития всеми неправдами.

И все это страдает безгласно, потому что правительство, вместо того, чтобы сделаться вождем России, сделалось главой немецкой бюрократии, давящей Россию, и боится гласности, и, не слыша голоса действительных потребностей государства, само мчится бессознательно и влечет ее за собою к гибели.

Вот как бы застал Россию теперь Петр Великий. Но опять он бы не усомнился ни на минуту, что, несмотря на это положение, жизненные силы России велики, что от его первого толчка она сделала огромные успехи в образовании, не потому чтобы ей помогали на пути развития, а вопреки всем препятствиям, которыми ей заграждали этот путь. Он орлиным взором увидел бы, что теперь крепостное право, местничество и грабеж в форме немецкой бюрократии и безгласный хаос, над которым носится дух жандармской, составляют язвы государства. Как во время оно он вырвался из азиатских объятий холопского боярства, так и теперь он снова почувствовал бы себя вождем — императором России, а не главой холопского, немецко-татарского чиновничества, и снова со всей силой ясного ума и неуклонной воли стал бы всем жертвовать для блага отечества.

Он уничтожил бы крепостное право, — посредством ли всеобщей финансовой меры или бы заставил помещиков и крестьян выбрать между собою посредников для освобождения крепостных людей с частью земли на полюбовных условиях, но положил бы срок для окончания этого полюбовного освобождения, строго наблюдая, чтобы в назначенный срок его воля была исполнена. Так или иначе, но он не отдохнул бы, пока бы не сделал этот первый необходимый шаг русского развития.

Он увидел бы, что равно судебную и административную власть пора преобразовать, но не посредством случайного уменьшения штатов и частного мнимого преследования мелких грабителей (я говорю: мнимого, потому что преследование своего своим не может быть не мнимым), а посредством коренного изменения всего состава чиновничества. Он бы уничтожил чин, который во время оно казался ему нужным и который теперь только мешал бы ему вызвать порядочных людей к государственной деятельности. Как гениальный человек, он был бы чужд мелкого самолюбия и легко бы сознавался в своих ошибках для того, чтобы исправить их. Он понял бы, что немецкая бюрократия так же вредна, как и азиатское местничество, и ясно увидал бы, что кроме правительственных контор, т. е. министерств и губернаторств, — естественное и действительно разумное влечение русских людей — от крестьянской общины до благородного дворянства, — иметь судей и администрацию выборную, которая давала бы избирателям отчет в своих действиях — на миру, т. е. гласно. Раз увидав и убедившись в этом, — переход от убеждения к исполнению у него шел бы быстро, со всей быстротой любви к отчеству, не терпящей неправды. Да! Петр Великий скорбел от неправды, от этого-то он так неутомимо быстро и действовал.

Он не смотрел на свой престол, как на кресло, в котором ловко отдохнуть, и не смотрел на Россию, как дитя на учебную книгу, которую ему хочется не читать, а изрезать на игрушки. Он был одушевлен своим неутомимым умом и любовью к народу. От этого он и был великий человек. Уничтожив чин, учредив суд и администрацию на иных основаниях, он окружил бы себя людьми достойными, к какому бы сословию они ни принадлежали. Так он делал и во время оно, когда

возле него стоял Меншиков (не тот, который был морским министром); табель о рангах его почти предсмертная ошибка. Он умел бы выбрать людей. Дозволив всем говорить гласно, т. е. сняв с печати тяжеловесную, многочисленную цензуру, он избрал бы тех людей, которые всего более напечатали бы правды и всего яснее бы ее высказали. Петр Великий был ловец людей в смысле Евангелия, а не в смысле жандармского полковника.

Он перестал бы гнестить народ ненужным рекрутством и, держа войска не более, чем сколько необходимо, возвысил бы его нравственное значение, избавив его от военных игрушек, театральных костюмов, а также и от начальников невежественных и грабящих.

Он перестал бы гнать раскольников, видя и в них таких же русских людей, как и прочие, да еще и очень полезных промышленников. Он обратил бы внимание и на семинарии, эти школы, существующие вне министерства народного просвещения и выпускающие законоучителей, неспособных научать народ никакой, не только евангельской истине.

В духовенстве и войске, администрации и суде, в народе и дворянстве, — везде он преимущество дал бы науке. Он стал бы не теснить, а увеличивать университеты и давал бы ход их воспитанникам во всякой государственной деятельности, — втолкнул бы науку в практику, приложил бы знания к делу.

Для достижения своей цели он необходимым условием поставил бы гласность, потому что ему самому нужны были бы и уши, и язык; он очень бы хорошо понял, что если он себе зажмет уши, а людям зажмет рот, — то Россия погибнет.

Да! В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою — уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки.

Тогда бы Россия отдохнула и ожила бы к новой, великой умственной и промышленной деятельности, а правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития.

Печатается с копии, снятой мной в 1901 г. с подлинника, хранившегося в то время в архиве А. А. Герцена в Лозанне. Тогда же мне удалось ознакомиться с черновиком и, повидимому, с первоначальным, кратким планом этой статьи. Черновик ничего существенного собой не представляет, но план заслуживает внимания по причине, о которой скажу ниже. Привожу его целиком:

«1) Обстоятельства — личности. Одинакие личности при разности цивилизаций сохраняют свой характер. 2) Что значит государственная цель и достижение оной. 3) Фигура Петра Великого. 4) Положение вещей при Петре Великом и современное. 5) Крепостное состояние при П[етре] В[еликом] и современное. 6) Как бы шел П[етр] В[еликий] к решению современной задачи крепостного состояния. 7) Эмансипация и образованность. 8) Чиновничество при П[етре] В[еликом] — Перенесение местничества родового в местничество правительственное. 9) Как бы предпринял П[етр] В[еликий] вопрос чиновничества в наше время. Администрация и избирательство. 10) Юридическая Россия при П[етре] В[еликом] и современная. 11) Просвещение при П[етре] В[еликом] и современное. 12) При П[етре] В[еликом] правительство выше науки; при Николае ниже науки. 13) Теперь требуется правительство выше науки. 14) Шаткость и решительность. 15) Что опасно и что нет. 16) Воззвание к правительству».

Статья «Что бы сделал Петр Великий» относится к 1856 г. или к первой половине 1857 г., так как находится в тетради, где помещены другие работы Огарева, заведомо относящиеся к этому времени.

Достаточно было, в самом начале царствования Александра II, правительству сделать несколько робких шагов в сторону перемен и ослабления николаевского режима, чтобы большая часть не только умеренно-либеральных, но и радикально настроенных представителей тогдашней интеллигенции поверила, что молодой царь, убедившись на горьком опыте в несостоятельности внутренней политики своего отца, решил изменить ее на другую, соответствующую требованиям времени и более или менее удовлетворяющую общественным запросам лучших людей настоящего и недавнего прошлого. Огарев в этом отношении не избежал участи большинства своих современников. Полный надежд на будущее, он приветствовал в «Полярной Звезде» на 1857 г. правительство за то, что оно «начинает преследовать своих привилегированных гражданских воров, печатает о них в газетах, послабляет цензуру, покровительствует университетам, задавленным прежним царствованием; требует себе чиновников, образованных в высших учебных заведениях; опять в гражданском деле, как в военном, требует науки, мысли, образования. Оно видит, что преследованием мысли оно само бы у себя отняло средства действовать, что по николаевской системе ему долее нельзя жить»¹. От внимания его, правда, не ускользнуло, что правительство действовало в данном случае «шатко, неполно, нерешительно, даже неловко», но происходило это, по его мнению, так потому, что царя «еще окружают николаевские люди, люди раболепия и неправды, люди корыстные; люди, скрывающие под видом важности ограниченность и невежество, фельдфебели в чине государственных сановников; люди, которым кажется преступлением все, что честно, благородно и разумно»². О молодом царе тогда ходили слухи, как о «человеке благонамеренном и добром», Огарев охотно верил им. «Стоит только, — говорил он, — вспомнить удаление Клейнмихеля и Дубельта, стоит только взглянуть на портрет Александра II, чтобы убедиться в этом!»³. А если так, то пагубному влиянию на царя старых и своекорыстных вельмож николаевского времени необходимо противопоставить свободный, неподкупный голос людей, не развращенных старым режимом. «Теперь более, чем когда-нибудь, — писал Огарев, — обязанность русской вольной книгопечати сказать слово правды, которую долее вполне высказаться правительство еще боится позволить»⁴, и он, не покидая поэтического творчества, выступил в роли публициста. В то же время у него явилась мысль, как это видно из приведенного выше плана статьи, обратиться при посредстве вольной печати с программой обновления России к Александру II в форме, которую тридцать лет тому назад использовал Пушкин, когда обращался к Николаю I. «Доброму и благонамеренному», но не покончившему еще до конца с отжившими традициями и постоянно колеблющемуся царю Огарев в этом обращении ставил в пример Петра, изображая его таким, каким он представлялся людям сороковых годов.

Почему же статья не получила окончательной отделки согласно с намеченным первоначальным планом и не была напечатана в свое время?

Почти с уверенностью можно сказать: потому, что оптимизм Огарева не имел под собой прочных оснований. Действия правительства в то время не отличались ни последовательностью, ни строгой определенностью. Сплошь и рядом благие начинания его сменялись такими выступлениями, которые не могли не приводить Огарева в уныние. Особенно тяжелое впечатление на Огарева произвела изданная с «высочайшего соизволения» в начале 1857 г. книга Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», в которой оскорблена была память декабристов, против чего горячо протестовали в вольной печати он сам и Герцен. Естественно, что надежды, которые первое время он возлагал на новое правительство, стал подрывать скептицизм, а при таком настроении странно было бы обращаться к Александру II в той форме, в какой задумано было обращение. Потеряло значение это предполагаемое обращение и как журнальная статья после того, как напечатан был в «Полярной Звезде» и «Колоколе» ряд публицистических произведений Огарева, посвященных подробному разбору современных общественных вопросов.

Интересно, что около того же времени, в 1856 или в 1857 гг., Огарев в стихах, посвященных Анненкову, прокнес суровый приговор Пушкину за его «Стансы», адресованные Николаю I⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Полярная Звезда», 1857 г., кн. 3. — «Русские вопросы», статья II.

² «Разбор манифеста 1856 года», там же.

³ Там же.

⁴ «Русские вопросы», статья II, там же.

⁵ Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, Л., 1937, т. I, стр. 166.

II. ЗАПISKA O TAIHOM OBYECTBE

Публикация Б. Козьмина

Может ли в наше время тайное общество быть полезно и, если может, какая должна быть его цель и организация? — Это приводит к еще более общему вопросу: что значит полезное в общественном смысле? Я смело отвечаю: все, что клонится к свободе личности и к равному распределению ее в общественном устройстве, словом, все, что может хотя приблизительно примирить несгнетаемую независимость лица и его действий с необходимостью рода людского, лежащею *in natura rerum*, жить стадом. Я думаю, это самое общее выражение смысла полезного. Но теперь спрашивается: что же делает личность внутренне свободною? — Ясность мысли и адекватность поступка с мыслью. Что делает личность независимую? — Немешание окружающей среды ясно мыслить и действовать. Итак, полезное в общественном смысле — это знание ^{1*}, т. е. наука, и отстранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и ^{2*} действовать. Или скажем определеннее: соби́рание полезных ^{3*} элементов для популяризации науки ^{4*} и гражданская реформа ^{5*}.

Было ли когда-нибудь и может ли быть теперь тайное общество, которое имело бы в своей власти ^{6*} эти два средства общественной пользы? — Без сомнения, было. Христианство было такое тайное общество; реформация имела свое такое же тайное общество; революция имела свои тайные общества, сделавшиеся впоследствии явными клубами, потому что все же цель тайного общества:

Was im Kämmerlein
Still und fein gesponnen —
Muss das endlich auf einmal
Kommen an die Sonnen.

Положимте, что христианство распространяло не знание, а только мнение, но это мнение в глазах тогдашнего человека равнялось знанию; а распространение этого мнения было совершено посредством тайных обществ. Гражданские реформы, т. е. приобретение права гражданства христианскому мнению совершилось все под тем же влиянием тайных обществ, действовавших равно на народы и на правительства, пока мы, наконец, видим, что христианский епископ коронует франкского короля — и тайное общество переходит в явную церковь, т. е. явную власть. Я не говорю теперь о пользе или вреде христианства и церкви, но вот метод, достигший цели. Кто же нам мешает употребить тот же метод для распространения положительной науки ^{7*} и приобретения гражданских ^{8*} реформ, сообразных с нашими понятиями?

Да! тайное общество полезно, возможно и необходимо ^{9*}.

Должно ли быть это общество исключительно русское или повсеместное? Последнее увлекательно широкостью своей задачи, но чем более думаю, тем более вижу, что «*Jérôme Paturot à la recherche d'une*

^{1*} После «знание» Герценом вписано карандашом: «окружающего».

^{2*} После «и» вписано «последовательно».

^{3*} После «полезных» вписано «желательных истинно».

^{4*} Слово «науки» зачеркнуто Герценом и заменено «знаний».

^{5*} Слово «гражданская» заменено «общественная».

^{6*} Слово «власти» заменено «цели».

^{7*} Слова «положительной науки» переделаны Герценом: «положительных знаний».

^{8*} Слово «гражданских» переделано в «общественных».

^{9*} Следующий абзац зачеркнут карандашом, повидимому, Герценом.

position sociale» до такой степени сидит во всяком европейском деятеле, что искреннего центра общества с европейцами не составишь в настоящее время. Искренни, может быть, только итальянцы в вопросе национальной независимости; в остальном общее служит людям только как средство к достижению частных, корыстных или тщеславных целей. Вдобавок исключительно русское общество для нас возможнее и потому начинать надо с него.

Но как начать?

Центр, зерно общества, не имеет нужды в многолюдстве; он нуждается только в искренности и понимании своих членов. Центр должен быть искренен, как бы одно лицо, а его понимание вещей должно быть энциклопедическим; это *conditio sine qua non*, когда дело идет о положительной науке^{1*} и практических гражданских^{2*} реформах. Центр должен иметь свой орган в печати, где бы его понятия высказывались как можно более цельно. Центральное издание должно высказывать направление, теорию, гипотезу применений, исполнение которых падет на периферию общества. Чем далее в периферию, тем более потребуются специальности, как бы малы они ни были, так чтобы всякий человек мог найти свое дело, и общество имело бы, наконец, бессознательных агентов, т. е. агентов, действующих в смысле общества, не имея нужды знать о его существовании. Периферия должна иметь в печати свои специальные органы^{3*}. Конечно, общество не может ограничиться одним способом действия — книгопечатанием, и чтобы не потерять ни одного интереса из виду, должно иметь своих агентов и в государственной деятельности, и в промышленной деятельности; от этого, тем паче, лежит на центре обязанность быть энциклопедистом и состояться из членов, которые бы совокупно выражали энциклопедизм научного понимания.

О власти центра над обществом и организации этой власти я не стану говорить^{4*}.

Порядок подчинения иезуитского общества для нас слишком ненавистен, чтобы мы могли создать нечто подобное. К тому же такой порядок годится только для отстаивания падающего начала. Наш центр^{5*} должен быть нравственной силой без всяких quasi-правительственных форм. Центробежная сила убеждения и центростремительная сила доверия должны зависеть от искренности понимания и деятельности центральных членов, без всякой формальной иерархии^{6*}. Повиновение агента^{7*} должно иметь основание в его внутреннем согласии с поручением, и только; от этого две выгоды: во-первых, что члены общества будут действовать согласно с собственным ясным убеждением и, следовательно, будут нравственные люди; а бессознательные агенты, работающие под их влиянием, будут также действовать согласно со своим убеждением, следовательно, охотно и не лениво. Правда одно^{8*}: чем специальное дело, тем менее агент должен знать о существовании общества (это единственное условие, которого требует самосохранение общества). При этом, кажется, порядок прост и ясен: добровольное соглашение члена или агента действовать в известном деле и известным образом^{9*}.

^{1*} Слова «положительной науке» Герцен заменил «положительных знаний».

^{2*} Слово «гражданских» заменено «общественных».

^{3*} Следующая фраза зачеркнута карандашом, повидимому, Герценом.

^{4*} То же две следующие фразы.

^{5*} Перед «наш центр» Герценом вписано: «Конечно, прежде всего».

^{6*} Последние 4 слова зачеркнуты карандашом, повидимому, Герценом.

^{7*} После «агента» Герценом вписано: «прежде всего».

^{8*} Слова «правда одно» заменены Герценом: «Но».

^{9*} Следующие три абзаца зачеркнуты карандашом, повидимому, Герценом.

Для нецентральных членов, — если нужно заглавие, — общество может начинаться под названием — общество научных приложений или общество научных приложений и гражданских улучшений. Для центра девиз его без сомнения остается: социальная реформа. Я думаю, что в этом с виду анархическом устройстве будет не менее порядка, чем в монашеском или масонском ордене. Там нужны были формальности, потому что они были религиозные общества; а мы не должны забывать, что работаем в пользу положительного здравого смысла, враждебного формальностям. Даже и заглавие — общество людей здравого смысла было бы дурно.

Но довольно о схеме. Надо более уяснить самые понятия, которые мы хотим популяризировать, реформы, на которые метим и, наконец, самый ход наших действий.

Положим, что центр общества составлен. Члены его должны выражать три отрасли знания: естествознание (от математики до медицины и техники), экономическую науку и юриспруденцию. Это нужно как для того, чтобы знать, что мы хотим популяризовать, так и для того, чтобы знать, против чего мы станем бороться и какие средства для борьбы мы можем употреблять, имея всегда за себя положительное основание в государственном законодательстве. Англия доказывает, что последнее условие для постепенной реформы необходимо; а Франция доказывает, что непостепенная реформа невозможна. Центр же общества должен содержать все реформы в возможности. С реформами необходимо связывается популяризация науки; следственно, центр должен иметь теорию науки, т. е. свой взгляд на предметы, и усвоить себе метод, как и кому сделать науку доступной частью и в целом.

Без сомнения для нас теперь главная задача общественная реформа — это уничтожение крепостного сословия^{1*}. Следственно, центр предлагает задачу и группирует около нее членов общества. Задача уничтожения крепостного сословия^{2*} имеет свои соприкосновенные задачи; следственно, центр обязан вызвать членов общества на специальную разработку их^{3*} и дать цельности этого труда место в центральном издании, между тем, как каждые специальности должны быть печатаны во всех существующих повременных и новых изданиях.

Задача эта ставится таким образом:

А) Финансовый оборот для выкупа крепостных людей с землею.

1) Настоящее положение крепостных людей, оценка крепостного труда, крестьянское и помещичье землевладение в статистическом и экономическом смысле.

2) Разбор государственных кредитных учреждений исторически.

3) Возможность основать на них выкуп.

4) Современное значение, назначение и состав дворянства и его возможная будущность.

5) Современное состояние, значение и будущность крестьянской общины.

Это приводит к задаче о крестьянах вообще и, следственно, к вопросу о государственных крестьянах.

В) Государственные крестьяне.

1) Статистика земель государственных крестьян и государственных пустопорожных земель.

^{1*} Слово «общественная» вписано Герценом, последние 4 слова зачеркнуты карандашом.

^{2*} Перед «Задача» Герценом вписано «Главная»; последние 3 слова зачеркнуты карандашом.

^{3*} Далее все зачеркнуто карандашом до пункта С включительно.

2) Народонаселение, его местные способы существования, т. е. промышленность, его общинное юридическое и административное устройство.

3) Налоги; принятая в России теория оных, способы взимания, недоимки и причины оных.

4) Возможная новая метода податей и взимания оных.

Тут мы переходим к чиновничеству и к промышленности.

С) Чиновничество.

1) Его современная организация, подробная статистика числа чиновников, их жалований, дел, производимых ими по количеству и по содержанию, образование чиновников и влияние их.

2) Как изменить чиновничество?

Д) Промышленность.

1) Статистика земледелия и торговли земледельческими произведениями.

2) Статистика заводской и фабричной промышленности и ее торговля.

3) Современные и предполагаемые пути сообщения.

4) Промышленное отношение разных частей России между собой и к иностранному миру.

Это наталкивает нас на вопрос народного образования и на торговое, т. е. среднее сословие государства.

Е) Народное образование.

1) Его современное положение.

2) Какие сведения надо прежде всего сделать народными?

3) Устройство школ и издание книг.

4) Приготовление учителей.

5) Технические примерные орудия и препараты при школах.

6) Средства к их содержанию.

С вопросом народного образования связан вопрос о

Ф) Духовенстве.

1) Его современное образование, положение, нравственность и число.

2) Изменение или лучше уничтожение семинарий или присоединение оных к общей системе университетского преподавания.

3) Отношение народа к духовенству, количество духовных лиц на число душ и на какие средства содержать их.

Г) Среднее сословие.

1) Его численность (т. е. купцов и мещан), нравы, занятия.

2) Средства к образованию.

3) Его отношение к народу и к администрации.

4) Средства не дать ему консолидироваться в касту.

Тут мы переходим в общие экономические и государственные вопросы:

Н) Значение капиталов в России, их количество, ценность, оборот. Отношение к массам потребителей и производителей. Будущность капитала и труда в России при освобождении крепостных людей, преобразовании чиновничества и системы налогов. Отношение земельной собственности к капиталу. Отношение денежного капитала к иным движимым и недвижимым имуществам.

И) Юридическое состояние государства и изменение его.

К) Племенное, физиологическое и патологическое состояние народонаселения.

Л) Геолого-метеорологическое состояние государства и его отношение к растительности.

Частные вопросы:

М) Винные откупа и соляные сборы и их реформа.

Н) Рекрутство.

О) Удельные имения.

Р) Посессионные имения.

Q) Казенные оброчные статьи.

R) Организация армии.

S) Тарифы.

Конечно, это далеко не все, но вот вопросы, которые Центральное общество должно:

1) Уяснить себе.

2) Сделать популярным для большинства посредством печати и представить в более серьезном виде для воспитанников высших учебных заведений, сохраняя везде свою теоретическую точку зрения.

3) Проводить по всем вопросам решение по государственным постановлениям через влияние членов общества и бессознательных агентов.

Центральное общество должно работать, чтобы в периферии готовились для печати и издавались — с нашей точки зрения и без всякой точки зрения (социальной) — специальные сочинения, наивозможно популярнее, а именно:

1) Учебники.

2) Отчеты по трудам Академий всех стран.

3) Отчеты технических и других открытий.

4) Отчеты и разбор экономических сочинений.

5) Отчеты и разбор исторических сочинений.

6) Как можно более собственных литературных произведений с нашей точки зрения.

7) Простонародная литература, сказки, картинки и пр.

8) Как можно более сочинений насчет всяких случайностей, или лучше по поводу случайностей в правительственной России.

Центральное общество для изданий, разъездов, пересылок и вспомоществований предлагает известное годовое пожертвование с каждого члена и общества и обязано учредить отчетность в деньгах так, чтобы члены были уверены в хорошем употреблении оных.

Центральное общество обязано устроить по возможности быструю и постоянную корреспонденцию, чтобы всегда быть *au courant des choses* — по всем отраслям.

Общество должно иметь членов и агентов в мире промышленном, так чтобы и в промышленности ощущалась популяризация науки и требование государственных реформ.

[На отдельном листке]

Цель: популяризация знаний и общественная реформа.

Дело теперь, кроме печатания книг, —

Путешествующие учителя, их тема — популяризация геологии и, вообще, теории мироздания и естественных наук и их приложений к земледелию и промышленности.

Путешественники по России для собирания статистических сведений об административных и судебных злоупотреблениях. Необходима выписка всех губернских ведомостей, и каждое дело, которое в них покажется сомнительным, должно быть следимо путешественником по России и сообщаемо.

Путешественники за границу.

Воспроизводится по записной книжке Огарева № 22, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Настоящая записка чрезвычайно характерна для политических настроений Огарева накануне отмены крепостного права. Разуверившись в реформаторской деятельности правительства, Огарев еще не решается безоговорочно вступить на революционный путь. Признавая необходимость организации в России тайного общества, он в то же время ставит ему столь широкие и всеобъемлющие задания, что основная цель этого общества — подготовка переворота — затухает и отодвигается в неопределенную даль. Тайное общество, проектируемое Огаревым, не боевая революционная организация, подготавливающая восстание, а просветительная ассоциация, занятая распространением знаний, и притом не только общественных, но и естественных наук, как среди интеллигенции, так и в среде народа, в целях организации общественного мнения и подготовки его к коренному изменению основ социально-политического быта страны.

Печатаемую нами записку можно датировать 1860 г. Именно в этом году Огарев под влиянием разочарования в реформаторской деятельности правительства стал усиленно доказывать необходимость организации общественных сил, в целях выработки мощного общественного мнения, и обратился к интеллигенции с призывом выделять из своей среды «странствующих учителей» — «проповедников науки для крестьян».

III. СТАТЬЯ «НУЖДЫ НАРОДНЫЕ»

Публикация Б. Козьмина

Народу житье плохое. Крестьяне бывшие барские — нето остались крепостными, нето нет. Барщину еще справляют, оброки им скорее повысили, чем понизили, землю у них урезали, да и за ту заставляют выкуп платить и подписывать кабальные записи, называемые уставными грамотами. Казенным (государственным) крестьянам хотят ихние мирские земли, которыми они искони владеют даром, распродать насильно или же каждому в раздел, в одиночку, за деньги. Дворовым людям вовсе никакой земли не дали, пустили по миру безземельными, да еще и за то, что по миру пустили, заставляют господам выкуп платить. Городские крестьяне, — то-есть мещане, — уж и говорить нечего — всякими приписями, да поборами, повинностями, да постоями, торговыми свидетельствами, да паспортами так разорены, так в долгу, как в шелку, что просто выходит голь кабацкая.

Что же тут делать? Как горю пособить? Уж конечно, не господа с чиновниками народное дело устроят, надо народу самому о себе подумать, как устроиться, да просить царя, чтобы приказал все порядки учредить по-народному.

Начал царь освобождать народ, так уж надо и покончить, надо, чтобы воля была настоящая, а не то что теперь, полукрепость, полубабала, надо, чтоб земля была не урезана и не продана, а отдана народу, потому что она не барская и не казенная, а народная, мирская, земская. Прежние цари и императоры народные земли пораздавали было помещикам, да отписали было в казну; а нынешний царь хотел ее опять народу отдать, только оно не так выходит на самом деле, как следует. Надо просить царя, чтоб было все сделано по правде, земля была бы взаправду отдана земству и люди были бы взаправду освобождены от господ и от чиновников.

Для этого надо народу по волостям и городам, по селам и деревням сходиться и столкываться и просить миром царя, чтоб не верил своим генералам военным и штатским, которые в Петербурге указы и приказы пишут, а собрал бы земский собор из выборных от всего земства людей и с ними столкывался бы, как учредить порядки, какие по правде следует.

Чтобы выборные эти не назначались и не утверждались губернаторами и господами, а были бы выбираемы волостями и городами поголовно, без различия по сословию, дворянин ли, мужик ли, куда приписан — к волости или к городу, голос бы подавал, что один, что дру-

императорами несправедливо пожалованными, — было бы дано денежное пособие, на сколько лет и по сколько в год как земский собор признает, так и было бы.

5. А платить это пособие из числа обычных податей, полагая подать с души не выше того, что теперь платят государственные крестьяне.

6. Да и вся подать и все казенные доходы были бы на земском соборе пересмотрены, и положено бы, сколько на общие нужды казне расходовать, чтобы ни лишних трат, ни лишних поборов с народа не было бы.

7. Чтобы землю, где для мира окажется лишняя, которую разрабатывать миру не под силу, никто бы в потомственную собственность не брал и не покупал, а оставалась бы она для выселков из малоземельных сел и городов. А если под выселки земли не требуется, то отдавалась бы лишняя земля в наем на сроки, от всех волостей и города в уезде по общему приговору, и деньги шли бы на пополнение и на замен податей и повинностей по уезду.

8. А если есть лишние, пустопорожние земли, которых еще ни один человек не пахал, и они под выселки еще не требуются, то отдавать их внаймы от той области, к чьей меже принадлежат, по общему областному приговору, и деньги обращать на пополнение и замен податей и повинностей по всей области.

9. А если незаселенные земли такие дальние, что и не знаемо, к какой области межа принадлежит, а под выселки еще не требуются, то отдавать их внаймы по приговору земского собора и деньги обращать на замен податей и повинностей в общую государственную казну.

10. Чтобы городу перед волостью никаких особых прав и преимуществ не было, и волен был бы равно каждый горожанин и каждый селянин торговать беспрепятственно, чем хочет, по волостям и по городам, по селам и деревням, и на вывоз в чужие земли, насколько у кого хватит достатка и умения, без всяких гильдий и без всяких паспортов, которые мошенников не останавливают, а только честных людей теснят и разоряют.

11. Души считать и вершить раскладку податей и повинностей сумеет всякий сельский мир и всякий город сам, и мирского сбора или городского не упустит и без паспортов и человека не обидит. Стало надо, чтобы народная перепись и раскладка податей мирских и государственных была предоставлена на ответственность волостного и городского мира.

12. Чтобы селам и деревням, посадам и городам собираться в волости предоставлена была свобода, куда которое село или деревня, посад или город потянет, и в выборы, по селам и деревням, посадам и городам, судей и старшин и иных должностных людей и полицейских блюстителей — никакие бы посторонние власти не вмешивались бы.

13. Чтобы волостям, посадам и городам предоставлена была свобода соединяться в одну межу, в уезд, куда кого потянет, и выбирать уездного голову и уездную думу.

14. Чтобы уездам была предоставлена свобода соединяться в одну межу, в область, куда который уезд потянет, и выбирать областного голову и областную думу.

14. [sic!] Чтобы делами всех областей вместе заведывал земский собор, по своим приговорам и с согласия царева.

15. Чтобы, затем, всякое особое казенное чиновничество, волостями и городами, уездами и областями невыбранное, было упразднено, и всякое сословие, дворянское или купеческое, отменено, а было бы еди-

ное земство, единый народ и единый царь, через земский собор ведающий народные нужды и по приговору земского собора решающий, что полезно и что надо исполнить.

16. Чтобы, затем, никаких преследований за веру не было бы. Вера дело совести, а в чужую совесть вступать значит людей смущать. И потому, чтобы никакая власть не вмешивалась, — где каких ставленных священников народ в свой приход призывает и избирает; где как браки совершаются и как детей учат. Всякое гонение ведет к смуте, только свободные переговоры словом убеждения ведут к правде.

17. Также, чтобы никакие власти не вмешивались бы в рекрутство — где по жеребью, или по очереди, или по найму рекрут ставлен; лишь бы был годен на службу, а как справлять рекрутство — это дело мирское. А сколько рекрут надо и сколько лет человеку служить, это пусть решит земский собор с согласия царева.

18. Также, чтоб никакие власти ни посторонние, ни выборные драться не смели, а чтоб не смели драться власти, надо начинать с того, чтобы прекратить мирские приговоры к наказанию розгами.

Обо всем этом подумать и столкнуться по волостям и городам, по селам, деревням и посадам — народу давно пора, иначе зла не выведешь и добра не придумаешь.

А столковавшись, надо не отлагая просить царя, чтобы созвал земский собор и по всем сказанным нуждам и иным, которые к слову придут, были бы на соборе поставлены приговоры и царь приговоры те утвердил бы на благо всех областей и всего народа.

Статья эта печатается по черновику, сохранившемуся в записной книжке Огарева 1862 г., находящейся в настоящее время в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (записная книжка № 9).

Несомненно, что статью «Нужды народные» следует датировать 1862 г. Об этом свидетельствует не только нахождение ее в записной книжке именно этого года, но и самое содержание статьи. Ясно, что она была написана в 1862 г., когда Огарев был увлечен планом развернуть в России широкую агитацию по сбору подписей под адресом царю с требованием созыва Земского собора. Политическая программа, намеченная в статье «Нужды народные», полностью соответствует той политической программе, которую Огарев развертывал и обосновывал в своих статьях и прокламациях 1862 г.

IV. ПРОЕКТ АДРЕСА ЦАРЮ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

Публикация Б. Козьмина

Государь,

Верные твои подданные N-ой губернии, N-го уезда, N-ой волости, села М., села В., деревни Р., деревни О., — государственные крестьяне прибегают к тебе с всепокорнейшей просьбой, как к царю своему, отцу и покровителю, правосудия воздаятелю, правды божией и прав человеческих блюстителю.

Великое дело совершил ты, государь наш, уничтожил богопротивную власть помещиков, крепостным людям отдал волю и землю, дозволил им владеть ею как собственностью общины, по обычаю предков и русскому разуму, дозволил им управляться и судиться своими выборными перед миром ответчиками. За это, государь, весь народ русский благословил имя твое. Людям обиженным и в грязь затоптанным, но которые не хуже других служили царю и отечеству, платя подати и проливая кровь свою и на поле ратном, отдал ты, наконец, право дышать свободно и жить по-человечески, и за это весь народ русский благословляет имя твое во веки веков.

С радостью искренней видим мы освобождение нашей братии, под крепостным игом так долго страдавшей, и не ради корыстной зависти на них глядя, просим мы за себя самих, государь, а ради правомерия. Не могут же разум и сердце царево ведать одних свободными, а других угнетенными.

Дай ты нам, государь наш, права такие же, как и людям из крепости вышедшим, чтоб и мы не за них одних, а и за самих себя, и за детей наших и правнуков, стали благословлять имя твое.

А в чем эти права должны состоять, об этом здесь и писано.

1. Дай ты нам в нашу собственность землю, какая к какому селу или какой деревне прирезана, так, чтоб приходилось не менее 4-х и не более 15-ти десятин на душу. Лишки же сверх 15-ти десятин, где таковые есть, пусть идут малоземельным в заселение. Земли наши зовутся государственными, но принадлежат они искони общинам. Как их не назови, а они наши; мы же знаем и понимаем, что мы все люди русские государственные, и коли понадобится, не только труд наш, и дома наши, и земли, но и самую жизнь нашу ради святой Руси отдадим беспрекословно. Но во времена мирные, когда не излишние жертвы, а только исполнение государственных повинностей с нас требуется, пусть же, государь, земли общинные принадлежат общинам, чтобы общины и в самом деле были их владельцами и могли ими распоряжаться по своему усмотрению, где нужно миром прикупить или принанять к ним земли соседние, где обменяться землею с соседями, или какую землю уступить за деньги в наем или в куплю. Мир своих выгод не упустит, власть распоряжаться во зло не употребит, а все устроит к нашему общему довольству и обогащению, ибо каждый из нас в мире участвует и все каждому дадут, что ему приходится.

2. Владеть нашими землями мы станем миром. Распоряжаться наделом потягольных земель пахотных, лугов и выгонов, огородов и коноплянников из иных угодий станем на миру, на сходе по доброй совести, никому из нас не в обиду. За лесными дачами станем присматривать и на миру сколько кому в выдачу или в продажу обозначать, всегда в виду имея сохранение, а не истребление лесов наших. А где найдутся на землях наших выстроенные какие заведения, мельницы и тому подобное, или где таковые выстроить будет удобно, станем мы оные с мирского согласия в арендное содержание отдавать, выручаемые деньги миром распределять всем на прибыль, каждому в пособие.

3. Если ж у нас в каком селении земли было мало и промысла недостаточно, то вольны мы целою общиной или частью оной сообща выселиться на купленную или обмененную, или вновь, по твоему, государь, приказу, в малолюдных местах отведенную землю. Если бы переселялась, таким образом, целая община, то вольна она свою землю, с которой сходит, продать иной общине или же частному покупщику и деньги, продажей вырученные, миром распределить для пособия при переходе и устройстве на новых местах. Если же только часть людей сообща переселяется, то земля остается во владении остающейся общины, а она должна по возможности выселяющимся дать на выселок пособие, за то что она их надел за собою оставляет.

4. Если же кто один сам по себе или с семьей из общины выбыть хочет, находя себе иной промысел или иную жизнь сподручнее, то мир ему не мешает, лишь бы на нем не лежало ни мирских, ни государственных повинностей, а все бы они им были выполнены или выплачены. И волен он из общины выписаться, свою движимость взять с собой или продать; а надел его и усадебное место останутся в общинном владении безвозмездно.

5. В запасные магазины сколько нужно хлеба мы распределим на миру, и раздачу его в голодные годы, а также продажу лишнего или старого зерна для замещения новым, и употребление вырученных денег также определим миром. А особую запашку для запасных магазинов мы, государь, просим тебя отменить, потому что она только уменьшает тягольный надел, а запасы выходят или недостаточные, или ненужные, и это больше отнимает у нас времени и земли, чем доставляет пользы.

6. Церковь приходскую содержать, поддерживать и подновлять мы станем миром и буде мир на то согласен, священника и причет церковный содержать станем от мира, с тем, чтобы все требы церковные справлялись без особой платы.

7. Если же между нами найдутся раскольники, отдельно или целым селением, то мы сами, строго соблюдая православие, им по ихней совести верить и по своему обряды исполнять не препятствуем, лишь бы житие их было мирно и честно, и повинности мирские и государственные были ими своевременно выполнялись [sic!].

8. Раскладку всяких повинностей и податей, сколько чего на какое тягло придется, мы станем делать на миру, по совести и с общего согласия.

9. Миром мы выберем себе старшину, который бы наблюдал, чтобы в селении все было спокойно, понуждал бы домохозяев к исправному содержанию дворов и домов, печей и труб, чтобы никакой по чьей небрежности не произошло беды, смотрел бы за выполнением всех мирских и государственных повинностей и за уплатой податей. В собранных же деньгах он должен ежегодно давать миру отчет. За лесными дачами должен он наблюдать, чтобы не было своевольных порубок или выдачи, или продажи лесу, миром неразрешенных. Разрешенные же миром выдачи леса должен производить он, а равно и продать участок на сруб с мирского разрешения его дело. Также выдачу или продажу хлеба из магазинов, с мирского разрешения, производит он и во всем оном дает миру ежегодный отчет.

10. Жалованье ему и деньги на содержание писаря и ведение книг назначается от мира, смотря по числу душ.

11. Также он должен смотреть, чтобы никто чужого надела не запахивал, и всякое воровство преследовать.

12. Заведения и участки в арендное содержание с разрешения мира должен отдавать он, плату принимать и в употреблении вырученных денег миру дать отчет.

13. Если же в общине более 300 душ, то мир, кроме старшины, выбирает сборщика, который обязан помогать старшине в сборе податей, хранить мирские деньги за своим ключом и печатью в правлении и своевременно вносить подать в казначейство.

14. Старшина, в случае несостоятельности какого-либо тягла, обязан созвать сход, на котором мир разложит между собой недоимку и решит, как и когда взыскать с незаплатившего подать в мир или простить неплательщику в уважение к бедности или несчастию.

15. Старшина может собрать мир, когда сочтет нужным, для предложения какого-нибудь хозяйственного дела, купли, продажи, найма или удобного способа выполнения земских повинностей, и в каждом случае по его разумению важном.

16. Старшина принимает предложения местного уездного или губернского управления и дает начальнику надлежащий отчет. В случае притеснения со стороны начальства приносит куда следует жалобу по установленному порядку.

17. Старшину выбирает одно село, если вся община состоит из

одного села, или несколько сел и деревень, согласившихся вместе составить один мир в пределах, назначенных для освобожденных от крепостного ига крестьян.

18. На тех же основаниях, как и освобожденные крепостные крестьяне, если несколько общин соединились в один общий мир, то и они на общем сходе определяют все, кроме земельного надела по тяглам, которым распоряжается мир каждой общины отдельно, если все общины не согласились соединить все свои земли в одну межу и считать себя в общем пользовании землею, несмотря на то, что поселены не в одном месте.

19. Известно, что земля остается в общем пользовании и принадлежит миру; но движимая собственность каждого домохозяина и каждого лица должна переходить в наследство по заведенному у нас обычаю, а не по своду законов.

20. Если из-за какого-нибудь имущества или иной причины произойдет ссора, то поссорившиеся могут выбрать себе одного или трех человек рассудить их между собой, и как тот или те, на кого они добровольно полагались, рассудят, так тому и быть.

21. Но если споры произойдут по наследству, то, смотря по желанию спорящих, их должен разобрать или мир, или добросовестные.

22. Добросовестных мир выбирает числом, сколько миру кажется нужным. Они разбирают споры по наследству, и когда старшина сзывает их для суда над виноватым человеком или неисполняющим мирских и земских повинностей, или попавшимся в воровстве или буйстве, или неповинователем законным приказаниям старшины, то они разбирают дело, и если найдут человека виновным, то присуждают его к штрафованию или наказанию работою или арестом, которых исполнение принадлежит старшине. Телесные же наказания розгами, побоями и плетьюми мы, государь, просим тебя отменить, как наказания человеку обидные и богу противные.

22. [sic!] В важных случаях старшина собирает на суд — мир и исполняет его решения.

23. Старшину и сборщика мир избирает на три года и может избрать или же не избрать их вновь; добросовестных же он избирает каждый год.

24. При важном проступке старшины или сборщика мир может позвать их перед мирской суд и, если не оправдаются, отрешить их от должности и до истечения трех лет выбрать других.

25. Рекрутская повинность разлагается миром по очереди.

26. Начальство же, поставленное над нами, от министерства государственных имуществ, мы, государь, просим тебя отменить; стоит оно тебе дорого, а нас оно грабит и, как ты крестьян освободил от помещиков, так и нас освободи от волостных голов, окружных палат, министерства и министра. Дай нам возможность дышать свободно и жить по-человечески. Мы управимся и сами. Подати в казначейство будем вносить правильно, чего мы с волостными головами и окружными не могли, потому что наши трудовые деньги шли им на разграбление, а не в уплату податей. Земские повинности станем исправлять правильно и законным предписаниям начальства повиноваться, рекрутство исправлять, преступников преследовать. Нам легче исполнять законные требования земской полиции, чем биться как рыбы об лед между барином, т. е. окружным, который нас грабит и сечет, с одной стороны, и становым приставом, который нас грабит и сечет, с другой стороны. Если же земские, уездные и губериские власти будут с нас что требовать незаконно, — повиноваться мы будем, но укажи нам, государь, куда нам на их незаконные требования жаловаться и где

АФИША ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕРЦЕНОМ В ЛОНДОНЕ ПРАЗДНИКА, ПОСВЯЩЕННОГО
МАНИФЕСТУ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Собрание С. Бернацкой, Москва

получить правосудное удовлетворение? Этим, государь, ты спасешь нас от разорения и гибели.

27. Если ты дал крепостным более прав, чем нам, добавь нам, чего недостает; если дашь нам более, чем им, добавь им, чего у них недостает. Тогда, при одинаких правах для всех, мы соединились бы по несколько деревень в один мир, без чересполосицы, не различая, какая община была государственная, какая помещичья. Везде русский народ был бы одинаково свободен и одинаково послушен тебе, и благословлял бы тебя, понимая, что на святой Руси едино стадо и один пастырь.

Печатается по черновику, записанному Огаревым в одной из его записных книжек, хранящихся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (записная книжка № 34).

В напечатанной выше статье «Нужды народные» Огарев, увлеченный планом организации кампании подачи адресов Александру II с требованием созыва Земского собора и других реформ, высказывает мысль о необходимости привлечь к участию в этой кампании не только оппозиционно настроенную интеллигенцию, но и крестьянство. Эта мысль, повидимому, настолько увлекла его, что он составил настоящий проект адреса царю от имени государственных крестьян с изложением их нужд и пожеланий. Этот проект был набросан Огаревым приблизительно в то же время, что и статья «Нужды народные», т. е. в 1862 г. или в начале следующего года.

V. СТАТЬЯ О РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ

Публикация С. Переселенкова.

C'est une tâche bien difficile de répondre aux questions de Mr. P[enis] car ce qui est le plus confus, ce sont les données statistiques par rapport au clergé russe, ou plutôt elles manquent complètement. J'ai employé huit jours à trouver les quelques résultats qui suivent et on: Pinesi peut en disposer à son gré, seulement je le prie de ne pas mentionner mon nom en citant les choses.

N. Ogareff.

Le clergé russe se divise en clergé noir et blanc, c'est à dire en clergé composé de moines des couvents et en clergé composé de prêtres, diacres, sacristains etc. mariés et vivant en famille près de leurs paroisses.

Le clergé noir, c'est à dire les moines peuvent arriver au rang d'archimandrites, évêques, archevêques, métropolitains, enfin au rang du haut clergé ou rang des prélats, auxquels sont soumis les simples moines de couvent, le petit clergé blanc tel que: prêtres, oberprêtres, diacres, sacristains etc...

Chaque département a son évêque ou archevêque, accompagné d'un consistoire composé de quelques membres cléricaux et laïques désignés par l'Etat (l'administration départementale).

L'évêque ou archevêque secondé du consistoire, dirige les affaires du clergé du département (d'après la loi de 1863, Mai 24), le préfet est le membre d'un comité départemental spécial pour les secours à donner au clergé départemental dont la majeure partie se trouve dans la misère. Vous voyez donc que l'église est tout à fait sous la dépendance de la préfecture, c'est à dire de l'Etat, non seulement d'après la valeur des rangs, mais par la force des choses; le chef de l'église départementale tenant à son procureur du consistoire et celui-ci ne pouvant être admis à son poste sans le consentement de M^r le Préfet. L'ensemble de l'Eglise orthodoxe greco-russe est dirigé par le Saint Synode, résidant à St. Petersburg et composé de membres ecclésiastiques et du procureur, tous dési-

gnés par l'Empereur, ce qui prouve encore une fois que l'Église orthodoxe greco-russe est complètement dépendante de l'État. Même les petits détails des décisions du St Synode ne peuvent passer sans la sanction de Sa Majesté l'Empereur lui-même. Encore un détail peut-il passer, si ce n'est qu'une question théorique de religion; mais s'il s'agit du sort d'un individu de la race ecclésiastique, la sanction de l'Empereur est indispensable d'après la loi. Ici, je ne puis me dispenser d'une observation: Est-ce mieux pour le peuple russe que sa hiérarchie et son administration du clergé soient sous la dépendance de l'État, ou serait-ce mieux qu'elles soient sous la dépendance d'un patriarche (comme dans les temps anciens) ou sous la dépendance d'un pape (comme dans l'orthodoxie occidentale).

Pour ma part, j'aime mieux qu'elles soient sous la dépendance de l'État, car enfin si dans l'Europe occidentale deux géants l'Église et l'État se souffrent poliment, munis de pouvoirs indépendants, et si, au contraire chez nous, ces deux géants à bout de patience viennent à se heurter de front à la renverse — c'est alors que le peuple russe sera libre. Vous voyez d'après ce qui a été dit que le clergé noir, c'est à dire les moines, ont la prérogative sur le clergé blanc, c'est à dire le clergé des paroisses, où les prêtres, diacres, etc. ne peuvent être admis à l'office sans le consentement de l'évêque du département, comme aussi sans son consentement personne ne peut entrer dans la fraternité des moines. On pourrait croire pour un instant que l'Église greco-russe soit soumise à une administration quasi-papale, entièrement plénipotentiaire, mais il s'en faut de beaucoup. Personne même, d'après la loi, ne peut prendre l'ordre monacal; sans le permis de l'administration à laquelle il appartient.

Donc, pour qu'un homme se fasse moine, il faut que la commune lui en donne le permis, que les administrations départementales et gouvernementales lui en donnent le permis, dans les cas plus graves audessus du simple paysan, l'affaire doit monter à la décision du ministère de l'intérieur. Nous avons eu donc pleine raison de dire que l'Église en Russie est tout à fait sous la domination de l'État. La division de la Russie en diocèses n'est pas faite d'après les vues ou besoins de l'Église, mais d'après la division impériale de la Russie en départements (préfectures).

Ceux qui sont élevés au pouvoir de prélats, ne le sont donc aussi qu'avec l'agrément de l'État, de l'Empereur, du gouvernement, de l'administration, enfin de tous les pouvoirs séculiers. Cette loi se rapporte de même aux monastères de femmes, où les abbesses sont désignées par la volonté de l'Evêque, de concert avec le pouvoir séculier. Les positions font que plus l'évêque est un homme d'esprit, plus il est l'ennemi acharné du préfet.

Ce qui souffre entièrement sous la double dépendance des deux pouvoirs, c'est à dire du pouvoir des prélats et du pouvoir de l'administration départementale, c'est le clergé blanc des paroisses qui doit se nourrir aux frais du peuple, en lui demandant pour le rituel ordinaire, pain, lait, beurre, eau de vie et tout ce qui est possible à demander.

Encore il faut ajouter que la prêtraille craignant ses chefs, tant ecclésiastiques que laïques, est toujours disposée à faire l'espion de la police secrète de l'État. Aussi le peuple russe s'est-il formé l'idée que la rencontre d'un prêtre est un signe de malheur.

Ce dernier fait prouve que le peuple russe n'est pas du tout si religieux qu'on le suppose et qu'une révolution, qui doit être amenée par les circonstances, ne reculerait pas devant la destruction générale de la prêtraille, soit noire ou blanche, comme elle ne reculerait pas davantage devant la destruction générale des pouvoirs administratifs. Ceci n'est que la diagonale des deux opposés, car si l'État et l'Église ne se heurtent pas à la renverse — le peuple, c'est à dire le mouvement de la diagonale, qui tient des deux et d'aucun, le peuple devra les renverser l'un et l'autre.

Et quels que soient les préjugés religieux du paysan russe, ce n'est pas à ces préjugés qu'il tiendra, il tiendra à sa terre comme propriété communale, à sa liberté de transmigration, à son administration communale élective, tout cela choses qui datent depuis des siècles, et que rien na pu renverser, ni l'autocratie, ni l'aristocratie, ni la plutocratie, ni le fonctionnarisme, ni l'Église.

Le nombre de la prêtraille en Russie n'est pas déjà si grand, qu'il ne puisse s'effacer à l'heure voulue. D'après les dernières recherches, il consiste en 294.465 individus mâles et 326.589 femmes, total 621.054 individus. Cela fait environ neuf ecclésiastiques sur mille hommes de la population. Comme nous n'avons pas les données statistiques pour séparer le clergé blanc du clergé noir, nous n'avons pas le moyen d'en fixer le chiffre; mais la conclusion que nous pouvons en tirer sans faute, c'est que le clergé blanc, c'est à dire le clergé des paroisses, revient par rapport au nombre des paroissiens en une bien moindre proportion que neuf ecclésiastiques sur mille hommes de la population. Cette déduction approximative ne peut être que parfaitement juste.

Nous allons terminer notre revision du clergé russe par quelques considérations tirées de la législation même. Par exemple art. 259, complément du code 1863. Les moines n'ont pas le droit d'acquérir des biens immeubles (comme les individus qui se sont dédit du monde, art. 267). Art. 266. Il n'est pas défendu aux moines de placer leur argent dans les banques de l'État.

Si ces trois articles du Code qui coexistent, mais ne peuvent pas coïncider, vous font rire, tant mieux.

Quant à moi je ne cherche pas le tragique, je me contente depuis longtemps d'en rire. Il est vraiment difficile de trouver quelque chose de plus ridicule (loi d'avril 1863).

Les ecclésiastiques blancs (c. à. d. des paroisses) peuvent acquérir des biens immeubles, où il y a une population de paysans, si ces ecclésiastiques proviennent de familles nobles ou portent une croix qui donne la noblesse.

Cela c'est un soufflet donné au clergé par le gouvernement, que le clergé ne voudra pas souffrir longtemps.

Dans ces derniers temps (26 mai 1869) le gouvernement a essayé de détruire le clergé comme caste. Un décret de l'Empereur donne le droit à tous les fils du clergé de prendre une autre carrière.

Mais, malgré cela, les académies cléricales (au nombre de quatre) et les séminaires continuent d'exister. Quant aux écoles primaires, le gouvernement s'efforce de les placer sous la surveillance du clergé comme la chose la plus utile pour conserver les préjugés.

Vous voyez qu'il ne manque pas de contradictions en Russie.

La prêtraille catholique occidentale dans les provinces polonaises se trouve aussi sous la domination du gouvernement. Nous ne pouvons rien dire contre. Tout ce que nous désirons, c'est que les deux géants se heurtent à la renverse.

Fin.

Перевод:

Очень трудная задача ответить на вопросы г. П[енизи], так как статистические данные, относящиеся к русскому духовенству, слишком неясны или, вернее сказать, они совершенно отсутствуют. Я потратил восемь дней, чтобы прийти к кое-каким, следующим ниже, результатам, которыми г. Пинези может распоряжаться по своему усмотрению; только я прошу его, ссылаясь на факты, не называть моего имени.

Н. Огарев

Русское духовенство делится на белое и черное, т. е. духовенство, состоящее из монахов, проживающих в монастырях, и на духовенство, состоящее из священников, дьяков, пономарей и т. д. женатых и живущих со своими семьями при своих приходах.

Черное духовенство, т. е. монахи, может достигать сана архимандритов, епископов, архиепископов, митрополитов, словом — сана высшего духовенства, или духовных сановников, которым подчинены простые монахи и незначительное белое духовенство, как то: священники, протоиереи, дьяконы, пономари и т. д.

Каждый округ имеет своего епископа или архиепископа и консисторию, в состав которой входит несколько членов, духовных и светских, назначаемых государством (окружной администрацией).

Епископ или архиепископ, с помощью консистории, ведает делами окружного духовенства (по закону 1863 г. мая 24). Начальник округа состоит членом особого окружного комитета, оказывающего помощь окружному духовенству, большая часть зависит от светской администрации, т. е. от государства, и не только благодаря значению рангов, но и в силу обстоятельств; глава окружной церкви находится в зависимости от секретаря консистории, а последний не может быть допущен к своему посту без согласия г. начальника области.

Греческо-русская православная церковь в целом возглавляется святейшим синодом, находящимся в С.-Петербурге и состоящим из духовных членов и прокурора, назначаемых императором, что еще раз доказывает, что греческо-русская православная церковь полностью зависит от государства. Даже решения святейшего синода по незначительным делам не могут пройти без личной санкции его императорского величества. Решение по какому-нибудь мелкому вопросу еще может пройти, если обсуждается лишь вопрос теоретический, касающийся религии, но если идет речь о судьбе какого-нибудь лица духовного звания, санкция императора по закону необходима.

Здесь я не могу воздержаться от одного замечания: лучше ли для русского народа, что иерархия и администрация духовенства находится в зависимости от государства или им было бы лучше зависеть от патриарха (как в прежние времена) или от папы (как в западном католицизме)?

С своей стороны, я предпочитаю, чтобы они находились в зависимости от государства, так как если в Западной Европе два исполина — церковь и государство, обладая независимой властью, вежливо терпят друг друга, то у нас, наоборот, эти два исполина совершенно выйдут из терпения и свалят друг друга — тогда русский народ станет свободным.

Теперь вы видите, что черное духовенство, т. е. монахи, имеет преимущество

КАРИКАТУРА НА «ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» ИЗ ЖУРНАЛА «PUNCH»

«Я посылаю «Пунчу» с необычайно красивой картиной русской тройки. Мне даже жаль с ней расстаться, но у нас коллекция», — писал Герцен старшим дочерям 21 апреля 1867 г.

над белым духовенством, т. е. духовенством приходов, в которых священники, дьяконы и т. д. не могут быть допущены к богослужению без согласия окружного епископа, так же, как без его согласия никто не может вступить в братство монахов. На первый взгляд может показаться, что греческо-русская церковь подчинена чуть ли не папской власти, совершенно полномочной, но на деле далеко не так. Даже вступить в братство монахов, по закону, никто не имеет права без согласия той администрации, от которой он зависит.

Значит, чтобы человек пошел в монахи, надо, чтобы община дала бы ему на то разрешение, чтобы окружная и общегосударственная администрация также дали бы ему свое разрешение; а в более важных случаях, когда вопрос касается лиц, в сословном отношении стоящих выше простого крестьянина, дело должно доходить до разрешения министра внутренних дел.

Итак, мы имеем право сказать, что в России церковь всецело находится под властью государства.

Деление России на епархии не вытекает из желаний или требований церкви, а из императорского деления России на округа (области).

Те, которые возвышаются до власти духовных сановников, делаются таковыми только с согласия государства, императора, правительства, администрации, словом — всех светских властей. Этот закон относится также и к женским монастырям, где игуменьи назначаются епископом в согласии со светскою властью. Положение таково, что чем умнее епископ, тем он является более озлобленным врагом начальника края. Кто больше всего страдает под двойным игом двух властей, т. е. власти архиереев и власти окружной администрации, так это приходское духовенство, которое кормится на средства народа, требуя от него за обычное богослужение хлеб, молоко, масло, водку и все, что только возможно требовать.

Надо еще прибавить, что поповщина, которая боится своего начальства, как духовного, так и светского, всегда готова стать шпионом государственной тайной полиции. Отсюда убеждение русского народа, что встреча со священником предвещает несчастье.

Этот последний факт доказывает, что русский народ вовсе не такой религиозный, как о нем думают, и что революция, которая должна быть вызвана естественным ходом вещей, не остановится перед полной ликвидацией поповщины, белой и черной, так же, как она не остановится перед полной ликвидацией административных властей.

Это лишь сила, по величине равная равнодействующей двух сил — церкви и государства, но противоположного ей направления, ибо если церковь и государство не свалят друг друга, то народ — эта равнодействующая, которая зависит от обоих, но не совпадет ни с одной из них, должен будет опрокинуть того и другого.

И какие бы ни были религиозные предрассудки русского крестьянина, он не будет за них держаться; он будет держаться за свою землю, как за мирскую собственность, за свою свободу переселения, за свою общинную выборную администрацию, за все то, что насчитывает за собой столетия и чего ничто не могло опрокинуть, ни самодержавие, ни аристократия, ни плутократия, ни бюрократия, ни церковь.

Число поповщины в России не так велико, чтобы оно не могло быть уничтожено в нужное время.

По последним данным оно выражалось в 294 465 мужчин и 326 589 женщин, т. е. в общем в 621 054 человека, что составляет приблизительно девять духовных лиц на 1000 человек населения. Так как у нас нет статистических данных, чтобы отделить белое духовенство от черного, мы не имеем возможности определить число того и другого; но мы безошибочно имеем возможность прийти к заключению, что белое духовенство, т. е. приходское духовенство, по отношению к числу прихожан выражается в гораздо меньшей пропорции, чем девять духовных лиц на 1000 человек населения. Этот приблизительный вывод совершенно правилен.

Мы закончим наши рассуждения о положении русского духовенства несколькими соображениями, заимствованными из самого законодательства.

Например: Ст[атья] 259, дополнение к кодексу 1863 г. Монахи не имеют права приобретать недвижимую собственность (как люди, отрекшиеся от света, ст[атья] 267). Ст[атья] 266. Монахам не запрещается вкладывать свои деньги в государственные банки.

Если эти три статьи кодекса, которые одновременно существуют, но не могут совпадать, вас рассмешат, тем лучше!

Что же касается меня, который не гонится за трагическим, то я уже давно довольствуюсь тем, что над ними смеюсь. Действительно, трудно найти что-либо более глупое.

Апрельский закон 1863 г. Лица, принадлежащие к белому, т. е. приходскому духовенству, могут приобретать недвижимую собственность там, где имеется крестьянское население, если эти духовные лица дворянского происхождения или если у них есть орден, дающий право на дворянство.

Это не что иное, как пощечина правительства духовенству, которую последнее не станет долго терпеть.

В последнее время (25 мая 1869 г.) правительство сделало попытку уничтожить духовенство как касту. Императорский указ дает право всем сыновьям духовенства избирать себе и недуховную карьеру. Однако, несмотря на это, духовные академии (числом их четыре) и семинарии продолжают существовать. Что же касается начальных школ, то правительство старается поставить их под наблюдение духовенства: наиболее годное средство для сохранения предрассудков. Вы видите, что нет недостатка в противоречиях в России.

Западная католическая половщина в польских провинциях находится также под властью правительства. Мы ничего не можем сказать против. У нас только одно пожелание — чтобы эти два исполина свалили друг друга.

К о н е ц.

Записка эта подвергалась корректуре со стороны Бакунина, как это видно из следующего письма Огарева к последнему:

«Милый Бакунин, еще раз тревожу тебя моим отчетом Пинези¹. Он был для меня важен, п[отому] ч[то], вероятно, перейдет на фр[анцузский] язык. Он еще не окончен, не достаёт статистических цифр. Но прочти, что есть, и исправь французский слог сейчас же. Я думаю, что статья будет небезинтересна. Тебе это всего полчасика и тотчас пришли мне обратно, ибо мне ждать некогда»².

Мы публикуем ее с автографа — беловой, написанной без поправок. Составлена она, по всей вероятности, летом 1869 г. По крайней мере в письме Герцена к Огареву от 30 июня этого года имеются такие строки: «Не забудь послать Саше ответ для Рениси, сделай его не пространнным»³.

Первая встреча Герцена с Пенизи произошла во Флоренции. Вот что он по этому поводу писал Н. А. Огареву от 2 февраля 1867 г.: «Я здесь познакомился с одним молодым человеком из Сицилии; он очень богат и граф или что-то такое. У него, когда ему было 4 года, была скарлатина, бросилась в глаза, и он совершенно ослеп и слепой жил в деревне у своего дяди; ему лет 25. Слушай же: он компонист, играет превосходно на фортепиано и поет. Говорит, сверх своего языка, совсем свободно по-французски, по-немецки и по-английски, пишет (т. е. диктует) стихи и статьи, знает все на свете: естественные науки, историю и пр. Я еще такого чуда не видывал»⁴.

Вскоре Пенизи стал близким человеком в семье Герценов, а два года спустя разыгралась тяжелая драма, которая обнаружила полнейшую моральную несостоятельность его и завершилась временным психическим заболеванием старшей дочери Герцена — Наталии Александровны.

Сам Огарев, повидимому, лично не был знаком с Пенизи и записку составил по просьбе Герцена. Как всегда в аналогичных случаях, Огарев и на этот раз с большим вниманием и тщательностью отнесся к делу. Вопросы о положении русского духовенства привлекали его внимание еще в 1862 г., когда он напечатал в «Общем Вече» (№ 5, от 22 октября) статью «Что делать духовенству». Статья эта и легла в основание записки. Тем не менее Огарев, по собственному его признанию, потратил восемь дней для того, чтобы пополнить ее новыми фактическими данными, почерпнутыми из первоисточников, и соответствующими им выводами.

Главнейшим отличием статьи 1862 г. от настоящей записки является то, что в первой, по тактическим ли соображениям или в силу каких-либо других причин, нет отрицательного отношения к духовенству как таковому. Наоборот, ему предлагается «принять живое участие в общем деле — со всеми другими сословиями просить царя о созвании Земского Собора, потому что Земский Собор один может рассудить и решить, как устроиться русскому народу и как устроить самое духовенство, чтоб оно могло жить по-человечески, не унижаемое людьми власть имущими, не теснимое черноризною корыстью, не презираемое народом, не разжалованное из пастырей в чиновники, имея возможность честной и чистой жизни, приют на старости лет и средства достойно воспитывать своих сыновей и дочерей».

Выяснить, использовал ли Пенизи записку Огарева, нам не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так ошибочно называл Огарев Пенизи.

² Герцен, т. XXI, стр. 518.

³ Там же, стр. 402.

⁴ Там же, т. XIX, стр. 204.

VI. О «ПИСЬМАХ К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ» ГЕРЦЕНА

Публикация Я. Эльсберга

[Зачеркнутая страница]

...случаев (не лишнего своего особенного объяснения) — тут нечего заподозрывать друг друга (на манер преимущественно русских, но также и иных писателей) в преднамеренности, в фальши, в предательстве и т. д. — Я не приступаю здесь ни к какому развитию этого вступления, потому что, по моему предположению, эта записка должна быть чрезвычайно коротка — и приступаю прямо к делу.

1

Прежде всего обращусь к тебе, Герцен, как моему не только первому, но единственному другу и к твоей статье «Между старичками», которой ты меня попрекаешь, что я ее нашел замечательной, а в сущности, с ней несогласен. Я и теперь, по прошествии времени, достаточно для того, чтобы человек мог одуматься, я и теперь нахожу ее замечательной, но это нисколько не обязывает меня соглашаться с тобой или с Бак[унины]м. Мало ли что на свете замечательного, что останется вне того направления, которое вырабатывается в моем мозгу. Поэтому позволь мне, оставляя в стороне всех литературных мулов, обратиться именно к тем пунктам в твоей статье, которых я не могу принять за непогрешительность, т. е. за истину. Ты говоришь:

[зачеркнутое закончено]

«Экономические промахи не то, что промахи политические — они ведут прямо к разорению, к застою, т. е. к голодной смерти. Серое время наше — именно время изучения и проверки; оно совершенно естественно предшествует работе осуществления — как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием и отвагой, шли зря или на авось — куда дошли ты знаешь. Мы видели своими глазами грозный пример кровавого восстания, бессмысленно сошедшего на площадь, в минуту отчаяния и гнева — и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Такого восстания больше не будет, и если новые люди снова будут идти с боем против препятствий, они идут, зная, куда идут, зная, что ломают и что сеют».

Что ты называешь экономическими и что политическими промахами — я этого в смысл не могу взять. Когда это политические промахи не вели к экономическому разорению? Такого примера ты в целой истории не отыщешь — возьми какое время хочешь: наполеоновские ли неудавшиеся войны, глупая ли оппозиция Англии против освобождения Северной Америки, избрание ли диктатора в Риме, междоусобия ли славянских князей и пр., и пр. — все вело к остановке экономического развития и к экономическому разорению, — разница промахов может быть только количественная, т. е. разорение было побольше или поменьше, смотря по общественному значению политического промаха. Где же, наконец, эта граница между политическими и экономическими промахами? Община пренебрегла запасами для посева — следствие: голод; тут промах экономический. Община пренебрегла выборами своих старост и десятских, —

все работы стали от дурного заведывания, дурного распределения труда и материала — опять голод; тут промах политический. Как же в вопросе экономического построения общества, который включает в себе все интересы хозяйственные и все отношения общественной жизни, как же тут разграничить экономическую и политическую задачу, которые неизбежно одна в другую переливаются и которых разделение немислимо?

Нельзя же для разрешения реальной общественной задачи брать основание, которое только вертится на неопределенных словах.

Наконец, чтоб окончить эту маленькую (но, в сущности, очень великую) тему — что такое теперь политическое построение? Это сословное построение, т. е. совершенный экономический промах. Что такое теперь экономическое построение? Это — идеал будущего, это народное, бессословное построение. Где же ты тут найдешь реальную, т. е. разумную границу между этими двумя задачами? Они нераздельны. Только для постановки экономического дела надо, чтоб это политическое построение сошло с места и оставило жизнь вырабатывать политическое построение новое, экономическому делу сообразное. Ты же становишься на точку зрения С[ен]-Симона, Овена, Фурье, которые требуют теории и потом ее осуществления, наподобие тому, как теория паров предшествовала железным дорогам.

Ты забываешь, что теории паров предшествует их существование, точно так же как действительному общественному экономическому отношению, т. е. политическому экономическому отношению должна предшествовать возможность существования экономического отношения. Заметь, что пары и общественное отношение — дело немножко специально различное. Поэтому, когда факт не существует, т. е. экономическое построение общества, то извлекать из него теорию и прилагать ее к новому политическому построению общества нельзя. Требуется, прежде всего, разрушение существующего политического построения: иначе экономическое основание политического (т. е. общественного) построения не может иметь места. Заметь также, что то, что мы страшно неопределенно привыкли называть социальным и преклоняться перед названием, — оно-то и есть политическое построение на экономическом основании. Заключение ясно: прежде разрушения старого политического построения, основанного на сословности (т. е. на экономическом промахе *, — как ты очень хорошо выразился, новое политическое построение на экономическом основании — невозможно.

Какой будет ход Истории — этого я не знаю, да едва ли кто и знает больше моего. Будет ли это постепенность, которая приведет к политической организации на экономическом основании через 5000 лет, или революции за революцией, которые обработают это дело лет в 200 — этого мы ничего не знаем. Я знаю одно, что со стороны оной постепенности я стать не могу, потому эта постепенность могла бы быть в самом деле чем-нибудь, если бы она явилась в форме математического (арифметического) расчета, в форме вычисления ежегодного приращения некоторых развитий — положим даже, порядком геометрической прогрессии, — которое должно дать через столько-то лет такой-то результат. Но мы по такой методе еще не умеем рассматривать даже историю прошедшего, и уже истории будущего и коснуться не можем. Поэтому вся точка зрения постепенности приводит нас только к абсурду. Да, я и не знаю, Герцен, когда ты был ее сторонник?

* Рукою Герцена: «Нет, сословность не промах, а возраст. Первые зубы — не промах, а выпасть должны».

Во всей истории прошедшего (есть постепенность или нет ее — все равно) революция оказывается постоянным явлением, так что можно на целую историю взглянуть как на ряд неудавшихся революций. Следственно, заключение одно, что это явление имеет свою *causa sufficiens* в жизни. И действительно, мы видим, что обычно революция выражает собою не то, чтобы люди знали, куда они идут; это так же невозможно, как какое бы то ни было предсказание: но люди положительно знают, откуда уходят, и сознают, что обстоятельства сложились так, что уход становится необходимостью. Этот-то уход от прежнего, от существующего в иное отношение и есть революция; укорять ее тем, что она не удалась, нельзя; тут слишком много факторов по плюсу и по минусу, чтобы сразу верно поставить формулу. Между тем, ждать осуществления теории, ничего не делая и ничем не рискуя, тем больше нельзя, что самая теория, если она не осуждена остаться в форме фантазии, может только явиться, когда уход совершился, когда революция совершилась, и обстоятельства требуют постановки новых отношений между людьми, на новом основании, но на этот раз возможных уже не в форме фантазии, а в форме результата совершившихся обстоятельств.

Я думаю, далее теперь распространяться нечего. Мы расходимся немного, Герцен: вся разница, что ты требуешь выжидания осуществления идеала; а я требую результата совершившихся движений.

2

Теперь обращусь к тебе, Бакунин, чувствуя, что расхожусь с тобою совершенно противоположным образом.

Ты в «Постановке революционного вопроса» хочешь навязать народу движения, которых нет, движения, которые являются, как* частные уходы от бед и преследований, и от этого и в прежней России не удалась, что не могли никогда дойти до ношения в себе общего дела, общего вопроса, общей переделки. Также не могут удасться и в современной России. Удасться могут только движения, которые пойдут не в лес, а на сельские площади, которые будут знать чего требуют, которые, даже если пострадают, то зная за что. Времена кочевья, разбоя и т. д. проходят. Если в России требуются переселения, то они не выражают ни кочевья, ни разбоя; они требуют осуществления новой народной свободы и нового экономического построения. Кочевье осталось в Азии, как форма степной жизни; разбой остался в России, как частный случай. Чего же ты хочешь от подобных форм? Они вне народных требований.

Ты говоришь: «Мы, разумеется, стоим за народ». Кто это мы? Прежде всего надо, чтобы народ нас признал за своих.

Народ не требует разбоя. Это неправда. Правда тут только, что народ покровительствует преследовавшимся**. Народ требует права переселений, которое действительный результат его экономических понятий, и большее их расширение. Право переселения постановляет не частную поземельную собственность и продажу земель (что до сих пор утверждало правительство), но постановляет общественную поземельную собственность и меновую единицу поземельного владения. (На сию минуту эту тему развивать некогда; через неделю или две подготовлю. Были бы силы, я охотно пошел бы с мужиками на переселение куда бы то ни было; но не на основании братства, которое мне

* Два последние слова вписаны карандашом рукою Герцена.

** Фраза вписана карандашом рукою Герцена, последнее слово неясно.

уже надоело своею неосуществимостью в христианском мире; а на основании переустройства поземельного владения, которое гнездится в русском понятии, потому что так земля сложилась.

На чем же мы сойдемся, мои старички? Если уже ни на чем нельзя, то на том, чтоб оставить каждого делать по-своему без всякой вражды и притязания. Кто прав — покажет неотдаленная будущность.

МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ

(Второй ответ старому другу)

Allez en avant et la foi vous viendra.

D'Alambert (cité par Cournot dans

«L'origine et les limites de la correspondance
entre l'algèbre et la géométrie»)

Без сомнения, твой эпиграф из Бентама совершенно верен: «Одни мотивы, как бы они ни были достаточны, не могут быть действительны без достаточных средств». Следственно, весь вопрос в том, каким образом приобретаются средства?

Далее ты говоришь, что «экономически социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный возраст — так же как возраст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде...».

Эти два положения совершенно нераздельны. Именно, когда идеальный возраст прошел, именно тут-то и требуется приобретение средств к практическому созданию экономически-общинного (социального) положения, которое не то чтобы было следствием одних мотивов, одной предначертанной теории, а напротив того — само ставило бы мотивы, которых произведением, которых результатом была бы новая общественность.

«Следует ли толчками возмущать творческую тишину внутренней работы, инкубации, непрерывной, неуловимой?»

Я не вижу в историческом ходе рода людского этой непрерывной, неуловимой инкубации. История шла гораздо больше борьбой и прыжками, чем творческой тишиной внутренней работы.

Контовское деление на эпоху теологическую, эпоху метафизическую и эпоху позитивную (положительного знания или понимания) может нам очень нравиться, но если ты на историю взглянешь совсем позитивно — где ты найдешь по части сознания «от начала века» что-нибудь кроме перемешанных теологий и метафизик рядом с общественностями, едва с ними связанными — то пережившими старую мысль, то недожившими до новой. Позитивное знание только теперь начинается и должно вести к своей особой, так сказать, небывалой методе, которая и теперь еще не ясно установилась.

Где ты найдешь хотя в древнем мире что-нибудь, кроме перемешанных теологий и метафизик? Гомеровские боги, существующие рядом с развитием — аристотелевская метафизика! Римское право ты, конечно, не примешь за положительную философию. Оно представляет самую сложную и сухую метафизику.

Возьми эпоху пообширнее, т. е. древний мир и христианский мир. Что же вносит после аристотелевской метафизики и метафизики римского права — христианство? Новую теологию — и только. До чего же это доработалось человечество в несметном количестве веков? Maximum — до немецкой метафизики и, наконец, до метафизики Конта, которая только приводит к тому, что основы положительной науки находятся в опыте и изучении природы. Это один из ее действитель-

ных результатов. Но самые основы этой положительной науки едва-едва постановлены, едва начинают быть возможными, потому что опытному изучению еще далеко до ясности. Решительно положительная постановка вопросов едва начинается, а в прошедшей истории есть везде только ее зародыши, специальные попытки, за которые общество казнило специальных тружеников (и то я говорю только о математиках и естествооведах, т. е. о людях, которые невольно гнут к атеизму в противоположность богословию — сюда я причисляю и астрономов, начиная с Коперника — а вовсе не говорю о политиках, которые всегда танцевали между некоторыми убеждениями и невольно добивались до идеала Маккиавелли и Талейрана — из которых ничего нельзя вывести; это люди, отделяющие понятие от дела, мысль от поступка, общественную цель от современного положения — до такой параллельности, что, оставаясь сила в их руках, — положение данного времени никогда не могло бы измениться и приблизиться к новой цели).

Но общественность не могла не иметь целей, и положение данного времени не могло не изменяться. Каким же образом вырывалась сила из рук этих людей, которые не хуже других понимали общественные цели, но удерживали положение данного времени? Вызывалась ли она, достигнувшем до возможного предела развитием сознания (или, проще сказать, знания или понимания) или противостоящей иной силой, которая, если брала верх, то ставила новые общественные отношения и складывалась в новую общественность? Будь то Петр или Конвент, а все же не тишина внутренней творческой работы.

Я не вижу в истории ни одного примера такого развития понимания, которому властвующее меньшинство уступало бы добровольно. Подвинулись ли мы в 1869 г. настолько, чтобы развитие народного понимания могло идти, как координата с народным терпением? Или прежде должно лопнуть народное терпение (не дошедши еще до совершенного понимания нового общественного склада), но приобретая силу в борьбе — чтобы поставить обстоятельства народного склада в новые отношения, или уже «de facto» создать из них новое общественное устройство?

Избежна эта метода исторического развития, которую ты можешь проследить от начала века, или еще неизбежна? That is the question.

В конечных целях мы расходиться не можем, как ты сам это сказал. А конечная цель развития человеческой общественности — это именно прийти к тому положению, к тем отношениям, где движение развития могло бы совершаться так, чтобы сознание, и вследствие оного изменение в отношениях, могли бы идти как координаты. Дошли ли мы в 1869 г. до такого развития? Нет! Следственно, мой «That is the question» остается в полной силе.

Я думаю, что ответ, который я теперь предложу, не будет иллогичен. Какие бы ни были вспышки, каждая вспышка станет новым запросом на пересоздание общественности, который без этой вспышки, хотя бы вспышка и рухнула, не проснулся бы. Может надо для достижения результата — число вспышек, которого мы определить не в состоянии; но помешать им мы не можем, так как не можем помешать необходимости, опытом нами изученной в историческом ходе судеб. Что же нам остается делать? Помогать им по мере сил.

Это мы обычно и делали. В юности лет именно потому, что *die zerstörende* [?] *Lust ist ein schaffende Lust*; в старости лет — потому, что мы исторических пружин стереть не в состоянии; мы не в состоянии своротить ход исторического развития исключительно на научное развитие, которое одно и может выражать ту тишину творческой работы, о которой ты говорил. Если человечество когда-нибудь может

достигнуть этого предела своего развития, где знание и общественность получают движение координат, то его спокойная творческая работа только начнется с одной минуты, но теперь оно его еще не достигло. Сила знания и сила выжидания остаются раздельны. Наука не составляет такой повсеместности, чтобы движение общественности мог-

ГЕРЦЕН

Офорт В. Панова, 1868 г.

Литературный музей. Москва

ло совершаться исключительно на ее основании; наука не достигла той полноты содержания и определенности, чтобы каждый человек невольно в нее уверовал. Между тем сила ожидания исчезает в общественном страдании и общественное движение становится необходимостью. Что же делать?

Естественный путь: общественные движения, общественные перевороты, на некоторый процент изменяющие общественные отношения, и даже если переворот не удастся, все же он изменяет отношения настолько, что самую науку общественности ставит на новую почву и дело подвигается. — Вы меня спросите куда? Да во-первых, все к той

же общей цели: достижения предела развития, где знание и общественность могли бы стать в отношении координат и где становится возможна спокойная внутренняя работа человеческого движения. «Allez en avant et la foi vous viendra».

К сожалению, все перевороты в роде человеческом были и могут быть только местные; общий переворот в роде человеческом невыносим; общий переворот может только обозначать сумму местных переворотов. В этом факте своя огромная доля неудачей [sic]. Но вместе с тем, в этом факте заключается условие, вследствие которого местный удачный переворот может в данное время выработать только свою местную новую общественность. Поэтому социализм теоретический, социализм всеобъединяющий, будь он Фурье или Гракха Бабефа — неприложим. Реальная почва только и может быть выдвинута посредством реального движения, покамест общая цель, о которой я говорил, не достигнута. Реальное движение может быть только местное, и в случае удачи социализм, созданный на новых реальных отношениях, на новой реальной почве, может быть только своеобразный, а несколько не единый. Дело науки будет принять сумму и сопостановку различных общин, построившихся на различных реальных почвах, под свое ведение.

Мне кажется, что из этого достаточно ясно следует, что никакая предвзятая социология не построит никаких местных общин и никакой социальной общественности.

Я заключаю на этот раз тем, что я несколько не думаю, чтобы какая-нибудь предвзятая социология могла построить общины — будь-то в России, где их корень в крестьянстве, будь-то на Западе, где их корень в городских кооперациях. Реформа постепенная остается неудачною — или потому, что она восходит из предвзятых социологий, или потому, что она неискренна и ведет не к цели народных желаний, а к целям правительственного меньшинства. Это сказалось при всех русских реформах (о чем я писал, начиная с разбора манифеста об освобождении крестьян), — да и в других странах оказывалось подобное. Таким образом, неудача постепенных реформ — вызывает революцию, как неизбежность. Революция, смотря по обстоятельствам, действует или путем сделки, или путем террора. Возможны ли в современных движениях пути сделки или нет — это уже доказывают гревы; но во всяком случае террор является не побуждением мести, а невольным делом перестройки.

Тут я также не могу не прибавить, что во всяком случае, в русском деле и в западном, революция нето что уничтожит всякое право собственности (даже на штаны) и нето что уничтожит всякое право на наследство (хотя бы, штанов) — а поставит по-своему отношение личности к коллективности, из которой постановки определятся, количественно и качественно, иначе права передачи вещей одним лицом другому. Предначертать этого при современном постоянно задерживающем строе невозможно. Поэтому постепенная реформа является de facto постоянным вызовом на революцию.

ТРЕТЬЯ СТАТЬЯ

(1). Вместо продолжения контрверзы с студентами делаю самые искренние подстрочные примечания к твоему 3-му письму.

Нет! Я не понимаю, что называется политическим и что социальным элементом, потому что я получаю ненависть к слову: социальный, социализм и пр. — Спроси себя и отвечай себе искренно: ты сам-то понимаешь, что такое значит «социальный элемент»? — Может быть,

это слово очень хорошо для того, чтобы создать новую религию, но для того, чтобы понять в чем дело — оно невозможно. Если я его употреблял или употребляю по привычке, — я каюсь в этом и прошу прощения. Это слово именно приводит к неопределенности личности и ее отношения к коллективности. Я скорее, т. е. яснее, понимаю слово община, и потому яснее понимаю переворот русский, чем европейский, а потому остаюсь исключительно преданным русскому вопросу. Поэтому также я не могу согласиться с тобой о ненужности революции и не могу согласиться с юношами об исключительности революции. Я вижу, что без революции общинный элемент поддержать нельзя и он будет мало-помалу раздавлен; а забывая при революции, что община тот элемент, которому следует сохраниться и достигнуть своего разумного преобразования, — можно испортить дело революции. Следственно, равно нельзя сказать, чтоб можно было обойтись без революции — посредством никак еще неопределимого развития, как, с другой стороны, нельзя сказать, чтоб революция могла обойтись без сохранения какого бы то ни было уже существующего в жизни элемента. Ты видишь, что я не могу не спорить на обе стороны. Для меня революция представляет средство уничтожения сословных элементов, которые мешают развитию именно того общинного элемента, которого сохранение составляет для революции цель; и чем скорее может сложиться революция, тем лучше, тем прочнее этот общинный элемент может войти в свои права и приступить к своему развитию. Почему я говорю — прочнее, да именно потому, что иначе он будет задавлен влиянием и силой высших сословий и правительства, которое прикидывается, будто его поддерживает, а на самом деле везде старается его разрушить; в доказательство приведу, хотя бы, один последний указ о казачестве (кроме множества других распоряжений, которые, пожалуй, соберу).

(2). Также еще раз я не могу согласиться с сравнением зоологического и исторического развития. Что каждое есть *Naturproduct* — об этом, конечно, я спорить не стану, но в каждом из обоих *Naturproduct*'ов — свои приемы, свои особенности, своя метода. Зоология строит свои ряды из окончательности форм отдельных организмов (муравей, жук, лягушка, обезьяна, человек), между тем, как человеческая общественность (т. е. историческое развитие) меняет свои формы окончательно, без постоянства и ограничения общественных форм*.

Я никогда не говорил, чтоб современный государственный быт был только политическим, без экономических оснований; я, напротив того, говорил, что резких пределов между политическими и экономическими основаниями нет и что оба вопроса всегда присущи человеческой общественности. Но если современный государственный быт представляет политические и экономические формы до того устаревшие, что они к дальнейшему общественному построению неприменимы, что же с этим делать? Это факт, который, пожалуй, назовем историческим *Naturproduct*'ом.

Этот *Naturproduct* произведен целой цепью обстоятельств, толчков и насилий, сложившихся в сословности, которые теперь держаться не могут ни в своих политических, ни в своих экономических формах, и если держатся, то только посредством продолжения насилий.

Что же ты им противопоставишь? Обстоятельства ли, которые мы

* Ведь если Саша прав и обезьяна переродилась в человека, тем не менее обезьяна в природе не умерла, а исторические общественные формы, отживши, вымирают. Римская республика исчезла в итальянском феодализме. Итальянские республики никогда не имели того же построения, а республиканский Рим больше не существует. Разница между общественностью и зоологией — огромна.

определить не можем? Науку ли, которая нам неясна? Или толчки, которые точно так же будут историческим *Naturproduct*'ом? Рассуди сам.

(3). Я, действительно, говорил (и продолжаю поддерживать), что математических рядов исторического развития мы не знаем (да мы не знаем и математических рядов геологического и зоологического развития, мы знаем только математические ряды абстрактные). И именно поэтому, что мы не знаем их, мы не вправе мешать ни постепенным, ни толчковым (революционным) рядам исторического развития. Заметь, что ведь никто из нас и не мешает постепенному ряду развития, и если б он был осмыслен, сознателен для своих деятелей, прозрачен, — то толчковые (революционные) ряды неизбежны, и нам остается не останавливать их, а содействовать им.

(4). Насчет приложения «пугачевского террора» к западной или к восточной цивилизации, ты сам упоминаешь, что я говорил о его бесплодности, но я, если ты хорошенько вспомнишь, говорил о его бесплодности не вследствие его уважения к массам, а именно потому, что такой террор (будь он в России или в Европе в форме наполеоновского) ставит влияние личности выше всякого уважения к массам и берет себе в основание не вопрос народного общественного строя, а само влияние личности, эксплуатирующей в свою пользу народные бессознательности и традиционные предрассудки: наш Пугачев действовал во имя царизма, а Наполеон во имя французского национализма. Но возьми историю наших декабристов (и это я тебе скажу с книгой в руках, в которой ты так горячо их отстаиваешь). Наши декабристы решились действовать на основании такого же террора, но уже не во имя влияния личностей, но во имя нового народного общественного строя. Положим, что их ошибка в том, что их понимание нового общественного строя (или лучше сказать понимание этого строя им современным миром) не имело существенного основания в том общинном элементе народной жизни, который революция обязана сохранить для развития будущего; но их ошибка нисколько не состояла в пропаганде путей террора. Не заяви они во всех своих соображениях и поступках искания новой общественности, искания, которое должно было осуществляться путем террора (при чем все же исчезало уважение перед влиянием личности и возникало уважение — зачем же говорить: идолопоклонство? — перед массами), не заяви они этого, — может мы до сих пор не пришли бы к пониманию, что в России есть элемент общинной народной общественности, который революция обязана сохранить для развития будущего.

Террор, предполагавшийся декабристами, был беспощаден; пути его, сообразно с духом времени, были пути исключительно военные. Почему же тебе их пути не казались страшными? А как скоро эти пути переходили в террор крестьянский и рабочий — они тебе кажутся страшными, несмотря на то, что они вводят в жизнь элемент общинной народной общественности, т. е. тот элемент, который революция обязана сохранить для развития будущего и который следственно ставит революцию на реальную почву.

(5). Может быть, я где-нибудь неясно высказался. В сущности, я думал и хотел сказать следующее: мы можем рассчитывать (даже не приблизительно) пути революции, но знать их не можем. Легко может случиться, что слагающийся террор не достигнет своей цели и перейдет в промежуточные формы общественного устройства; также легко может случиться, что слагающиеся промежуточные формы — именно по своей слабости — приведут прямо к террору. Ничего этого останавливать мы не только не вправе, но не в состоянии. А помогать можем и тому и другому, потому что и то и другое составляют воз-

возможности. Объяснюсь примером: правительство вводит новые судебные учреждения; мы этому мешать не вправе; но мы узнаем, что новые учреждения довольно призрачны и, возбуждая ожидание и не давая удовлетворения, всего больше способны вызвать террор, чем что другое; как же мы будем останавливать террор? Если Тьер только через 40 лет догадался, что экономический террор неизбежен, то зачем же нам непременно откладывать в себе понимание этого на неопределенное время? А прожить-то придется недолго; зачем же именно умереть в непонимании того, что готовится?

(6). Насколько террор может или не может иметь успех — для этого расчета у меня опять нет данных. Быть может террор должен будет повторяться n раз и удастся только в n -ный раз; но вызван он всегда будет неудачей постепенных реформ, которые уже должны быть неудачны по своей неосмысленности и по своей неискренности.

(7). Ты все пугаешься перед словом разбой или грабеж (и даже коммунизм). Но я уже давно говорю, что разбой или грабеж, который обыкновенно всегда является временно, при всякой вспышке (даже 14 дек[абря] предлагалось разбить кабаки, а южное общество шло еще решительнее), — я давно говорю, что разбой может быть и не быть, может явиться как частный случай восстания — ради его спасения — но главное дело в неизбежном восстании, которое и должно стать началом. Сколько бы вызовы ни были ошибочны, сколько бы они ни хватали далеко, — они не обойдут простого местного восстания, о котором я и говорил в другой статье, что его начало может иметь своею местностью только русский восток.

Кажется, что я сказал все, что мог, хотя вопрос не из легких. Если думаешь, что нужно продолжать, я с моим удовольствием готов. Но также скажи — какую форму дать всему вместе. В этом виде оно кажется только удобно для личных разъяснений.

Публикуемый материал, печатающийся по автографу, находящемуся в записной книжке Огарева (№ 23), хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, представляет собой нечто вроде обширного письма Огарева к Герцену по вопросам, затронутым в «Письмах к старому товарищу», т. е. к Бакунину. Письмо это близко по характеру к теоретической статье, но в таком виде, по выражению Огарева, «кажется только удобно для личных разъяснений».

Материал этот помогает уяснению позиции Герцена, занятой в «Письмах к старому товарищу». Огарев затрагивает в своем письме все основные теоретические вопросы, волновавшие в то время Герцена. Начиная с третьего письма, Герцен отвечает не только Бакунину, но и Огареву, на что указывает начало этого письма: «Нет, любезные друзья, мозг отказывается понимать многое из того, что вам кажется ясным...»¹. Только после опубликования этого материала становятся вполне понятными ответные реплики-замечания Герцена, помещенные М. К. Лемке вслед за «Письмами к старому товарищу»².

Наконец, публикуемый материал бросает свет на философские, теоретические воззрения Огарева, которые в такой развернутой форме не были им высказаны в его публицистике.

Содержание материала определяется следующими проблемами, на которых мы последовательно вкратце и остановимся: 1) проблема закономерностей исторического развития, 2) роль экономики в истории общества, 3) роль государства в революции, 4) отношение к международному рабочему движению, 5) революционная тактика.

1. По вопросу о закономерностях исторического развития Огарев выступает с отрицанием возможности их познания. Огарев пишет: «...математических рядов исторического развития мы не знаем (да мы не знаем и математических рядов геологического и зоологического развития, мы знаем только математические ряды абстрактные)...». В другом месте Огарев заявляет: «... я не могу согласиться с сравнением зоологического и исторического развития». Последнее, по мнению Огарева, «меняет свои формы... без постоянства и ограничения общественных форм». Наконец, Огарев пишет: «Мы можем рассчитывать (даже не приблизительно) пути революции, но знать их не можем». «...Какой будет ход истории — этого я не знаю, да едва ли кто и знает больше моего...»

Все эти возражения направлены против точки зрения Герцена, который, проходя трудный идейный путь от социализма утопического по направлению к социализму

научному, заявлял: «Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем, для того, чтоб знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной, не могут идти»³. Герцен требовал научного подхода к изучению истории, ибо «наука — сила; она раскрывает отношения вещей, их законы и взаимодействия... наше время — именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотело взять грудью, усердием, отвагой и шлизря на авось; мы на авось не пойдем»⁴. Герцен упорно стремился к познанию закономерностей исторического развития. Герцен приближался к пониманию того, что «...наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология...»⁵. Герцен стремился уяснить себе диалектику смены общественных форм, он писал: «Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человеческого освобождения и развития; мы выходили из них по миновании надобности... Каждый восходящий или воплощающийся принцип в исторической жизни представляет высшую правду своего времени, и тогда он поглощает лучших людей, за него льется кровь и ведутся войны; потом он делается ложью и, наконец, воспоминанием»⁶.

2. При этом Герцен приближался и к пониманию того, что «...ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества»⁷.

Черты исторического идеализма еще были присущи мировоззрению Герцена, но он шел к выводу об определяющей роли экономики в истории общества. Герцен говорит: «Тогда как все другие перевороты постоянно оставались одной ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предрассудках патристических, юридических и пр., экономические вопросы подлежат математическим законам»⁸. Герцен спрашивает Огарева: «Стало, ты полагаешь, что современный государственный быт был политический без экономических оснований?», считая, что такое утверждение «противно... самой действительности»⁹. Огарев же, стоя полностью на теоретических принципах утопического социализма, полагал, что «старое политическое построение» основано на «экономическом промахе». Вообще, Огарев под «экономическим построением» понимал лишь «идеал будущего», экономические порядки социализма, в настоящем же классовом строении общества, в «сословности» он видел только «экономический промах», Герцен и отвечал ему: «Нет, сословность — не промах, а возраст. Первые зубы — не промах, а выпадать должны»¹⁰. И напрасно Огарев ссылаясь на употребление Герценом выражения «экономический промах». Герцен писал про возможные последствия июньского восстания 1848 г., считая, что у этого движения не было «ни одной строящей, органической мысли...»: «что было бы, если б победа стала на сторону баррикад?.. экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут в разорению, к застою, к голодной смерти»¹¹. Герцен разумел здесь под «экономическими промахами» не экономику общества, а экономическую политику, которая проводилась бы, «если б победа стала на сторону баррикад».

Спор Герцена и Огарева напоминает уничтожение и, конечно, в отличие от критики Герцена, исчерпывающие существо вопроса и до конца последовательные замечания К. Маркса в конспекте «Государственности и анархии» Бакунина. Маркс писал: «Ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой... Он [Бакунин — Я. Э.] абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют»¹².

3. В. И. Ленин в своей предельно глубокой характеристике «Писем к старому товарищу» говорит: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным»¹³. Одним из важнейших расхождений между Герценом и Бакуниным был вопрос о роли государственных форм в революции. Герцен писал: «Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилагивается к потребностям. Из того, что государство — форма переходящая, не следует, что эта форма уже прошедшая. С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые теперь наделают страшных бедствий, а потом спадут сами. Да и будто какой-нибудь народ может безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция, Пруссия и проч. Можно ли говорить о скорой неминувности безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и обезоруживание составляют дальние идеалы?.. Государство не имеет собственного определенного содержания; оно служит одинаково реакции и революции, тому, с чьей стороны сила; это сочетание колес около общей оси; их удобно направлять туда или сюда, потому что единство движения дано,

потому что оно примкнуто к одному центру. Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии»¹⁴. Точка зрения Герцена противостоит анархистской «проповеди о пеминуемом распущении государства в федерально-коммунную жизнь»¹⁵. Огарев же, поддерживая Бакунина, только недоуменно спрашивал: «...если современный государственный быт представляет политические и экономические формы до того устаревшие, что они к дальнейшему общественному построению неприменимы, что же с этим делать?». Огарев, в отличие от Герцена, вовсе не представлял себе необходимости «временного использования орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров»¹⁶.

4. Как говорит В. И. Ленин, «...разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»¹⁷. «Письма к старому товарищу» проникнуты глубоким ощущением того, что международное рабочее движение, возглавленное Интернационалом, означает собой новую всемирно-историческую эпоху. Именно этого не видит Огарев. Огарев говорит, что не понимает выражения «социальный элемент», и продолжает так: «Я скорее, т. е. яснее понимаю слово община и потому яснее понимаю переворот русский, чем европейский, а потому остаюсь исключительно преданным русскому вопросу».

5. С первого взгляда может показаться, что Огарев стоит выше Герцена, критикуя заявление последнего о том, что нужна «проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину»¹⁸, те заявления Герцена, которые Ленин назвал «старыми буржуазно-демократическими фразами»¹⁹. Но дело в том, что Огарев и этим воззрениям Герцена может противопоставить только анархистское вспыхивающее, игнорирующее объективное соотношение классовых и политических сил и изучение исторических закономерностей.

Огарев пишет: «Какие бы ни были вспышки, каждая вспышка станет новым запросом на пересоздание общности, который без этой вспышки, хотя бы вспышка и рухнула, не проснулся бы. Может надо для достижения результата — число вспышек, которого мы определить не в состоянии... Что же нам остается делать? Помогать им по мере сил». Огарев прямо признает «невозможным», чтобы в революции «люди знали, куда они идут».

Притом Герцен, как это уже явствует из его вышеприведенной оценки роли государства и революции, отнюдь не был противником революционного насилия, но боролся против анархистского путчизма. Герцен считал, что «... угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад». Он не хотел «входить в рукопашную, пока нет ни единства убеждений, ни сосредоточенных сил». Герцен отнюдь не пропагандировал фаталистического, объективистского подхода к истории: «Пути во все не неизменны. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманием, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать; тут — взаимодействие»²⁰. Под «постепенностью» в «Письмах к старому товарищу» Герцен понимал прежде всего внутреннюю работу, непрерывность исторического развития.

Огарев же, нашедший столько принципиальных возражений против позиции Герцена, не согласен с Бакуниным, в сущности, только в одном: в идеализации последним разбойников, как революционеров, и разбоя, как революционной тактики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцен, т. XXI, стр. 443.

² Там же, стр. 451—453.

³ Там же, стр. 443.

⁴ Там же, стр. 448 и 435.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 109.

⁶ Герцен, т. XXI, стр. 437, 447.

⁷ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 116.

⁸ Герцен, т. XXI, стр. 436.

⁹ Там же, стр. 451.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 434.

¹² Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 187, 188.

¹³ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.

¹⁴ Герцен, т. XXI, стр. 446, 447.

¹⁵ Там же, стр. 447.

¹⁶ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 411.

¹⁷ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.

¹⁸ Герцен, т. XXI, стр. 449.

¹⁹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.

²⁰ Герцен, т. XXI, стр. 439, 444, 445.

VII. ЗАПИСИ СНОВ

Публикация Б. Козьмина

1

С о н

10 сент[ября] 1873 г., среда

Сегодня во сне мне пришел на ум вопрос: каким образом может устроиться коммуна? Какая разница между понятием коммуны и равенства? Каким средством уравнивать владение почвой и всяким иным имуществом? Каким средством сплотить силы труда отдельных лиц в общинный труд? Можно ли дело кончать равным разделом посемейно или поголовно, или разделить только труд, т. е. доход?

Вопрос не так легок, как кажется.

2

С о н

Я видел сон: я говорил в России с мужиками и помещиками на сходке. Я говорил им, что в России между этими двумя сословиями отношения так поставлены, что помещикам надо поделить свои земли с мужиками поровну и обрабатывать сообща. Для дележа доходов меры увидятся и по числу людей в семействе, и по участию в работе. Все выслушали и согласились.

3

С о н

11 ноября [1875 г.], четверг

Прошлой ночью я видел сон: я с Мери пошли садиться в автобус и сели. Там застали Элпидина, чрезвычайно встревоженного. «Что с тобою?» — говорю я ему.

— «Сейчас был при смерти сера Джона», — говорит он.

— «Кто такой сер Джон?» — спрашиваю я, — «Разве ты не знаешь?» — говорит он, — это Роберт Овен». — «Вот видишь, — говорит мне Мери, — я вчера гадала на картах, и мне вышло, что я скоро услышу о чьей-то смерти... Оно и так». — Тут я и проснулся, не докончил всей интересности. Но записал, потому что меня видение услаждает.

4

С о н

18 января [1876 г.], с понедельника на вторник

Мой старый доктор, Ласковский, говорил мне: «Конечно, молодой человек учится и по направлению своего учения работает, но замечательно, что и старый человек, увидав, что учился вздору и делал вздор, начинает учиться сызнова и работать иначе, т. е. становится юношей и начинает творить новый мир».

Тут я проснулся и конца этому не изведаль.

5

С о н

30 мая 1877, среда

Просыпаюсь в 5 часов утра записать мой сон, действительно, чтобы как-нибудь да не забыть его, он мне еще может пригодиться. Сей-

СТРАНИЦА ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
ОГАРЕВА 1868 г. С ЗАПИСЬЮ ЕГО СНА
Российская библиотека им. Ленина, Москва

Сон.
Я видел сон: я
говорю в России и
мужикам и помещикам
на худое. Я говорю
мне что в России
нужно жить в деревне
собираем с помещиков
такое количество, что
нужно платить за
землю и мужикам
за работу и обра-
ботку в соответствии
с их доходами. Муж-
ики видят, что так
нужно и соглашаются
и на участие в работе
всех вместе и согла-
ситель.

час видел во сне, что я вернулся в Россию и приехал домой к себе в деревню, и усердно проповедую, что нам землю надобно обрабатывать сообща и жить посемейно (потягально), соразмерным с труда доходом, подворно (т. е. избами, определеннее назвать домами), что это в русской деревне заведено спокон-века, было испорчено правительством и помещиками и введется легче, чем в какой бы стране ни было, потому что введется естественно на существующих основаниях. Я поехал потолковать с старыми соседями помещиками, чтобы высмотреть, насколько они могут помешать и как следует обороняться. Помещики приняли меня не враждебно, но как старого знакомого, и сказали, что, хотя и не во всем со мной согласны, но мешать мне не станут, потому что сами видят, что иначе в судьбы русского мира действительно полезных переворотов не введется, что иных оснований для них нет ближе и очевиднее. Крестьяне же приняли меня совершенно дружелюбно и обещались способствовать всеми средствами, находящимися в их распоряжениях. Я проснулся совершенно довольный моим сном, а Гринвич увидал озаренным блестящим солнцем и под ясным небом, как их давно не припомню.

6

Сон

Я видел во сне девушку, которая мне сказала: «Вы знаете, что я уже не невинна, но умоляю вас — никому этого не сказывайте. Я еще могу выйти замуж, а мне теперь есть нечего; а если кто узнает, то не захочет на мне жениться». — «Поверьте, — я ей отвечал, — что никому не скажу. Я знаю слишком хорошо, что род людской еще не дорос до понятия, что дело не в том, что женщина невинна или

уже родила несколько ребят, а дело в том, чтоб она умела принимать участие в общественном деле, в общественном труде, в умственном смысле; а там невинна она или уже родила раз или больше — это все равно, было бы ей только свободно жить, как ей хочется». — Затем мы пожали друг другу руку и разошлись дружно.

В 70-х годах Огарев записывал наиболее интересные сны, приснившиеся ему. Одна такая запись опубликована в сборнике «Звенья», № 6, стр. 407. Мы публикуем еще шесть аналогичных записей. Все они заимствованы из записных книжек Огарева, хранящихся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Первая и вторая записи — в записной книжке № 16, третья и пятая — в № 32, четвертая и шестая — в № 35.

VIII. ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

Публикация Б. Козьмина

1

Для моей личной очистки необходимо мою личную долю из наследства после М. Л. употребить на уплату Ульяновой с тем (а не иначе), чтоб Ульянова, вступив во владение имением, освободила бы работников немедленно с утверждением за ними всей земли, строений, машин и всякого материала безвозмездно. Одна отдача строений в наймы под мельницы обеспечит им взнос подушных и даст способ образоваться общинному капиталу, который и прокормит их в дорогие года и даст возможность учредить со временем или фабрики, или мукомольные мельницы на общинный счет с дивидендом для каждого. На все продолжение времени найма мельниц и накопления капитала рабочие могут беспрепятственно зарабатывать свой прожиток, где угодно, не заботясь о взносе подушных, которые будут уплачиваться из суммы найма. На заведение общинно-мукомольных мельниц капитала нужно не более 6 т[ысяч] р[уб.] сер[ебром]. Наем мельниц в продолжении 2-х трехлетий может дать по 750 р[уб.] в год (500 в 1-е 3-летие и 1000 во 2-е). Подушных в год 250 р[уб.], следст[венно], на капитал 500 р[уб.] в год, что составит 3000 р[уб.], — в 3 лет[ие] крестьяне будут иметь фонд совершенно достаточный для учреждения общих мельниц на 4 плотинах. Прибавим и то, что устройство, сделанное наемщиком, остается на мельнице и следст[венно] учреждение общинного мельничного хозяйства потребует меньшей суммы, — можно надеяться, что общинные мельницы устроятся ранее. — Но для всего этого надо расплатиться с Ульяновой из моей доли наследства после М. Л. Я надеюсь, что против этого спора не будет, потому что это мое духовное завещание, которого оригинал хранится у моего брата, а копия посылается.

Настоящий документ извлечен из записной книжки Огарева № 38, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Имение, о котором идет речь в этом письме, — с. Уручье, Трубчевского уезда, Орловской губ. с 603 «душами мужеска пола» (по IX ревизии). В 1851 г. Огарев передал это имение своей первой жене М. Л. Огаревой в погашение обязательства выплачивать ей на ее содержание ежегодно определенную сумму денег. В марте 1853 г. М. Л. Огарева умерла в Париже. Наследниками оставшегося после ее смерти имущества по тогдашним законам являлись Н. П. Огарев (в $\frac{1}{4}$ части) и ее племянник М. М. Каракозов (в остальных $\frac{3}{4}$ частях). В действительности же, как выяснилось впоследствии, с. Уручье по крепостным актам числилось собственностью не М. Л., а ее поверенного Н. С. Шаншиева, который ухитрился (с согласия А. Я. Панаевой, также имевшей доверенность от М. Л. Огаревой) записать это имение на свое имя, приняв на себя обязательство (им не выполненное) ежегодно выплачивать М. Л. Огаревой на прожитие 3000 руб.

Настоящий документ представляет большой интерес в том отношении, что он свидетельствует, насколько велико и постоянно было желание Огарева отпустить на волю всех своих крепостных и обеспечить, вместе с тем, их материальное благосостояние.

Упомянутая в этом документе Ульянова — помещица Симбирской губ. Мария Александровна Ульянова, у которой Огарев в 1848 г. приобрел Тальскую писчебумажную фабрику. Брат, о котором говорится в конце этого документа, — побочный брат Огарева, купец 2-й гильдии Иван Иванович Маршев, вместе с которым Огарев приобрел Тальскую фабрику и который при этом обманул Огарева, употребив часть полученных от него на приобретение фабрики денег на свои надобности. Это падучество Маршева, конечно, открылось, и лишь в 1851 г. Огарев урегулировал свои денежные отношения с ним. Однако, как можно судить по печатаемому нами документу, долг Огарева Ульяновой не был еще вполне покрыт, почему он и продолжал считать себя ее должником.

Время написания настоящего документа можно установить лишь приблизительно. О смерти своей первой жены Огарев, как видно из его письма А. А. Тучкову, напечатанного М. О. Гершензоном в т. IV «Русских Пропилеев», стр. 132, узнал в сентябре 1853 г. С другой стороны, 20 октября 1855 г. Огарев выдал Н. М. Сатину документ, которым удостоверял получение от последнего 12 тысяч руб., взамен чего Огарев передал ему свои права на наследство, оставшееся после М. Л. Огаревой.

Таким образом, настоящий документ мог быть написан не ранее осени 1853 г. и не позже начала осени 1855 г. Вернее, однако, что он был написан вскоре после получения известия о смерти М. Л. Огаревой, когда Огареву еще не была известна афера, учиненная с его орловским имением Шаншиевым.

2

Друг неизменный.

Ты подарил мне эту книжку для вписывания стихов, а я пишу в ней прозу, хотя ты моей прозы и не любишь. Как быть! Вопросы, которые теперь накопились в уме, просятся наружу, а высказать их в стихах невозможно. Ну! проза — так проза! Не сердись и слушай! Это моя исповедь, мои записки; но задача их не та, которую ты так искренне высказал в твоих записках. Я не могу писать исповедь сердца, жизни, поступков. Не могу — у меня на это не хватает храбрости. Я слишком уверен, что человек состоит из трех данных: он, во-первых, злодей, во-вторых, смешон, а в-третьих, приличен, т. е. прикрывает оба предыдущие данные боязнью общественного мнения и самооправданием. От этого я не могу писать сердечно искренних записок, а беру иную задачу, которая меня сильно тревожит. Это — умственное, теоретическое развитие, это история личного пути, по которому я искал верований, убеждений, истины, и, наконец, я хочу высказать результаты, к которым я пришел, общность, целое убеждений, которых я достигнул долгой работой мысли и жизни, понимания и опыта и которые мне теперь хочется привести в порядок. На эту исповедь у меня болезненная потребность и писать ее для меня самоудовлетворение. Весьма уважая системы, где философ, перестав быть человеком и сделавшись абстрактом, садится за письменный стол и схематизирует, — я все же не имею к ним сочувствия и невольно первое, что меня в них поражает — это прорехи, ошибки, отклонения от действительности. Я с ненавистью вижу, что в них мысль не выстрадана, а только человек с самодовольствием, взяв точку отправления, закусывает удила и решает все на свете, плюя на препятствия, и с пренебрежением отвергает факт, если он ему противуречит. Также мало имею я сочувствия к людям, которые ни с того ни с сего наблюдают факты и не требуют от них никакого теоретического понятия; или довольствуются фактами, с одной стороны, а с другой стороны, берегут для собственного удовольствия самые нелепые теоретические верования, не имея потребности замкнуть бездну, разделяющую обе стороны. Мне кажется, что трансцендентальная философия и точные науки

именно потому и не могут до сих пор популяризироваться, что ни то, ни другое не схвачено из жизни; и то, и другое носится или в неверных неприлагаемых отвлеченностях, или в плоских наблюдениях, не касающихся теоретических вопросов, и то, и другое не только не удовлетворяет, но и не затрагивает живого человека, страждущего жаждой теории, потому что эта жажда неотъемлемая функция человеческого мозга. Поэтому, мне кажется, рассказ о том, как развивалась умственная жизнь человека, принимавшего это развитие к сердцу, — не может быть бесполезен. А если бы и был бесполезен, то говорить об этом с тобою, с которым я всегда шел рука об руку, — для меня самоудовлетворение, огромное, хотя и мучительное наслаждение. Итак, вот тебе моя исповедь. Лгать я не стану, из своего теоретического развития ничего не утаю; но подноготной сердечных движений и поступков не скажу. Страшно!

Начать воспоминания с далеких или отроческих лет мудрено; тут все так сбивчиво и смутно. Но не могу не остановиться на некоторых выдающихся чертах, потому что и в отроческом мышлении помню минуты высокого наслаждения, которые имели влияние на все остальное мое развитие. Таким образом, я не могу забыть первые впечатления, которые сильно затронули меня (*il soit dit en parenthèse* и тебя) — это чтение Шиллера и Руссо и 14 декабря. Под этими тремя влияниями, очень родственными между собою, совершился наш переход из детства в отрочество.

Может быть, тебе покажется странным, если я скажу, что в этом влиянии лежал зародыш реализма, который впоследствии развился в нас без пощады к какому бы то ни было идеальному миру. Идеальный Шиллер, идеальный Руссо, юношеское движение 14 декабря — все это кажется так далеко от реализма!.. А между тем я прав; тут был зародыш реализма.

Что нам дал идеальный Шиллер? Благородство стремлений. Но это благородство стремлений наполнялось сомнением, отрицанием разумности и справедливости современного общества. В героях Шиллера и в его философских письмах важным для нас становилась не идеализация, не духовность понятий; это было преходящее; важным было то, что для оправдания идеализации и духовности — мы должны были пальцем дотронуться до действительного общества и указать ложь, указать рану, указать страдание. Руссо — сколько он ни фразер — дал еще более положительную точку зрения: *l'homme est né libre et partout il est dans les fers*. Главное, что в этом поразило отроков — не то что *l'homme est né libre* — это принималось на веру, а то, что *partout il est dans les fers*. Это был факт, который мы осязали. Протест 14 декабря подтвердил этот факт. Эти влияния разом произвели то, что первый шаг наш в области мышления был не исканием абстракта, не начинанием с абсолюта, а был столкновением с действительным обществом и пробудил жажду анализа и критики. Таким образом, в 14, 15 и 16 лет, состоя под влиянием Шиллера, Руссо и 14 декабря, мы занимаемся математикой и естественными науками, мы хотим чего-то положительного, хотя оно для нас еще совершенно не ясно. Тут важно не то, что именно мы тогда делали, умно или глупо работали; тут важна точка отправления, к которой после долгих шатаний мы должны были возвратиться при совершеннолети. Эта точка отправления — реализм. Каким образом мы тогда мирили наш реализм с самыми крайними идеализациями и априорными построениями, это другой вопрос, к которому я сейчас возвращусь; но я только хочу тебе показать теперь, что точка отправления нашего отрочества был реализм и что он лежал в нас так глубоко, что после многих уклонений не

мог не возвратиться в наше сознание; как скоро мозг наш совершенно сложился.

Написано в 1856 г. в записной книжке, подаренной Герценом (Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, записная книжка № 17). Даря Огареву эту книжку, Герцен сделал в ней следующую надпись:

«Огареву — для того, чтобы до будущих именин исписать все и притом не прозой.

А. Герцен

6 декабря. 1856. Пикадилли».

Ответом на эту надпись и является публикуемый нами выше набросок Огарева, представляющий собою начало его своеобразной «исповеди», к сожалению, оставшейся далеко не законченной.

3

Правительство учредило комитет под председательством гр. Блудова для рассмотрения вопроса об освобождении крепостных людей. Несколько проектов было представлено, на которые комитет не дал никакого ответа, и, наконец, сам комитет закрылся, ничего не сделав. Результатами его бесплодных заседаний были только кое-какие цензурные преследования.

Вот слухи, имеющие большое вероятие. Но что выше всякого вероятия, что не подвержено никакому сомнению — это то, что с вступления на престол Александра II, несмотря на все ожидания и надежды, правительство ничего не сделало для освобождения крепостного сословия и не подвинуло ни на шаг решения этого вопроса.

Что же оно делает? Некогда ему что ли? Или важное занятие формой военных и штатских мундиров до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дело не хватает времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиления, чувствуя себя не таким, как правительство незабвенного, и далее ничего не хочет делать? Или сквозь шум праздников и охотничьих труб псарей оно не умеет расслышать клич народный?

Приходится звонить в колокола и сказать этому правительству:

Стыдно! Проснись! Ты губишь себя и Россию. Проснись! Теперь еще время. Ты можешь мирным путем решить вопрос освобождения крепостных. *Vivos voco!* Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудит? Если оно не живое, зачем же оно бралось за управление государством? Отречься — было бы благороднее, чем подавать надежды, на исполнение которых у него сил нехватает. Стало, оно хвастало своей любовью к России? Оно нас обманывало? Или оно думало, что Россию можно спасти без государственной мысли, а только маленьким добродушием, доходящим до потачки государственным ворам? В таком случае оно только позорилось перед светом.

Проснись! Смотри: скоро будет поздно решать вопрос освобождения крепостных мирным путем. Мужики решат его по-своему, реки крови польются — и кто будет виноват в этом? Правительство!

Россия настрадается, а на правительство история наложит клеймо злонамеренности или бездарности, в обоих случаях позорное.

Проснись! Работай не над мертвечиной формалистики, а над живым государственным вопросом. Работай пока время не ушло.

Vivos voco!

Настоящая заметка заимствована из записной книжки Огарева № 22 хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Поводом для написания послужили дошедшие до Герцена и Огарева слухи об учреждении негласного комитета для обсуждения и выработки крестьянской реформы. Как известно, этот комитет начал свои занятия 3 января 1857 г. Председателем его был не Блудов, как ошибочно сообщает Огарев, а председатель Государственного совета кн. Орлов. Блудов же был одним из его членов. Ошибочно также сообщение Огарева о том, что комитет уже «закрылся». Составленный в большинстве из упорных крепостников, стремившихся сохранить крепостное право в неприкосновенности, комитет всячески затягивал порученную ему работу. Это вызвало недовольство со стороны Александра II, который осенью 1857 г., желая активизировать работу комитета, сменил его председателя, назначив таковым вместо Орлова великого князя Константина Николаевича. Однако и эта перемена не привела к ускорению работы комитета. Так продолжалось до известных ноябрьских рескриптов царя, положивших начало гласному обсуждению крестьянской реформы. В связи с этим в январе 1858 г. негласный комитет был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу.

Настоящая заметка была напечатана в № 1 «Колокола» от 1 июля 1857 г. под названием «Что сделано для освобождения крепостных людей». До сих пор авторство ее ошибочно приписывалось Герцену (см. Герцен, т. VIII, стр. 541—542). Между текстом, напечатанным в «Колоколе», и воспроизводимым нами имеются некоторые расхождения.

4

ПИСЬМО БОЛЬНОГО РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Isle of Wight, август 185[9 г.]

Наконец, любезный друг, я приехал купаться в море. Доктора говорят, что это мне поможет. А поможет ли? Бог их знает. Я думаю, что они врут. Вчера выкупался. Холодно как-то, лезть в воду неприятно; целый день после и знобит, и в жар бросает, и жутко становится, — а запор все продолжается. Посмотрелся в зеркало, — рожа такая же испитая, как и была. Врут они, доктора, не поможет купанье. Ведь эдакая беда: учился я всему на свете, а медицине не учился. Ничего не понимаю в жизни человеческого организма. Станешь думать — вот хоть о моем запоре — как он? отчего он? В какой связи с жизнью моего отца, с молоком моей матери, в какой связи с моим образом жизни, с пищей, с электричеством воздуха, с движением земли? Ничего не придумашь! Немогути! О! если б я тут да что-нибудь понимал, то ли бы из меня вышло! Все знаю — историю и статистику, юриспруденцию и политическую экономию, немецкую философию знаю, все знаю достаточно, чтоб ничему этому не верить, а настоящая-то жизнь и проскальзывает мимо мозга. Ты опять скажешь: от чего же я не учусь? Уж куда мне! Поздно.

Я думаю, если что-нибудь мне здесь поможет, то это то, что я на Isle of Wight, а не в каком ином месте — не в Диеппе, не в Остенде, словом, не на континенте. Я проехал по Франции, знаю! Я думал, что я с ума сойду. Эти люди с узенькими бородками и усами, как у кота, так и смотрят на тебя: кто ты такой? что ты такое? что ты такое думаешь? А я вот у тебя выпрошу и отдам тебя полицейскому. Встретился с таким господином на улице, поворотил вправо... Глядишь, а он опять за тобой, поворотил влево, а он опять за тобой, а тут сержант навстречу: так сердце и замрет. А в Остенде — там все русские. Это еще хуже. Пожалуй, и бумаги подсмострят; или как-нибудь проврешься, а они донесут. Вернешься домой, — а тебя упрячут куда-нибудь в Вятку. Я знаю, что ты опять скажешь — с чего я беру, что за мной всюду следят шпионы, что я за такая важная птица, чтобы за мною следить? Хорошо тебе говорить! Ты человек достаточный, да и здоровье-то у тебя дьявольское, точно из железа выкован; а я человек маленькой, узнай они, что захоти я только действовать, то им бы плохо пришлось — ну! и сошлют. А тут жена заплачет, да еще, пожалуй,

выбранит, дети разревутся... А как же им не знать, что я настоящим положением вещей не могу быть доволен?... Конечно, знают и следят. Стало, мое дело съежиться и прятаться.

Занесено в записной книжки № 34 Огарева, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Написано, повидимому, в 1859 г., когда (в августе) Огарев ездил на морские купанья в город-курорт Вентнор на острове Уайте. Некоторые подробности, сообщаемые в «Письме» о «большом русском путешественнике» и расходящиеся с биографией Огарева (наличие у него детей, намерение его вернуться в Россию), заставляют рассматривать это «Письмо» не как эпистолярное, а как литературное произведение. Предназначалось ли оно для печати, неизвестно.

5

МЫСЛИ И ЗАМЕТКИ

1. Искусство — явление историческое, следовательно содержание его общественное; форма же берется из форм природы. Для того, чтобы оправдать теорию «искусства для искусства» — надо доказать, что форма исчерпывает задачу, что форма все, а содержание равнодушно. Русско-немецкие мыслители очень напевают на общечеловеческое содержание в противоположность общественному. Тут опять название играет роль понятия и как всякое понятие выражает неопределенность и пустоту. Что такое общечеловеческое? Общее всем людям? т. е. просто человеческое. Да с знаменитого *homo sum et nihil humanum a me alienum puto* — все, что входит в человеческую деятельность, есть человеческое или общечеловеческое; под это название подходят равно явления и отношения общественные, и отношения лица к лицу и лица к природе и необходимости. Мысль и чувство совершенно общечеловеческие явления и совершенно общественные, потому что человек не в стаде немислим; даже грустное чувство, возбуждаемое отшельничеством, основано на оторванности от стада. Отличительно человеческое это сознание, а сознание равно может проявляться и в искусстве, и в науке, и в жизни, т. е. в устройстве стада. Сознание есть понимание отношений, выраженное мыслью, т. е. словом; понятие отношений, будь оно понятие аналогии или разнородности предметов, всегда сводится на уравнивание, на понятие меры, гармонизирование, и потому не обходится без количественной категории. Приведение в меру (гармонизирование) в науке есть отыскание закона известных отношений, будь это закон аналогии или разницы, совпадения или расторжения, жизни или смерти. В искусстве гармонизирование есть отыскание красоты отношений, будь это красота жизни или смерти, блаженства или ужаса. Сознание, не дошедшее до степени понятия мысли — есть чувство. В науке чувство не имеет места, потому что предмет и цель науки — понятие, теория. В искусстве чувство имеет место, потому что предмет и цель его красота, изящное, для которого достаточно впечатления, без теории. Наука — понятие о природе; искусство — подражание природе. Наука — воспроизведение действительности в понятии; искусство — воспроизведение действительности в подражании.

Но сознание, равно на степени понятия или чувства, совершается посредством чувств, есть явление физиологическое. Поэтому искусство имеет физиологические отделы: искусство слуха, искусство зрения, общее искусство, искусство мысли, слова, т. е. музыка, живопись и поэзия. Как все в природе, ни одно искусство не обходится без количественной категории, требует меры, изящного гармонизирования отношений. Отношения звуков — составляют собственно гармонию; отношение линий — образы; поэзия вмещает и то и другое + мысль — в слове.

Настоящий отрывок заимствован из записной книжки Огарева № 27, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Подробнее свои взгляды на искусство и свое отношение к теории «искусство для искусства» Огарев изложил в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия», изданному в Лондоне в 1861 г.

К этому же приблизительно времени можно предположительно относить и настоящий отрывок.

6

ЗАМЕТКИ ДЛЯ СТАТЬИ ПРОТИВ КАВЕЛИНА

Италия доказывает, что род человеческий не дошел до возможности разумных реформ, т. е. до возможности безобидно столкнуться. У самого мягкого француза, немца и даже англичанина докопаешься до лютого зверя. Предполагать совсем мирное [разрешение] русского вопроса довольно мудрено. Уже бездненское дело доказывает, что тут встречаются две силы. Надо, чтобы одна из них была очень слаба, чтоб не было восстания. Бояться восстания неизбежного — это такое чувство, которым ничему не пособить. Говорить, что все революции ни до чего не достигли, так же глупо, как говорить, что все достигли до цели. Реформация достигла до цели, потому что желала определенного; английская революция *idem*. Абстрактно французская революция не достигла, по неопределенности цели, что ясно сказалось в февральской революции. Стало дело не в боязни революции, а в определении цели и средств. Чем определеннее в данное время, тем меньше...

Заимствовано из записной книжки Огарева № 9, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Книжка эта датирована 1862 г.

К этому времени относится разрыв Герцена с одним из ближайших его друзей — К. Д. Кавелиным, опубликовавшим в 1862 г. в Берлине брошюру «Дворянство и освобождение крестьян», в которой он резко нападал на конституционные тенденции, широко распространенные в то время не только среди либеральной части дворянства, но и среди крепостников, мечтавших компенсировать себя за уничтожение крепостного права олигархической конституцией. Кавелин высказывался за сохранение самодержавия при широком развитии местного самоуправления, которое, по его мнению, явится прекрасной школой, которая подготовит русское общество в будущем к введению конституции. Эта брошюра возмутила Герцена. К этому надо прибавить, что в своих письмах Герцену Кавелин не скрывал недовольства направлением, принятым «Колоколом». «Вы портите дело «Колокола», — писал он 6 августа 1862 г. — Чем решительнее, открытее будет он знаменем социальной революции в России, тем больше и больше он будет терять прежнее свое влияние» (Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892 г., стр. 80).

Огарев резко задел Кавелина в статье «Надгробное слово», напечатанной в № 162 «Колокола» от 1 мая 1862 г. В этой статье он писал: «Дворянство покончило всякую инициативу жизни. Оно ее покончило и в литературе. Не говоря уже об отцах, но большое число из его детей... ударились в чувство сохранения помещичьих прав, бессознательно-своекорыстно пошли по следам подкупных газетчиков, профессоров, выющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идей, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли».

Подчеркнутые слова были явно направлены против Кавелина, что последний прекрасно понял (см. его письмо Огареву от 31 мая 1863 г., там же, стр. 83—84).

Набросок Огарева интересен для характеристики его отношения в 1862—1863 гг. к революции.

7

Как-то неприятно взирается на воровство! Но все же все банки и прочее разжились на обкрадывании бедных рабочих посредством их труда и собирания пошлин. Отчего же кому-нибудь и не украсть у другого? И все это так и останется, пока люди не состроятся в общину, где друг друга обкрадывать станет не нужно.

Заимствовано из записной книжки Огарева № 35, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Набросок этот относится к 70-м годам, как и другие материалы, находящиеся в этой книжке. Более точная датировка его не представляется возможной.

8

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОКЛЯТИЕ

17 окт[ября], суббота [1874 г.]

Сегодня во сне писал к тебе это письмо, друг мой, и на яву стараюсь вспомнить. Смотря на английскую жизнь, т. е. на жизнь работников и буржуазии, и зная, что я живу в стране практической деятельности — мне все же кажется, что я живу в среде чада людского. Если разобрать всю деятельность труда, то едва ли мы удовлетворимся ее смыслом. А между тем потребность труда существует во всех сословиях, т. е. у иных ради заработка и продовольствия, у других ради наживы и обогащения.

Человек живет, т. е. ест, пьет, спит и двигается (в разных отношениях) смотря по возможностям мускулов, нервов etc. В чем же заключается его труд, т. е. его практическая деятельность? В приготовлении пищи и питья, в приготовлении жилья и постели, в приготовлении средств для ходьбы и езды по земле и по воде и даже по воздуху. Тут мы найдем земледелие и скотоводство, рыболовство и все, что относится к этому разряду; накопывание воды, приготовление жидкостей и вина и т. п.; далее постройка изб и деревень, домов и городов и пр., постройка телег и экипажей, паромов и кораблей и пр. Я не вижу надобности входить в подробности; достаточно показать сущность дела, которая практическую деятельность включает в устройство жизни. Таким образом, слагалась история: те личности, которые получше, устраивали свою жизнь (разумеется на счет других), из толпы производились в буржуазию или барство, в военную силу или императорство. Остальные оставались работниками, а лично цели имели все такие же, т. е. накопить до положения буржуа или барина, военного командира или повелителя. Если хорошенько присмотреться к истории, то ее гражданское, т. е. государственное развитие из этих пределов не выходило или повторялось в различных формах на тех же основных условиях, не выходило из тех же стремлений и целей, из подобных средств и порядков. Возьмем для примера хотя и самые, так называемые, передовые страны: Древняя Греция и Рим — сравните их с новыми республиками, королевствами (конституционными и неконституционными) и империями. Наиболее разницы мы найдем в религиях, что, впрочем, доказывает, что не религии действовали на устройство обществ, а напротив того, начала и движения обществ создавали религии. Дело удобопостижное: человеческие общества все одинакого покроя и подобных или одинаких отношений; а все же при этом фантазия может играть дело разного закала, смотря по породе, по почве, по климату и пр. *

Если бы мы ожидали человеческого направления, вообще (гуманного), то нам прежде всего следует отречься от всяких отдельных общественных фантазий, иначе мы ни до чего не дойдем. В отдельных фантазиях не только пружина какого-нибудь условия, а пружина меж-

* В сущности, мы в основе не отделим Юпитера от Саваофа; разница только останется в движениях и созданиях общественных. Сам Аполлон, Мессия древнего мира, создан не по той фантазии, по которой создан Мессия нашего мира; но все же до собственной общественной фантазии.

доусобных споров. История нам и показывает постоянное разрушение и возникновение.

Для того и другого можно принять, что природа, разрастаясь, произвела разные породы животных и, наконец, от обезьяны человека. Это до такой степени справедливо, что сам человек, дошедший до слова при своем развитии, дошел до балета, как самого искусственного проявления человеческой жизни; а это проявление сводилось на подобие обезьянним ухваткам, т. е. лишалось языка и сводилось на жесты.

Ведь, в сущности, все не в этом вопрос. Все это мелко или ничтожно. Тут мы опять ни до какого единичного труда не достигнем, а только поворачиваемся в блудодействе.

Политические средства, которые будут тут и там отличаться отдельным характером, но ни к какой действительной единичной цели не приведут.

Если мы возьмем хотя бы наших наиболее определенных писателей, напр[имер], хоть Карла Фогта, мы найдем,...

Печатается по незаконченному черновику, заимствованному из записной книжки Огарева № 32, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Годовая дата устанавливается печатаемым в № 41—42 «Литературного Наследства» письмом Огарева к Бакунину от 21 ноября 1874 г., в котором имеется упоминание об этом произведении Огарева.

9

В деле Дьякова надо обратить внимание на работников и мещан, которые, подпавшись под допросы тайной полиции, развращаются правительством до роли доносчиков и подлецов. Тут уже не то, чтоб толковать о мудрости или немудрости законодательства, а следует толковать о бедственном положении низших классов и предательском мероприятии правительства.

Заимствовано из записной книжки Огарева № 32, хранящейся в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

17 июня 1875 г. в Сенате слушалось дело В. М. Дьякова, А. И. Сирякова и др., обвинявшихся в революционной пропаганде среди петербургских рабочих и солдат.

По этому делу было привлечено несколько распропагандированных рабочих; некоторые из них под влиянием угроз дали откровенные показания.